РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXVII • 2024 • № 1

Санкт-Петербург

Российская академия наук Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Адрес редакции: 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Адрес издателя: 191186, Санкт-Петербург, д. 18. Тел.: +7 (812) 315-87-28 http://orientalstudies.ru mongolica@orientalstudies.ru kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru

Регистрационный номер свидетельства о регистрации средства массовой информации ПИ No ФС77-79202 от 22 сентября 2020 г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10046 и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/rnpt-9kut-xa91

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Tom XXVII • 2024 • № 1

Выходит 4 раза в год Издается с 1986 г. Учредитель: ФГБУН Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 70-летнему юбилею российских монголоведов Л. С. Дампиловой и Ю. В. Кузьмина

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, главный редактор, доктор филологических наук (Россия)

Д. А. Носов, секретарь редколлегии, кандидат филологических наук (Россия)

М. А. Козинцев, помощник секретаря (Россия)

Г. Билгуудэй, доктор филологических наук (Монголия)

А. Бирталан, доктор наук (Венгрия)

Р. М. Валеев, доктор исторических наук (Россия)

Л. С. Дампилова, доктор филологических наук (Россия)

И. В. Зайцев, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)

Ж. Легран, доктор наук, профессор (Франция)

В. Капишовска, доктор наук (Чехия)

Э. Мунхцэцэг, кандидат филологических наук (Монголия)

С. Л. Невелева, доктор филологических наук (Россия)

К. В. Орлова, доктор исторических наук (Россия)

М. П. Петрова, кандидат филологических наук (Россия)

Р. Поп, доктор наук (Румыния)

Ц. Саранцацрал, доктор филологических наук (Монголия)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук, профессор (Россия)

С. Чулуун, академик МАН (Монголия)

Е. Э. Хабунова, доктор филологических наук (Россия)

Н. Хишигт, кандидат исторических наук (Монголия)

Н. С. Яхонтова, кандидат филологических наук (Россия)

Оригинал-макет - М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 11.03.2024

Формат $60 \times 90\,^{1}/_{\circ}$. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvoe.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2024

© Коллектив авторов, 2024

B HOMEPE:

Ю. В. Кузьмин — иркутский историк-монголовед (к 70-летию) (От Редколлегии) ФИЛОЛОГИЯ Сэржээгийн Монхсайхан. Дундад үеийн монгол хэлний а, е эгшгийн авианы онцлог (Особенности фонем гласных "а" и "э" средневекового монгольского языка) 1 Ю. А. Иоаннесян. Из истории изучения и классификации персидских и других западно-иранских диалектов 1 Энзиньцайжан (Огьен Церинг). Четырехъязычное издание «Сутры в сорока двух разделах» 2 В. Ю. Климов. Стихотворные славословия Синрана, посвященные Дао-чо (562-645) 3 В. Ю. Климов. Стихотворные славословия Синрана, посвященные Дао-чо (562-645) 3 Р. П. Сумба. Рукописи и ксилографы на тибетском языке из фондов Национального музея Республики Тыва 4 ИСТОРИЯ Агванцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 ИСТОРИЯ Агванцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 ИСТОРИЯ Агванцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 ИСТОРИЯ Агванцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 ИСТОРИЯ 4 Агванцэрэн Ма	Л. С. Дампилова — исследователь литературы и шаманских песнопений монгольских народов (к 70-летию) (От Редколлегии)	5
ФИЛОЛОГИЯ Сэржээгийн Мөнхсайхан. Дундад үеийн монгол хэлний а, е эгшгийн авианы онцлог (Особенности фонем гласных "a" и "s" средневекового монгольского языка)	•	
Сэржээгийн Мөнхсайхан. Дундад үеийн монгол хэлний а, е эгшгийн авианы онцлог (Особенности фонем гласных "а" и "э" средневекового монгольского языка) 1 Ю. А. Иоаннесян. Из истории изучения и классификации персидских и других западно-иранских диалектов 1 Энзиньцайжан (Отьен Церинг). Четырехъязычное издание «Сутры в сорока двух разделах» 2 В. Ю. Климов. Стихотворные славословия Синрана, посвященные Дао-чо (562–645) 3 Р. П. Сумба. Рукописи и ксилографы на тибетском языке из фондов Национального музея Республики Тыва 4 ИСТОРИЯ Атваанцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 Агваанцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 ИСТОРИЯ Атванцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 ИО. В. Болтач. Упоминания Тибета (Тхобон) и отражение первых прямых тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са) 5 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии) 6 Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина в Монголою (Мандирири) 8		
(Особенности фонем гласных "а" и "э" средневекового монгольского языка) 1 Ю. А. Иоаннесян. Из истории изучения и классификации персидских 1 и других западно-иранских диалектов 1 Эцзиньцайжан (Огьен Церинг). Четырехъязычное издание «Сутры в сорока двух разделах» 2 В. Ю. Климов. Стихотворные славословия Синрана, посвященные Дао-чо (562-645) 3 Р. П. Сумба. Рукописи и ксилографы на тибетском языке из фондов Национального музея 4 Республики Тыва 4 ИСТОРИЯ 4 Агваанцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 НО. В. Болтач. Упоминания Тибета (Тхобон) и отражение первых прямых 7 Тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са) 5 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии) 6 Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: 9 экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина 1 в Монголию (начало) 7 С. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022		
и других западно-иранских диалектов		13
В. Ю. Климов. Стихотворные славословия Синрана, посвященные Дао-чо (562–645)		18
Р. П. Сумба. Рукописи и ксилографы на тибетском языке из фондов Национального музея Республики Тыва 4 ИСТОРИЯ 4 Агваанцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 Ю. В. Болтач. Упоминания Тибета (Тхобон) и отражение первых прямых 5 тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са) 5 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии) 6 Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: 9 экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина 8 м Монголию (начало) 7 С. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти 8 Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения 9 и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.) 8 Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, 10 посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937) 9 (14 ноября 2023 г., ИВР РАН) 9 РЕЦЕНЗИИ 7 Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению 9	Э цзиньцайжан (Огьен Церинг). Четырехъязычное издание «Сутры в сорока двух разделах» .	25
Республики Тыва 4 ИСТОРИЯ Агваанцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 Ю. В. Болтач. Упоминания Тибета (Тхобон) и отражение первых прямых тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са) 5 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 6 Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии) 6 Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: 9 экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина 7 в Монголию (начало) 7 С. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти 8 Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.) 8 Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, 10 9 (14 ноября 2023 г., ИВР РАН) 9 РЕЦЕНЗИИ 7 7 7 Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению 9	В. Ю. Климов. Стихотворные славословия Синрана, посвященные Дао-чо (562–645)	30
Агваанцэрэн Мандирмаа. Годы жизни А. М. Позднеева во Владивостоке (1899–1903) 4 Ю. В. Болтач. Упоминания Тибета (Тхобон) и отражение первых прямых тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са) 5 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ [Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии) 6 Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина в Монголию (начало) 7 С. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.) 8 Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937) (14 ноября 2023 г., ИВР РАН) 9 РЕЦЕНЗИИ 7 Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению 9		42
Ю. В. Болтач. Упоминания Тибета (Тхобон) и отражение первых прямых тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са)	ИСТОРИЯ	
тибетско-корейских контактов в разделе «Наследственные дома» «Истории Корё» (Корё са) 5 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии)		48
Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии) 6 Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: 9 экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина 7 В Монголию (начало) 7 С. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти 8 Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения 9 и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.) 8 Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, 8 посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937) 9 (14 ноября 2023 г., ИВР РАН) 9 РЕЦЕНЗИИ 7 Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению 9		57
Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии) 7 К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: 9 экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина 7 В Монголию (начало) 7 С. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти 8 Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения 9 и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.) 8 Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, 8 посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937) 9 РЕЦЕНЗИИ 9 Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению 9	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, Хурэлбатор Дамдинсурэн. «Дорогами Н. К. Рериха»: экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина в Монголию (начало)	Дандарын Ёндон (1944–1996) (От Редколлегии)	68
экспедиция Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина в Монголию (начало)	Осорнамжимын Сухэбатор (1944–2005) (От Редколлегии)	70
В Монголию (начало)		
C. Л. Бурмистров. Первая ежегодная международная конференция памяти Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.) 8 Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, 10 посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937) 9 (14 ноября 2023 г., ИВР РАН) 9 РЕЦЕНЗИИ Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению 9		71
Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения и интерпретации» (Джайпур, 22–28 ноября 2022 г.)		/ 1
Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек. XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения, посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937) (14 ноября 2023 г., ИВР РАН)	Всеволода Семенцова «Философские тексты на санскрите: проблемы чтения	89
посвящённые 145-летию со дня рождения Б.Б.Барадийна (1878–1937) (14 ноября 2023 г., ИВР РАН)		
Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению9	посвящённые 145-летию со дня рождения Б. Б. Барадийна (1878–1937)	93
	РЕЦЕНЗИИ	
	Т. Д. Скрынникова. Новые книги по монголоведению	98
1.1. Басангова. 1руды по калмыцкой фольклористике за 2023 год	Т. Г. Басангова. Труды по калмыцкой фольклористике за 2023 год	103

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES Institute of Oriental Manuscripts (Asiatic Museum)

MONGOLICA

191186. Russian Federation Saint Petersburg, Dvortsovaya Emb., 18 Phone: +7 (812) 315-87-28 http://orientalstudies.ru mongolica@orientalstudies.ru kulgan@inbox.ru dnosov@mail.ru Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVII • 2024 • No. 1

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

Dedicated to the 70th anniversary of the Russian Mongolists L. S. Dampilova and Yu. V. Kuzmin

Editorial board:

- I. V. Kulganek editor-in-chief, D. Sc. (Philology), Russian Federation
- D. A. Nosov secretary, Cand. Sc. (Philology), Russian Federation
- M. A. Kozintcev assistant secretary, Russian Federation
- G. Bilguudei. D. Sc. (Philology), Mongolia
- A. Birtalan. Ph. D., Hungary
- S. Chuluun. Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia
- L. S. Dampilova. D. Sc. (Philology), Russian Federation
- J. Legrand. D. Sc., Professor, France
- V. Kapishovska. Ph. D., Czech Republic
- E. E. Khabunova, D. Sc. (Philology), Russian Federation
- N. Khishigt. Ph. D. (History), Mongolia
- E. Munkhtsetseg. Cand. Sc. (Philology), Mongolia
- S. L. Neveleva. D. Sc. (Philology), Russian Federation
- K. V. Orlova. D. Sc. (History), Russian Federation
- M. P. Petrova. Ph. D. (Philology), Russian Federation
- R. Pop. Ph. D., Romania
- Ts. Sarantsatsral. D. Sc. (Philology) Mongolia
- T. D. Skrynnikova. D. Sc. (History), Russian Federation
- R. M. Valeev. D. Sc. (History), Russian Federation
- N. S. Yakhontova. Cand. Sc. (Philology), Russian Federation
- I. V. Zaytsev. D. Sc. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

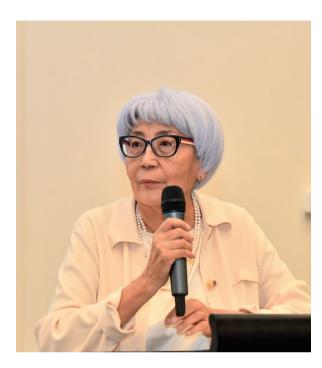
IN THIS ISSUE:

L.S. Dampilova — Researcher of Literature and Shamanic Chants of the Mongolian Peoples (on the 70th Anniversary of the Scholar) (By Editorial Board)	5
Yuri V. Kuzmin — Historian and Mongolist from Irkutsk (on the 70th Anniversary of the Scholar) (By Editorial Board)	
PHILOLOGY	
Serjee Munkhsaikhan. Features of the Phonemes of Vowels "a" and "e" of Medieval Mongolian	13
Youli A. Ioanneşyan. From the History of the Study and Classification of Persian and Other West Iranian Dialects	18
Ejincairang (Ogyen Tsering). About the Quadrilingual Edition of the "Sutra in Forty-two sections"	25
Vadim Yu. Klimov. Poetic Praises of Shinran dedicated to Dao-cho (562–645)	
Rita P. Sumba. Tibetan manuscripts and Block prints from the collections of the National Museum of the Republic of Tuva	42
HISTORY	
Agvaantseren Mandirmaa. Years of Life of A. M. Pozdneev in Vladivostok (1899–1903)	
ACADEMIC LIFE	
Dandaryn Yondon (1944–1996) (By Editorial Board)	68
Osornamzhsimyn Sukhbaatar (1944-2005) (By Editorial Board)	70
Konstantin A. Beketov, Natalya K. Beketova, Khurelbaatar Damdinsuren. "The Roads of N. K. Roerich": the Expedition of St. Petersburg Ilya Repin Academy of Arts to Mongolia (Beginning)	71
Sergei L. Burmistrov. First Annual International Conference in Memory of Vsevolod Sementsov «Philosophical Sanskrit Texts: Problems of Reading and Interpretation» (Jaipur, November 22–28, 2022)	
Julia V. Boltach, Irina V. Kulganek. The Twelfth St. Petersburg Seminar of Tibetan Studies dedicated to 145th anniversary of B. B. Baradiin (1878–1937) (St. Petersburg, November 14, 2023, IOM RAS)	
REVIEWS	
Tatiana D. Skrynnikova. New Books on Mongolian Studies	98
Tamara G. Basangova. Proceedings and Publications on Kalmyk Folklore in 2023	103

Л. С. ДАМПИЛОВА — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ШАМАНСКИХ ПЕСНОПЕНИЙ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ (К 70-ЛЕТИЮ)

Людмила Санжибоевна Дампилова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, доцент по кафедре истории мировой литературы, координатор проекта отдела фольклористики и литературоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук, является видным российским ученым в области фольклора и литерат уры монгольских народов. Основные научные интересны Людмилы Санжибоевны сосредоточены на изучении устной монгольской и бурятской литературы, шаманской культуры и различных сторон жизни сибирских народов. Она является ведущим специалистом по фольклору и литературе монгольских и сибирских народов, занимается исследованием поэтики, символики, основных тенденций бурятской обрядовой и культовой поэзии. В круг ее профессиональных интересов входит мифология сибирских народов, при изучении которой используются современные научные филологические методы и подходы к природе и особенностям текста, контекста и интертекста произведения.

Л. С. Дампилова родилась 2 января 1953 г. в с. Баянгол Баргузинского района Бурятии. В 1976 г. окончила Иркутский государственный университет. С 1977 по 1986 гг. работала учителем русского языка и литературы восьмилетней школы в поселке Датта Ванинского района Хабаровского края, 1986 по 2003 гг. — преподавателем, старшим преподавателем, доцентом кафедры истории мировой литературы Восточно-Сибирского государственного института культуры в Улан-Удэ. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности «литература народов Российской Федерации (сибирская литература: алтайская, бурятская, тувинская, хакасская, якутская)» на тему «Восточные художественные традиции в бурятской поэзии». В 2003 г. зачислена в Институт

монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, где прошла путь от старшего до главного научного сотрудника. В 2006 г. защитила докторскую диссертацию «Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика». Людмила Санжибоевна много лет возглавляет отдел литературоведения и фольклористики, возглавляет и координирует работу отдела. В течение нескольких лет она руководила лабораторией «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык», созданной на средства гранта Правительства РФ.

Людмилой Санжибоевной Дампиловой издано более 190 научных статей, 5 монографий о фольклоре, традиционной и современной монгольской литературе. Особого упоминания заслуживают ее работы по современной поэзии и поэтике традиционного обрядового фольклора. Ею впервые был сделан перевод на русский язык и проведен литературоведческий анализ большого количества культовых стихотвор-

ных текстов шаманских песнопений, которые она ввела в научный оборот. Л. С. Дампилова впервые систематизировала шаманский поэтический материал, выявила сюжетно-композиционную структуру, основные мотивы, особенности стихосложения шаманских песнопений. В работах ученого впервые была дана характеристика используемых образных средств (метафор, символов), прослежены закономерности функционирования различных ритуально-обрядовых действий в традиционной культуре.

Основными работами ученого стали ее монографии: «Восточные художественные традиции в современной бурятской поэзии» (2000), «Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова» (2005), «Шаманские песнопения бурят: поэтика и символика» (2012), «Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов» (2016).

В своих работах Л. С. Дампилова исследует сохранность и трансформацию основных фольклорных жанров, распространенных у бурят России, Монголии и Китая, проблемы этнической идентичности в литературе и фольклоре народов Сибири. Положения и выводы монографий Л. С. Дампиловой создают основу для дальнейших исследований феномена сакрального, проблем художественного языка и образности в фольклоре и литературе монгольских народов. Научные труды Людмилы Санжибоевны представляют собой ценный вклад в бурятскую фольклористику и литературоведение. Значимость их для российской и мировой науки велика.

Под руководством Л. С. Дампиловой осуществлены масштабные проекты по изучению культуры монгольского мира: «Традиции и инновации в формах хозяйства монголов и бурят: синхронная и диахронная информация» (РФФИ № 05–06–80183); «Генезис ранних форм религий: вербальное и реальное пространство бурятских и монгольских шаманов» (РФФИ № 08–06–00328); Современное бытование протяжной песни у монголоязычных народов» (РГНФ–МинОКН Монг. № 09–04 00542 e/G); «Байкал – Хубсугул: этнокультурные связи и параллели» (РГНФ № 11–04–00309а); «Жизнь

традиции: создание интерактивной базы данных – Монгольский обряд и его интерпретации» (РФФИ № 16–36–50046).

Л. С. Дампилова — прекрасный организатор научных мероприятий и фольклорных экспедиций, плановой работы руководимого ею отдела. Внушителен список исследовательских проектов, завершенных за время ее руководства отделом: «Фольклорное и литературное наследие народов Внутренней Азии: бытование традиций, текстуальная манифестация традиционной и актуальной семантики», «Гесериада: мифология и этнокультурные традиции бурят», «Концепт богини-матери в бурятской мифологии и эпосе: генезис, семантика, параллели», «Фольклор окинский бурят в контексте этнокультурных традиций Саяно-Байкальского региона», «Религиозно-мифологический аспект изучения бурятского фольклора», «Интерпретация шаманских текстов и обрядово-ритуальных действ монголоязычных народов: поэтика композиции, сюжета и мотивов», «Бурятские народные сказки и сказочники», «Аннотированный каталог бурятских улигеров. Классификация и систематизация героико-эпических сказаний Приангарских (боханских, осинских) и Прибайкальских (курумчинских, ольхонских и верхоленских) бурят, «Афористическая поэзия монголоязычных народов», «Русская фольклорная культура старожильческих сел Байкальского региона: функции и формы бытования, сюжетно-мотивный состав фольклорной прозы», «Локальные фольклорные традиции русского населения Восточной Сибири», «Проблемы исследования литературного процесса Бурятии XX - начала XXI вв.», «Литература монголоязычных народов (Монголия, Внутренняя Монголия, Бурятия, Калмыкия)», «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Большую роль в научной жизни Людмилы Санжибоевны играли фольклорные экспедиции. Она была руководителем либо исполнителем и крупных международных комплексных экспедиций по Монголии, Внутренней Монголии, Тибету, Бурятии, Иркутской области, Забайкальскому краю. Результаты экспедиций были реализованы в проведении конфе-

ренций, круглых столов, написании научных статей, монографий. Так, в Окинском районе Республики Бурятии был собран обширный материал по фольклору окинских бурят для идентификации особенностей и выявления сохранности локальной традиции. В Ольхонском районе записаны фольклорные тексты, связанные с культом хозяина острова Ольхона. В Качугском районе Иркутской области был записан фольклор верхоленских бурят, представляющий интерес для сравнительного и диахронического анализа особенностей ареальных традиций. В Усть-Ордынском бурятском округе Иркутской области, Агинском бурятском округе Забайкальского края, Тункинском, Окинском районе Республики Бурятии и Автономном районе Внутренней Монголии КНР была собрана репрезентативная коллекция образцов протяжной песни монгольских народов. В Боханском и Осинском районах Иркусткой области сделаны записи песен западных бурят, исследованы жанровые модификации и особенности локальных форм исполнения. Фольклорные экспедиции в АРВМ КНР, организованные с целью изучения современного бытования фольклора у шэнэхэнских бурят и баргутов, позволили провести сравнительный анализ полученных материалов по современному состоянию устного творчества бурят России, Монголии и Китая.

Людмила Санжибоевна является членом

редакционной коллегии журналов «Монголоведение» (Элиста), «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов), «Вестник Северо-Восточного федерального университета» (Якутск), а также экспертом РАН.

Под ее руководством защищено 6 кандидатских диссертаций молодых соискателей из Бурятии, Иркутской области, Алтая и Якутии.

Л. С. Дампилова — заслуженный деятель науки Республики Бурятия. Ее заслуги отмечены почетными грамотами Правительства, Народного хурала, Министерства образования и науки Республики Бурятия, Российской академии наук, Монгольской академии наук.

В год 70-летнего юбилея ученого, в иркутском издательстве вышла еще одна монография Л. С. Дампиловой — «Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая» (2023), посвященная исследованию современного состояния основных жанров фольклора бурят России, Монголии и Китая. Используя методы системного и сравнительного анализа, автор впервые рассмотрел в сравнительном плане пограничные районы России и Монголии и выявил отличительные особенности каждой локальной фольклорной традиции бурят.

Редколлегия журнала «Mongolica» сердечно поздравляет Людмилу Санжибоевну с юбилеем и желает дальнейших успехов в научной работе на благо бурятской и российской науки! Многая лета!

Основные научные труды Л. С. Дампиловой

Монографии:

Дампилова Л. С. Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023.

Дампилова Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск: Оттиск, 2016.

Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: поэтика и символика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012.

Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

Дампилова Л. С. Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

Дампилова Л. С. Восточные художественные традиции в современной бурятской поэзии. Улан-У-дэ: ИПК ВСГАКИ, 2000.

Статьи:

Дампилова Л. С., Наранцэцэг Д. Символический язык шаманских песнопений бурят России и Монголии // Mongolica. Том XXIII. 2020. № 2. С. 54–58.

Дампилова Л. С. Путешествия по монгольскому миру в поисках песен // Mongolica. Том XXII. 2019. №2. С. 17–22.

Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Кунгаа М. Б., Аюушжавийин А. Тувинское сказание «Богда Чангар хан» и его константные сегменты в ойратской и калмыцкой версиях героического эпоса «Джан-

гар» // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 109–118.

Дампилова Л. С. Буддийское восприятие мира в краткостишиях монгольских народов // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Седьмые Доржиевские чтения. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 121–125.

Дампилова Л. С. Особенности стихосложения в русскоязычной бурятской поэзии // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 69–77.

Дампилова Л. С. Код Д. Равжи в современной монгольской поэзии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 2. С. 70–76.

Дампилова Л. С. Мифологическая семантика змей (могой), хозяев вод (лус) и дракона (луу) в фольклоре монгольских народов // Традиционная культура. 2017. № 4. С. 182–189.

Дампилова Л. С., Николаева Н. Н., Цыбикова Б-Х. Б. Структура времени в фольклоре монгольских народов // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2017. Том 76. № 2. С. 51–59.

Дампилова Л. С. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН // Mongolica-XVIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 62–66.

Дампилова Л. С. Тюркомонгольские истоки в современной поэзии народов Сибири // Mongolica-XVI. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 44–50.

Дампилова Л. С. Культурные коды в модернистской поэзии монгольских народов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №11 (65) ч. 3. С. 28–30.

Дампилова Л. С. Семантика оригинала и перевода в поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 122–128.

Дампилова Л. С. Семантика формульного выражения в фольклоре монгольских народов // Вестник Бурятского государственного. Секция Филология. Вып. 10. 2015. С. 179–183.

Дампилова Л. С. Сакрализация пути в Прихубсугулье // Mongolica-XIV. СПб, 2015. С. 43–47.

Дампилова Л. С. Международная научная конференция «Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения» // Монголика-XV. СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. С. 94–96.

Дампилова Л. С. Семантика обрядовых действ в шаманизме монголоязычных народов // The origin of Mythology of Northern territories. Dankook, 2012. С. 78–85.

Sundueva E. V., Dampilova L. S. The semantics of the word khairkhan in a Turkic-Mongolian Ritual Event // Türkbilig. 2015/29. P. 77–87.

Дампилова Л. С. Современная поэзия бурят Монголии и Китая // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. Спецвыпуск. С. 271–275.

Дампилова Л. С. Рец. на: Кульганек И. В. Монгольский поэтический фольклор. Проблемы изучения, коллекции, поэтика // Восток (Oriens). 2012. № 2. С. 200–202.

Дампилова Л. С. Феномен сказителя-шамана в тюрко-монгольской фольклористике // ICANAS – 38. Ankara / Turkiye, 2008. Том I: Религия. С. 87–107.

Дампилова Л. С. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха // Mongolica-IX. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. С. 73–77.

Дампилова Л. С. Д. Нацагдордж и современная монголоязычная поэзия // Mongolica-VII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 32–34.

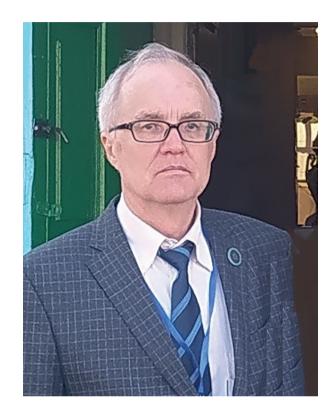
Дампилова Л. С. Символика «черных всадников» в шаманских песнопениях бурят // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 117–123.

От Редколлегии

Ю. В. КУЗЬМИН – ИРКУТСКИЙ ИСТОРИК-МОНГОЛОВЕД (К 70-ЛЕТИЮ)

Юрий Васильевич Кузьмин, доктор исторических наук, заслуженный профессор БГУ, почетный доктор Монгольского государственного университета, член-корреспондент Академии военных наук, представитель иркутской научной школы монголоведения, свою жизнь посвятил истории науки о Монголии, став одним из ведущих российских историков-востоковедов, прекрасно владеющий методикой исторических исследований и обширных знаний истории научных востоковедных центров.

Ю. В. Кузьмин родился 07.03.1954 г. в селе Корсаково Республики Бурятии. Перед поступлением в Иркутский государственный университет, с 1972 по 1974 гг., служил в Советской армии. Исторический факультет Иркутского государственного университета окончил с отличием в 1980 г., и был рекомендован в аспирантуру Восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, в которую он успешно поступил в том же году. Итогом этого периода творчества исследователя стала защита кандидатской диссертации в 1985 г. Работа была посвящена современной монгольской историографии, касающейся ключевых проблем демократического этапа монгольской революции (1921-1940 гг.). Научным руководителем выступил известный историк-китаевед Лев Абрамович Березный (1915-2005), оппонентами - ведущие российские востоковеды Евгений Иванович Кычанов (1932-2013) и Марк Исаакович Гольман (1927-2021). После защиты кандидатской диссертации Ю. В. Кузьмин работал на международном факультете Иркутского государственного университета, совмещая преподавание с учебой в докторантуре на кафедре мировой истории и международных отношений ИГУ. В 1998 г. им была защищена докторская диссертации по теме «Монгольский и Урянхайский вопросы в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.)». Научным консуль-

тантом выступил доктор исторических наук, профессор Г. Н. Новиков (1949–2008), официальными оппонентами – доктор исторических наук, профессор Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук, профессор Ю. М. Бутин (1931–2002), доктор исторических наук, профессор В. В. Грайворонский. Более двадцати последующих лет Ю. В. Кузьмин проработал профессором кафедры мировой экономики Байкальского государственного университета, с 2023 г. он – профессор кафедры отечественной истории.

Ю. В. Кузьмин является одним из ведущих специалистов в области истории и историографии России и Монголии, монгольского и зарубежного монголоведения. Исследуя проблемы русско-монгольских отношений, мировой экономики и геополитики, являясь автором более 20 монографий и 500 научных статей, он внес весомый вклад в изучение истории, экономики

и общественной мысли Монголии. Труды исследователя опубликованы в Монголии, Франции, Польше, Китае, Японии, Южной Корее, США, Германии.

Научные интересы ученого составляют история и историография Монголии, история России и история российской науки, военная история, мировая экономика и геополитика, китаеведение и востоковедение, культура стран Востока. Ю. В. Кузьмин является известным в России и за рубежом специалистом в области новой и новейшей истории Монголии, монгольской историографии, историографии российского монголоведения XVIII-XX веков, современной монгольской экономики и общественной мысли Монголии, геополитики и системы международных отношений в Восточной Азии. Ученым скрупулезно выявлены и основательно проанализированы оценки и характеристики «монгольского вопроса» дипломатами, военными, торговцами, монголоведами, политиками России. Итоги проделанной работы отражены в основных книгах: «Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений» (2000); «П. А. Бадмаев: дипломат, политик, предприниматель» (2002); «История сибирского монголоведения» (2002); «Иркутское монголоведение: 1725-2004 гг. — исследователи и книги» (2004); «Экономика и культура Монголии» (2004); «Восточные проекты П. А. Бадмаева» (2006); «Профессор Н. Н. Козьмин: историк и экономист» (2006); «Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей» (2007); «Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки» (2007); «История изучения Монголии в Иркутске» (2011); «Иркутская школа монголоведения» (2014); «Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель» (2014); «Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века. Проблемы истории и историографии» (2016); «История Монголии, и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей» (2018). Научное наследие Ю. В. Кузьмина ярко свидетельствует о его блестящем владении различными историческими жанрами: изданные им сборники документов, биографии, эпистолярное наследие исторических деятелей выполнены на высоком современном научном уровне.

Успешно продолжая традиции иркутской школы монголоведения, основателем которой были А. В. Игумнов (1761–1834) и Я. П. Шишмарев (1833–1915), работая в научной парадигме своих учителей Н. П. Шастиной (1898–1980), Е. М. Даревской (1919–2010), В. В. Свинина (1936–2012), Ю. В. Кузьмин ввел в научный оборот важные сведения о становлении, развитии и современном состоянии иркутской школы монголоведения, восстановив забытые имена сибирских исследователей Монголии, уточнив их творческие биографии и научный вклад в российское и мировое монголоведение.

Проявляя особый интерес к работам о геополитике в треугольнике Россия-Монголия-Китай, Ю. В. Кузьмин обратил внимание на российских военных монголоведов начала XX века и впервые ввел в научный оборот ценные сведения о полковниках В. Л. Попове (1864-?), А. М. Баранове (1865-?), И. В. Тонких (1877-1939). Теме военного востоковедения посвящены монографии «Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей» (2007) и «Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки» (2007), ряд статей, докладов и организованных им двух международных научных конференций, посвященных истории войны на Халхин-Голе (2009, 2014). В опубликованных статьях по военной тематике, ученым предложены новые подходы в оценке войны в Монголии в 1939 г., определении времени начала Второй мировой войны, трактовке дипломатической истории. Научные выводы Ю. В. Кузьмина получили широкий отклик в отечественной и мировой историографии.

Ю. В. Кузьминым прочитаны лекции и проведены семинарские занятия по учебным курсам: «Страноведение СССР», «История России», «История мировой экономики», «История восточной культуры и религий», «История Монголии», «Монголия в системе международных отношений», «Мировая экономика», «Экономическая география и регионалистика», «Зарубежное страноведение». Под

его научным руководством защищено шесть кандидатских диссертаций по истории и историографии Монголии и стран Востока, более 40 магистерских диссертаций по мировой экономике и всемирной истории. В 2001 г. он создал научно-информационный Центр восточной культуры Байкальского государственного университета экономики и права. В 2004–2014 гг. ученый возглавил Международный центр азиатских исследований Иркутского педагогического университета, в 2008 г. организовал Центр изучения Монголии Байкальского государственного университета.

Высокие результаты в научной и педагогической деятельности исследователя получили признание в России и за рубежом. Ю. В. Кузьмин является заслуженным профессором Байкальского государственного университета экономики и права, почетным доктором Монгольского государственного университета, почетным доктором Института истории Монгольской академии наук, академиком Академии Ю. Цеденбала, членом корреспондентом Академии военных наук РФ, почетным работ-

ником высшего профессионального образования РФ. Он награжден медалью «Золотая звезда Ю. Цеденбала», орденом «Полярная Звезда», орденом «Золотая Звезда», медалью Общества российско-монгольской дружбы, медалью «За труды в просвещении», памятным знаком «80 лет победы на реке Халхин-Гол», медалью «100 лет Монгольской народной партии».

В 2024 г. завершен международный научно-исследовательский проект РФФИ «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии», руководителем которого являлся Ю. В. Кузьмин. Впервые в российском монголоведении представлена полная картина российского и мирового монголоведения. Ученый продолжает работать над исследованием истории российского монголоведения, проводит изыскания в области отечественного военного востоковедения.

Редколлегия журнала «Mongolica» поздравляет юбиляра со знаковым событием в жизни, желает ученому и педагогу дальнейших успехов в плодотворной многосторонней деятельности!

Основные научные труды Ю. В. Кузьмина

Русско-монгольский словарь. Общественно-политическая лексика. Иркутск, 1989.

Жамбалсурэн. Н, Кузьмин Ю. В., Цэвэнпурэв С. Монголия в современном мире. Иркутск, 1992. 61 с.

Кузьмин Ю. В. Монгольский и Урянхайский вопросы в общественной мысли России (Конец XIX – 30-е гг. XX в.): к постановке вопроса. Учебное пособие Иркутск: ИГУ, 1996. 56 с.

Кузьмин Ю. В. Монголия и монгольский вопрос в общественно-политической мысли России. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1997. 232 с.

Кузьмин Ю. В. Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 2000. 66 с.

Кузьмин Ю. В. П. А. Бадмаев: дипломат, политик, предприниматель. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 108 с.

Кузьмин Ю. В. История сибирского монголоведения. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2002. 56 с.

Кузьмин Ю. В. Тайны доктора П. А. Бадмаева. Иркутск: Оттиск, 2003. 123 с.

Kузьмин Ю. В. Иркутское монголоведение: 1725—2004 гг. — исследователи и книги. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2004. 134 с.

Кузьмин Ю. В. Экономика и культура Монголии на рубеже веков. Иркутск, 2004. 105 с.

Кузьмин Ю. В. Восточные проекты доктора П. А. Бадмаева. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2006. 184 с.

Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк и экономист. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2006. 68 с.

Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. История изучения Монголии в Иркутске. Иркутск, 2006.

Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей. Иркутск, 2007;

 $\mathit{Кузьмин}$ Ю. В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки. Улан-Батор, 2007. 162 с.

Кузьмин Ю. В., Свинин В. В. Иркутская школа монголоведения. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. 437 с.

Кузьмин Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2014. 181 с.

Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века. Проблемы истории и историографии. Ир-

кутск: Издательство Байкальского Университета, 2016. 317 с.

Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В. История Монголии, и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей. Иркутск: Издательство Байкальского госуниверситета, 2018. 231 с.

Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева: некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях: (к 160-летию Генерального консульства России в Монголии). Составители: А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: Издательский дом БГУ, 2021. 341 с.

Кузьмин Ю. В., Цэрэн Ц. Эпистолярное наследие академика Б. Ринчена. Иркутск: Оттиск, 2021. 180 с.

Кузьмин Ю. В. Российские исследователи Монголии: биобиблиографический словарь. Иркутск: Издательство Байкальского государственного университета, 2021. 397 с.

Кузьмин Ю. В., Урангуа Ж. Историки Монголии XX века. Иркутск: Изд-во «Репроцентр», 2022. 404 с.

Кузьмин Ю. В. Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции. Иркутск: Оттиск, 2022. 320 с.

Российские исследователи Монголии (XIX-XXI вв.). Биобиблиографический справочник. Составители: Кузьмин Ю. В., Дугаров В. Д., Полянская О. Н., Нолев Е. В., Василенко В. А. Иркутск: ООО «Репроцентр», 2022. 614 с.

Кузьмин, Ю. В., Козырская, И. Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск: Изд-во Репроцентр+, 2023. 242 с.

От Редколлегии

УДК 81-2 DOI 10.48612/IVRRAN/8b5z-fd7v-78af

${ m C}$ ЭРЖЭЭГИЙН ${ m M}{ m \Theta}$ НХСАЙХАН ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн

ДУНДАД ҮЕИЙН МОНГОЛ ХЭЛНИЙ "A", "E" ЭГШГИЙН АВИАНЫ ОНЦЛОГ

Бидэнд уламжлан ирсэн бичгийн дурсгалууд нь монгол хэлний өнгөрсөн түүхийг судлах чухал баримт хэрэглэгдэхүүн болдог. Ялангуяа хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалууд нь тухайн цагийнхаа амьд ярианы хэлний байдлыг тэмдэглэсэн тул дундад үеийн монгол хэлний авиа зүй, үг зүй, үгийн сан зэрэг хэл шинжлэлийн олон талын судалгаа хийхэд нэн тохиромжтой юм. Тус өгүүлэлд уйгуржин монгол бичиг болон дөрвөлжин бичиг тэмдэглэгдсэн а, е эгшгүүдийн үсэг зүйн онцлог нь тухайн эгшгүүдийн авианы шинжид тулгуурласан болохыг баримт түшин өгүүлжээ. Судалгааны дүнд дундад үеийн монгол хэлэнд дуудлагын зөрүүтэй хоёр е эгшиг байсан гэж үзсэн бөгөөд учир нь хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалуудад тэдгээрийг тодорхой ялган бичсэн олон тооны жишээ байдаг ажээ.

Түлхүүр үг: уйгуржин монгол бичиг, дөрвөлжин бичиг, хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалууд, а эгшиг, е эгшиг.

Сэржээгийн Мөнхсайхан: Хэл бичгийн ухааны доктор, дэд профессор, Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэнгийн Хэл шинжлэлийн салбарын эрдэм шинжилгээний тэргүүлэх ажилтан; ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн (Улаанбаатар хот, Монгол улс) (munkhsaikhans@mas.ac.mn).

© ИВР РАН, 2024

© Сэржээгийн Мөнхсайхан, 2024

Орчин цагт уламжлан ирсэн уйгуржин, дөрвөлжин, хятад, араб үсгийн дурсгалуудад дундад үеийн монгол хэлний байдлыг тодорхой тэмдэглэн үлдээжээ. Үүнээс хятад, араб үсгийн дурсгалууд нь ярианы хэлний галиг байдгаараа онцлогтой. Тухайлбал, хятад үсгийн дурсгалуудад ярианы хэлэнд авианы харилцан нөлөөллийн үр дүнг тусгасан олон сонирхолтой баримт¹ байдаг. Энэ удаад зөвхөн а, е эгшгийн авианы онцлогийг тусгайлан судалж үзэв. Юуны өмнө а, е эгшгийг бичигт хэрхэн тэмдэглэсэн үсэг зүйн онцлогийг тодруулбал:

уйгуржин монгол бичигт: а нь титэм+шүд, е нь титэм; титэм+шүд

дөрвөлжин бичигт: а нь титэм

е нь титэм+үндсэн үсгээс бүтэх боловч хоёр өөр дүрсээр тэмдэглэжээ. Тодруулбал, уул хоёр бичиг нь хоёул дээрээс доош бичдэг, үсэг бүр үгийн эхэн, дунд, адагт орох өөр өөр дүрстэй.

¹ Тухайлбал авиа сулрах, авиа сугарах, авиа ижилсэх, авиа давхарлах, авиа сэлгэх гэх мэт.

Мөн хоёр бичигт хоёуланд нь үгийн эхэнд ордог эгшиг үсгүүд титэмтэй байдаг ажээ.

Уйгуржин монгол бичигт а эгшгийг үгийн эхэнд титэм+шүд гэж, үгийн дунд, адагт е эгшигтэй адил дүрсээр тэмдэглэдэг. е эгшгийг үгийн эхэнд олонхдоо дан титмээр тэмдэглэдэг боловч титэм+шүд гэж тэмдэглэсэн хэлбэр ч бас тохиолдоно. Үгийн дунд шүд, үгийн адагт сүүлээр тэмдэглэдэг.

Дөрвөлжин бичигт а эгшгийг үгийн эхэнд дан титмээр, үгийн дунд, адагт тусгай дүрсээр ялган тэмдэглэдэггүй, төвөд бичгийн уламжлалын адил зөвхөн байрлалаараа илэрнэ. Өөрөөр хэлбэл, а эгшгээр амилдаг гийгүүлэгчээр дамжин далд байдлаар илэрдэг. е эгшгийн тухайд, үгийн эхэнд титэм+үндсэн эгшгийн дүрсээс бүтнэ. Үүнийг үсэг зүйн талаас титэм нь үгийн эхний байрыг заасан, үндсэн дүрс нь е эгшгийг тэмдэглэсэн, уйгуржин монгол бичгийн эртний дурсгалуудад үүнтэй адилаар титэм+шүд тэмдэглэсэн байдаг гэж үзэх нь бий. Өөрөөр

14 Филология

хэлбэл, уйгуржин монгол бичгийн үсэг зүй анх бүрэлдэн тогтох үед үгийн эхний е эгшгийг титэм+шүд гэж тэмдэглэдэг байсны гэрч нь монгол хэлний дундад үеийн бичгийн дурсгалуудад үлдсэн ба хожим Пагба лам төвөд үсгийн дүрс дээр тулгуурлан дөрвөлжин үсгийг зохиохдоо монгол бичгийн уул тогтолцоог үндэс болгосон [Төмөртогоо, 2023. Х. 32-35] гэж үздэг. Иймээс дөрвөлжин бичгийн нэг онцлог бол хоёр өөр дүрс бүхий е эгшгийг тэмдэглэсэн явдал юм. Тухайлбал, е эгшгийн хоёр дахь хувилбар буюу урагшилсан è-ийг титэм+үндсэн үсгийн дүрсээр тэмдэглэсэн байдаг. Мөн тус хоёр е эгшгийн ялгааг дундад үеийн монгол хэлний авиалбар зүйн шинжийн талаас авч үзсэн² тайлбарууд ч бас байдаг. Тухайлбал, Өвөр Монголын эрдэмтэн Зууннаст дурдсан (урагшилсан) è-ийг тусгайлан судалж, дөрвөлжин үсгийн 23 дурсгал дахь нийт 584 тохиолдлыг бүртгэн гаргаж, дөрвөлжин бичиг дэх уг үсэг нь угтаа і авиаг тэмдэглэсэн [Зууннаст, 1990. Х. 23-29] гэж үзсэн байдаг.

Тэгвэл бичигт ялгаатай тэмдэглэсэн дээрх а, е эгшиг нь ярианы хэлэнд чухам ямар онцлогтой байсныг ижил цаг үед хамаарах хятад үсгийн дурсгалуудаас тодруулан үзье. Өөрөөр хэлбэл, хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалууд³ нь тухайн цагийн амьд ярианы хэлний байдлыг тэмдэглэсэн байдаг тул а, е эгшгийн авиа зүйн шинжийг тодруулахад хэл шинжлэлийн үндэстэй, бодит баримт болно. Юуны өмнө 1264 онд зохиогдсон Монгол и юй тольд:

А эгшиг:

 Үгийн эхний а эгшгийг тодорхой ялган бичдэг. Жишээ нь, abuqa (阿不合) "авга" aqa (阿合) "ax"

- Хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалуудад монгол үгийг авиачлан галиглахдаа хоёр хэлний адил талыг түшиглэсэн буюу монгол хэлний үгийн үеийг хятад хэлний дуудлага ижил үе үг (ханз үсэг)-ээр тэмдэглэсэн байдаг. Ингэж тэмдэглэхэд задгай, тэргүүн үеийн а эгшиг арын уі-ийн нөлөөгөөр тагнайшсаныг 爱 буюу аі-гаар тэмдэглэжээ. Өөрөөр хэлбэл, энэ нь а эгшгийн тагнайшсан хувилбар болно. Жишээ нь, аууеда<ау+уе+да (爱耶合) "аяга" паууал<пау+уа+п (乃意) "наян" гэх мэт.
- Мөн үгийн дунд орсон а-г аі-аар тэмдэглэсэн байдаг. Жишээ нь, jiqaisu (只海速) "загас". **Е эгшиг:** Үгийн эхэнд орсон е эгшгийг гурван янзаар тэмдэглэжээ. Үүнд,
- 厄(e) ханзаар уйтан е эгшгийг тэмдэглэсэн боловч тун цөөн тохиолддог. Жишээ нь, ebugan /ebügen (厄不干) "өвгөн",
- 阿(a) ханзаар нэлээн агуу хэлэгддэг е эгшгийг тэмдэглэжээ. Жишээ нь, аkö /eke/ (阿可) "эх", ale /ere/ (阿列) "эр" ате (阿滅) "эм" аköči /ekeči/ (阿可赤) "эгч" атидап /emügen/ (阿母干) "эмгэн" атиди /emüdü/ (阿母都) "өмд" аnda /ende/ (按答) "энд" гэх мэт.
- Мөн үгийн эхний е-ийг 爱 (ai)-гаар бас тэмдэглэжээ. Жишээ нь, aičige /ečige/ (爱赤哥) "эцэг" aibin /ebin/ (爱賓) "эбин-их авга" aimian /emen/ (爱兔) "бэр" aibasun /ebesün/ (爱佰孫) "өвс" гэх мэт.

Тэгвэл Монголын нууц товчоонд уул хоёр эгшгийг хэрхэн тэмдэглэснийг үзвэл үгийн эхэн, дунд, адагт хаа орсноос үл хамааран ямагт 阿 (а) ханзаар тэмдэглэснээс гадна үгийн өргөлтөт үе, өргөлтгүй задгай, битүү үеийн алинд ч ийнхүү тэмдэглэжээ. Өөрөөр хэлбэл, а эгшиг нь үгийн хаа тохиолдохоос үл хамааран тод хэлэгддэг байсан ажээ. Жишээ нь, аba 阿把, abala'asu 阿巴剌阿速 гэх мэт. Үеийн эхэнд аi, аm, an, ang, au гэж тэмдэглэж, Монголын нууц товчоонд гарах бүх гийгүүлэгч авиатай нийлж битүү, задгай үе үүсгэсэн байхын сацуу өөрийн хэлэгдэх байдлаа тогтвортой хадгалж байна. Үүнийг хүснэгтлэн үзүүлбэл:

² Ө. Хөгжилт "Дөрвөлжин үсгийн е ба è-ийн тухай" — Монгол хэл шинжилгээний өгүүллүүд, 1987. Х. 943–956, Shiro Hattori "The hP'ags-pa letter and è represent one and the same Mongolian vowel", -Gedanke und wirkung, Festschrift zum 90, Wiesbaden, 1989. Р. 46–151, 照那斯图, 有关八思巴字母è的几个问题. 八思巴字和蒙古语文献 I研究文集, Institute for the study of language & Cultures of Asia & Africa, Tokyo University of foreign studies 1990. Р. 23–29.

³ Үүнд, Монгол и юй толь 蒙古譯語 /1264/, Монголын нууц товчоо 元朝秘史 /XIV зууны II хагас/, Хуа и и юй толь 華夷譯語 /1389/, Бэй лу и юй 北虜譯語 /1598/, Лу лун сай люэ-ийн орчуулга үг 盧龍塞畧 /1610/, Бэй лу као 北虜考 /1621/ зэргийг дурдаж болно.

Д/д	Латин галиг	хятад ханз үсэг		жишээ	
		Үгийн эхэнд	Үгийн дунд	Үгийн адагт	
1.	a	冏	阿	阿	阿剌阿速 (ala'asu)
2.	ai	唉,埃		埃	唉亦 (ayyi)-аялга үг
3.	am	俺, 奄			奄都 ^舌 里 _黑 荅 ^[舌] 侖 (amduriqdarun)
4.	an	安		安	安達 (anda)
5.	ang	昂			昂 ^中 合 (angqa)
6.	au	奥			奧 ^中 合 (auqa)

Тэгвэл е эгшгийн хувьд уг эгшиг дангаар үе бүтээсэн тохиолдолд үгийн эхэнд 厄,額 гэж, үгийн адагт 額 гэж тус тус тэмдэглэсэн байдаг бол гийгүүлэгч авиатай нийлж хэрхэн үе (задгай, битүү) бүтээснийг үзвэл:

3aðaaŭ yeð: be 別, bei 北, 伯; de 迭, 絰, 跌, 咥, 垤, dei 德, 歹;

ge 格, gei 該; he 赫, 恊, hē 恊; je者, 折, 哲, jei 澤, 者;

ke 客, 格, kei 克; le 列, 洌, 烈,連,^舌列, lē 列; me 篾,馬; ne, n-e 捏,涅,年; re ^舌列,^舌洌, se, s-e 泄,洩.薛;

te 帖,驖, tei 台;

gem 兼, gen 堅,干; hem 含; jem 詹,呫, jen 氊, 瞻;

kem 坎,砍,弇, ken 虔,刊,牽,虔; len 連,漣, leng 涼,良,郎;

men 綿; nem 粘, nen 年, 撚, neng 能; rem ^舌廉, ren ^舌漣, ^[音]漣, ^[5]沙, ⁵怜, ⁵連; 撏, sen 三,先,

seng 襄,桒,桑,想,僧,相; tem 忝,添, ten 田,壇, teng 騰;

Нийлмэл эгшиг: geü- 苟,鉤; jeü 趙, jeu (jew) 沼; new 耨 гэх мэт байна.

Дээрх тэмдэглэгээнээс үзвэл дараах зүй тогтол ажиглагдаж байна.

Задгай үед: a/ be, de, le, me, ne, re, se, te-д (別,迭,篾,列,洌,烈,捏,浬,洩,帖) орсон е эгшгийг ie нийлмэл эгшгээр,

б/ ge, je, ke-д (格, 客, 者,折,哲) орсон е эгшгийг дан e (уйтан) эгшгээр

в/ he-ийг (赫, 恊) ie, e-ийн аль алинаар тус тус тэмдэглэжээ.

Битүү үед: a/ ben, dem, den, gem, gen, len, men, nem, nen, ren, rem, sem, sen, tem, ten (邊,

點, 顛, 兼, 堅, 連, 漣, 綿, 年, 撚, 音廉, 先, 忝,添, 田) үеүдэд орсон е эгшгийг іе/іа нийлмэл эгшгээр тэмдэглэсэн

б/ ŋ-ээр төгссөн битүү үе (deng, leng, neng, seng, teng)-д е-ээр (уйтан) тэмдэглэсэн байна. [Мөнхсайхан, 2021. Х. 102–103] Өөрөөр хэлбэл, эдгээр тэмдэглэгээнээс үзвэл дундад үеийн монгол хэлэнд ялгаатай дуудагддаг хоёр е эгшиг байсан, тодруулбал хэлний урдуур хэлэгддэг d, t, s, l, n, r болон уруулын b, m гийгүүлэгчийн араас орсон е эгшиг нь агуу, g, j, k зэрэг гийгүүлэгчийн араас орсон е эгшиг нь нэлээн уйтан байдалтай хэлэгддэг байсан бололтой. Ерөөс монгол хэлний g, k гийгүүлэгч нь зөвхөн хэлний урдуурх е, і, ö, ü эгшигтэй үгэнд тохиолддог онцлогтой билээ. Түүнчлэн тэргүүн үеийн е эгшгийг мөн хоёр өөр ханзаар тэмдэглэсэн нь дуудлага ялгаатай байсныг тэмдэглэсэн байж болно. Учир нь, Монголын нууц товчоонд үгийн утга ялгах үүднээс бичлэг ялгаатай ханз ашигладаг, хэл зүйн бүтээврүүдийг тусгай ханзаар ялган тэмдэглэдэг, эр эм эгшгийг дуудлага ижил боловч өөр бичлэгтэй ханзаар ялган тэмдэглэдэг гэх мэтээр монгол хэлний онцлогийг тусгасан жишээ олон байдаг. Тиймээс е эгшгийг ийнхүү ялгаж тэмдэглэсэн нь тухайн үеийн ярианы хэлэн дэх авиа зүйн онцлогийг тусгасан байж болох⁴ талтай. Жишээ нь,

e[b]de'esü 厄」选額速 "๑៩двөөс" ebde'et 額,迭額。 "๑៩двөөс" ebdegü 厄,迭古 "өвдөх" ebdejü 額,迭周 "өвдөх" ebden 額,顛 "өвдөн"

⁴ Нэг үгийг дуудлага ижил, бичлэг өөр ханзаар тэмдэглэсэн учир утгын ялгааг тэмдэглээгүй харин тухайн цагт өгүүлэхийн явцад ажиглагдаж байсан авианы ялгаатай шинжийг тэмдэглэсэн байх илүү магадлалтай.

16 Филология

Түүнчлэн Лу лун сай люэ (盧龍塞畧)-ийн 19, 20-р бүлгийн орчуулгын бүлэг (譯部) /1610 он/-т е эгшгийн хэд хэдэн тэмдэглэгээ байдаг. Үүнд:

1. 額 ханзаар буюу е эгшгээр тэмдэглэсэн, үүнд:

emüne 額末捏 "өмнө" eüden 偶丹 "ууд" eličen 額里臣 "элчин" elinčük 額林觸克 "элэнцэг" eneriküi 額捏里恢 "энэрэх"

2. 我 ханзаар буюу ö-өөр тэмдэглэсэн, үүнд: ögin (+sala) 我近/撒喇/ *"эхэн сар"*

/тэргүүн сар/

öjige öke 我只个我克 "эцэг эх" ömagik 我麻吉克 "эмэг эх" öbügen 我卜干 "өвгөн"

3. 阿 ханзаар тэмдэглэсэн, үүнд:

aröne 阿羅捏 "*өрнө*" angke 昂客 "*энх*"

гэх мэт жишээ байна. Дурдсан жишээнээс үзэхэд хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалуудад ялгаатай е эгшгийг тэмдэглэсэн болохыг мэдэж болно. Үүнд, 額/厄 ханзаар бичгийн хэлний е эгшгийг, харин 我 болон 阿 ханзаар тэрхүү бичигт тэмдэглэгдсэн е эгшгийн ярианы хэлэн дэх авианы ялгааг тус тус тэмдэглэжээ.

Түүнчлэн дундад үеийн монгол хэлний а, е авиатай холбоотой түүхэн хэл зүйн баримтаас үзвэл а, е эгшиг нь ихэвчлэн тэргүүн үеийн уруулын эгшигт татагдан ижилссэн тохиолдол олон байна. Жишээ нь:

о-гийн дараа орсон а: Дундад үеийн монгол хэлэнд үгийн тэргүүн бус үед орсон а нь тэргүүн үеийнхээ уруулын о эгшигт татагдан дэвшин ижилсэх үзэгдэл байсан бөгөөд "Монголын нууц товчоо"-нд ч энэ үзэгдэл тэмдэглэгджээ. Жишээ нь,

boqtalaju 字_黑塔剌周 > boqtolaju 字_黑脫剌周 *"богтолж*" oqatur 斡^中合禿^舌児 > oqodur 斡⁺豁都児 *"огтор*" to'a 脫阿 > to'o 脫斡 "тоо"
tonaq 脫納_黑 > tonoq 脫那_黑 "тоног"
joban 勺般 > j oboju 勺字周 "зов-"
orqa 斡音児中合 > orqo 斡音児中豁
"иргэн оргон"
qotat 中豁塔_惕 > qotot 中豁脫_惕
"хотод"
топа 抹納 > топо 抹那 "мөнөө"

ü/ö-ийн дараа орсон e: Тэргүүн бус үед орсон e эгшиг нь тэргүүн үеийн ö эгшигт татагдан дэвшин ижилссэн жишээ байна.

hörene 訶音列捏> höröne 訶音羅捏

"өрнө"

örmege 斡^舌児篾格> örmüge-ben 斡児木格邊 "өрмөг"

köser-e 闊薛音列> kösör-tür 闊雪音児途音児

"хөсөр"

öter 斡帖児> ötör 斡脫[±]児 "*yməp*" öre 斡[±]列> örö 斡[±]羅 "*θp*"

türgen-e 秃音児格捏> türgün-e 秃音児古捏

"түргэнээ"

töreldüksen 脫^E列_勒都_克先> töröldüksen 脫^E 羅_勒都_克先 "төрөлдсөн"

köndeledüy ^ü 款迭列都由> köndöledü-de 欵 多列都迭 "хөндөлд-"

önečid-ün 斡捏赤敦> önöčid-ün 斡那赤敦 "өнчдийн"

гэх мэт жишээ байна.

ДҮГНЭЛТ. Хятад үсгээр тэмдэглэгдсэн монгол хэлний дурсгалууд нь дундад үеийн монгол хэлний тухай олон баримтыг хадгалж байдаг ба тэдгээрийг шинжлэн үзсэний дүнд уйгуржин монгол бичиг болон дөрвөлжин бичигт тэмдэглэгдсэн а, е эгшгүүдийн үсэг зүйн онцлог нь тухайн эгшгүүдийн амьд ярианы хэлэнд байсан авианы шинжид тулгуурласан хэмээн дүгнэж байна. Тухайлбал, дөрвөлжин бичигт тэмдэглэгдсэн хоёр өөр дүрс бүхий е эгшиг, мөн уйгуржин бичигт тохиолдож буй титэм+шүд гэсэн е эгшгийн тэмдэглэгээ нь угтаа ярианы хэлэнд байсан дуудлагын хувьд нэлээн зөрүүтэй (нэг нь агуу, нөгөө нь нэлээн уйтан) хоёр өөр е эгшгийг тэмдэглэсэн гэж үзэж байна.

ном зүй

Төмөртогоо, 2023: *Төмөртогоо Д.* Дөрвөлжин бичгийн үсэг зүйд үзүүлсэн уйгуржин монгол бичгийн нөлөө // Хоёрдугаар удаагийн бүх улсын умард хязгаарын үндэстнүүдийн үсэг зүй ба толь зүйн эрдэм шинжилгээний судлан ярилцах хурлын өгүүллийн товхимол. Хөх хот, 2023. Х. 32–35.

Tumurtogo D. Durwuldzhin bichgiin useg dsuid udsuulsen uigurdzhin mongol bichgiin nulu [The second edition of the conference paper on orthography and vocabulary of all northern border Nations] // Khoiordugar udaagiin bukh ulsiin umard khiadsgaaryn undestnuudiin useg ba dsuin erdem shindzhilgeenii sudlan yariltzakh khurkyn uguuliin tovkhimol. Khukh khot, 2023. Kh. 32–35.

Зууннаст, 1990: 照那斯图, 有关八思巴字母è 的几个问题 // 八思巴字和蒙古语文献 I研究文集 [Nastu Several questions about the development of the Eight Siba alphabet // Collection of Research on the Eight Siba characters and Mongolian Literature]. Institute for the study of language & Cultures of Asia & Africa, Tokyo University of foreign studies, 1990. P. 23–29.

Мөнхсайхан, 2021: *Мөнхсайхан С.* Монголын нууц товчооны бичвэр судлал. Уб, 2021. X. 102–103.

Munkhsaikhan C. Mongolyn nuts tovchoony buchveer sudlal [Studying the text of the Mongolian "Secret Legend"]. Ulaanbaatar, 2021. P. 102–103.

FEATURES OF THE PHONEMES OF VOWELS "A" AND "E" OF MEDIEVAL MONGOLIAN

Serjee MUNKHSAIKHAN The Institute of Language and Literature MAS

The written records that have been passed down to us are valuable sources for investigating the history of the Mongolian language. In particular, Mongolian records, written in Chinese letters are highly suitable for studying various linguistic aspects such as phonology, morphology, and lexicology of medieval Mongolian because they reveal the active spoken language of their time. In this article, based on the facts, the author discussed the features of the vowels "a" and "e" in the Uyghur-Mongol script and *phags-pa* script based on their phonological articulation. As a result of the research, the author concluded that there were two distinct forms of the vowel "e", which have differing pronunciations because there are numerous examples of Mongolian records written in Chinese letters that differentiated between them.

Key words: Uyghur-Mongol script, *phags-pa* script, Mongolian records-written in Chinese letters, vowel "a", vowels "e". **Минкналкнан Serjee**, Ph.D. (Philology), Associate professor, Researcher. The Institute of Language and Literature MAS (Ulaanbaatar, Mongolia)

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕМ ГЛАСНЫХ "А" И "Э" СРЕДНЕВЕКОВОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

С. Мунхсайхан

Институт языка и литературы Монгольской академии наук

Письменные памятники, дошедшие до нас являются ценными источниками для изучения истории монгольского языка. В частности, монгольские письменные памятники, написанные китайскими иероглифами, очень подходят для изучения различных лингвистических аспектов, таких как фонология, морфология и лексикология средневекового монгольского языка, поскольку они раскрывают активный разговорный язык своего времени. В данной статье, основываясь на фактах, автор рассмотрел орфографические особенности гласных "а", и "е" в уйгуро-монгольском письме и письме, так называемый пхаг-па", на основе их фонологической артикуляции. В результате исследования, автор пришел к выводу, что существуют две различные формы гласной "е", которые имеют разное произношение, поскольку существуют многочисленные примеры монгольские письменные памятники, написанных китайскими иероглифами, которые различают их.

Ключевые слова: уйгуро-монгольская письменность, квадратная письменность, монгольские письменные памятники на китайском иероглифе, гласный "а", гласный "е".

Об авторе: Мунхсайхан Сэржээ, Ph.D. (Philology), доцент, ведущий научный сотрудник. Иститут языка и литературы АНМ (Улан-Батор, Монголия) (munkhsaikhans@mas.ac.mn).

Ю. А. Иоаннесян Институт восточных рукописей РАН

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРСИДСКИХ И ДРУГИХ ЗАПАДНО-ИРАНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

В статье рассматриваются этапы развития представлений исследователей о западно-иранских диалектах с упором на говоры массива близкородственных языков — персидского языка Ирана, афгано-персидского (дари) и таджикского. Они являют собой варианты новоперсидского языка, их литературные формы восходят к языку персидско-таджикской (новоперсидской) классической литературы, поэтому их диалекты, представляющие единый лингвистический континуум (непрерывный массив), корректно рассматривать как единое неразрывное целое для построения общей классификации, что не исключает выделения внутри этого большого массива малых массивов — диалектных групп и подгрупп. В статье прослеживаются некоторые стадии формирования взглядов исследователей на классификацию указанных диалектов, начиная с XIX в.

Ключевые слова: иранское языкознание, персидская диалектология.

Об авторе: Иоаннесян Юлий Аркадьевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора Среднего Востока Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (youli19@gmail.com). ORCID 0000-0003-2936-1128.

© ИВР РАН, 2024

© Иоаннесян Ю. А., 2024

Уже с давних времен проницательные люди, особенно филологи, замечали, что новоперсидский язык на всем обширном пространстве своего существования — в пределах исторического Ирана, включавшего в себя территории нынешних Ирана, Афганистана, Средней Азии и некоторых других местностей, не является единым. В нем не только выделяются локальные диалекты, но массивы его диалектов, объединяясь внутри себя принципиальными чертами, разнятся в зависимости от региона. Мы не будем здесь углубляться в давнюю историю, а ограничимся новым и новейшим временем — периодом с конца XVIII в. по нынешний день.

Серьезной и небезуспешной попыткой выделения таких массивов следует признать труд Шаджарат ал-Амани (завершен в 1791 г.) филолога и персоязычного поэта из Северной Индии Мирзы Мухаммада Хасана Катиля (далее: Катиль), чья биография и творчество, несмотря на их очевидное значение, до сих пор изучены мало. Его труд подробно разбирает в своей весьма информативной статье «A Linguistic Conversion: Mīrzā Muḥammad Ḥasan Qatīl and the Varieties of Persian (са. 1790)» Стефано Пелло (Stefano Pellò) [Pellò, 2016]. На эту статью опираемся и мы. Вначале скажем несколько слов о самом Катиле.

Мирза Мухаммад Хасан, известный под своим *тахаллусом* (псевдонимом) Катил, родился в Дели в 1759 г. в семье Хатри. Его отец, Даргахи Мал, переехал из Пенджаба во время правления Мухаммад-Шаха (1719–1748), поселившись сначала в селении Дасна, а затем в Дели по приглашению некого аристократа Хидаята Али-Хана Бахадура. Предок Катиля — Сиялкоти Мал Вараста был известным лексикографом и литературным критиком. Получивший образование для выдающейся карьеры *мунши*, молодой студент-индус рано стал учеником шиитского поэта иранского

происхождения Мухаммада Бакира Шахида Исфахани, под влиянием которого он принял шиитский ислам в возрасте восемнадцати лет [Pellò, 2016. P. 206].

Полиглот (в дополнение к персидскому и хинди/урду он освоил арабский, а также турецкий) и плодовитый писатель, Катиль написал все свои важные произведения на персидском языке и приобрел при жизни статус одного из ведущих «мастеров» персидской поэзии в Лакхнау. Старейший из его трудов — Шаджарат ал-Амани, завершенный в 1791 г. и посвященный другу и соратнику Катиля Саййиду Аману 'Али. Работа разделена на шесть секций (фар') [Pellò, 2016. Р. 206–207]. Четвертый фар', который будет объектом нашего рассмотрения, посвящен «описанию персидского языка» (дар байан-и забан-и фарси) в трех разделах: «язык туранцев» (дар забан-и туранийан), т. е. среднеазиатский персидский, «персидский язык иранцев» (дар фарси-йи иранийан) и «персидский язык / народа Индии» [Pellò, 2016. Р. 207-208]. Сразу же обращает внимание выделение этим автором трех крупных исторических регионов распространения персидского языка, как и разделение им новоперсидского языка на три разновидности.

Первый из трех разделов, на которые разделена глава, посвящен «языку туранцев (забан-и туранийан)». В целом, отмечает Катиль, персидский язык существует в двух разновидностях (нау') — персидский язык Ирана (фарси-йи Иран) и персидский язык Турана (фарси-йи Туран). Есть некоторые выражения, характерные для жителей Турана, которые не понимаются народом Ирана, и некоторые другие, которые являются правильными для иранцев и неизвестны туранцам; точно так же в Иране, как и в Туране, есть некоторые выражения, характерные для жителей каждого города [Pellò, 2016. Р. 211]. Катиль приводит около сорока примеров лексических отличий между туранским и иранским персидским. Они состоят в основном из существительных и прилагательных, но также и из глаголов, местоимений и идиоматических выражений [Pellò, 2016. P. 213-214]. Его список включает:

raftagī

shistan

khāstan

savār shudan-i āb

Существительные	
Туранский	Иранский
персидский	_
khusur	pidarzan (тесть)
ṭughāyī	barādar-i mādar (брат
,	по материнской ли-
	нии)
khwushdāman	mādarzan (теща)
khusurpūra	barādar-i zan (шурин,
1	брат жены)
yazna	shawhar (муж)
nīka	zan-i barādar (невест-
	ка, жена брата)
dādar	barādar (брат)
shū	shawhar (муж)
pigāh	șubḥ (утро)
bīgāh	shām (вечер)
dīna rūz	dīrūz (вчера)
ʻāfiyat	zikr (духовное упраж-
S	нение)
ū	taraf (сторона)
khubcha	chūbdastī (трость для
	хождения)
sarsurkhak-i bāzārī	shamʻ (свеча)
garmak	shalgham (peπa)
lablabu	chughundur (свекла)
pūz	sīr (чеснок)
qaltabān	qurramsāq (сутенер)
(zan-i) mānda	zan-i ṭalāqdāda (разве-
	денная женщина)
Глаголы	
Туранский персид-	Иранский
ский	
pālīdan/kāftan	justan (искать)
bar tāftan-i tīr	andākhtan-i tīr (стре-
	лять стрелой и из
	любого оружия)
c -	

rafta and raftanī (ушед-

ший; уходящий)

nishastan (сидеть)

маться, вставать)

няться (о воде)

bar khāstan (подни-

ziyād shudan-i āb (пе-

реливаться/перепол-

20 Филология

savār shudan-i rūz guzashtan-i ruz (пройти (о дне) pāyīdan qarār numūdan (устанавливать(ся) khusbīdan khwābīdan (спасть) māndan nihādan (класть; помеmāndan/nihādan guzāshtan (класть; помещать) khalānīdan gāyīdan (иметь половую связь) pāyīn shudan furūd āmadan (опускаться, сходить вниз) qurbān-at ravam qurbān-at shavam (да буду я жертвой за тебя!)

Местоимения

Туранский персидский Иранский vay $\bar{\mathrm{u}}$ (он/она)

Частицы

 Туранский персидский
 Иранский

 ārī
 balī (да)

Катиль обращает внимание и на существенные фонетические различия — в произношении звука (звуков), передаваемых буквами ق и є, а также в области гласных. Он отмечает, что иранцы произносят (ba talaffuz bar ārand) ghayn вместо qāf, и наоборот: ghuncha > quncha «бутон розы»), gharīb al-vatan > qarib al-ватан «вдали от дома», «перемещенный», qurramsāq > ghurramsāgh «сутенер», zanqaḥba > zanghaḥba «человек, чья жена проститутка». Вместо алифа, т. е. долгого [ā] они очень часто используют vāv, т. e. [u]: jān «душа» становится jūn, a nān «хлеб» становится «монахиня». Образованные и простые люди, замечает Катил, в данных случаях говорят одинаково (ba hamin nasq guftugū kunand), и даже если некоторые из них ради жеманства избегают такого использования, общая ситуация такова [Pellò, 2016. P. 216].

По мнению Катиля, для подражателя (*му-каллида*) поэзии подойдут как персидский язык Ирана, так и Турана. «Но язык азербайджанцев лучше, чем у туранцев, а жители Хорасана лучше

[по языку], чем Азербайджана. Ширазцы лучше хорасанцев, и Исфаханцы лучше всех» [Pellò, 2016. Р. 223]. Как отмечает по этому поводу Стефано Пело: «Таким образом, в рейтинге Катиля по престижу бывшая столица Сефевидов Исфахан есть наиболее авторитетный центр, затем следуют по степени важности Шираз, Хорасан, Азербайджан и Туран (где Кабул господствует над Балхом, как мы видели выше)... Прежде всего, анализ Катиля ведет к признанию ситуации диглоссии в персидском мире» [Pellò, 2016]. Катил делает интересный вывод. Быстрое языковое изменение, говорит он, и связанный с ним «воображаемый гипермеджлис "Академии" персидского языка» (related imaginary hyper-majlis of the 'Academie' of the Persian language), который проходит каждые шестьдесят лет. Саманидѕ в Иране, предполагает Катиль, это то, что действительно проводит разграничительную черту между иранским регионом и остальной частью Персофонии. Туран, представленный как кристаллизованное пространство великих мастеров среднеазиатского прошлого, не есть то место, где обитают те, кто «владеет этим языком», поскольку его язык, напротив, пребывает неподвижным в анахронической архаичности, не подвергаясь изменениям. Нет никакого использования времени вне иранского использования¹: следовательно, быть красноречивым в персидском языке, делает вывод Катиль, означает способность приспосабливаться к быстрому языковому изменению, происходящему в постсефевидском Иране [Pellò, 2016. Р. 225]. Следует признать несомненные заслуги Катиля в части представленных выше наблюдений и выводов. К первой из таких отнесем выделение двух главных массивов персидского языка — распространенного на территории Ирана, с включением иранской части Хорасана, с одной стороны, и пространства Афганистана и Средней Азии, с другой. Впоследствии это деление нашло подтверждение в исследованиях диалектологов более позднего времени. Несомненной сильной стороной здесь выступает отрыв западной части исторического Хорасана от Турана (Афганистана и Средней Азии) в лингвистическом

¹ Т. е. вне территории Ирана.

смысле, вопреки бытовавшему мнению о единстве этих территорий, основанному на реалиях эпохи Саманидов и Газневидов, но не нового и новейшего времени, т. е. скорее на исторических факторах, чем на лингвистических. Ценными, не утратившими значения и поныне, являются и замечания Катиля о фонетических отличиях персидского языка Ирана и Турана (см. выше). Отмеченные им лексические отличия, несмотря на отдельные неточности, в подавляющем большинстве случаев также верно отражают языковую ситуацию.

Обратимся теперь к классификации персидских и других западно-иранских диалектов, предложенной приблизительно столетием позже Катиля великим иранистом, знатоком и исследователем персидских диалектов В. А. Ивановым (1886–1970) в работе: «The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persia», изданной Ивановым в четырех частях [Ivanow, 1935-1939]. Этой темы Иванов касался и в изданной им ранее работе [Ivanow, 1931], но в данном труде он излагает свою теорию более обстоятельно и с развернутым обоснованием. Вместо выделения в западной группе иранских языков и диалектов двух подгрупп — северо-западной и юго-западной, автор предлагает все иранские диалекты (включая персидские), которые по принятой классификации относят к «западным», разделить на четыре подгруппы: относящиеся к литературному персидскому языку или восточно-персидские (literary Persian or Eastern Persian), западно-персидские (Western-Persian), южно-персидские (Southern Persian) и смешанные (complex hybrids). Особо подчеркнем, что речь идет о классификации не персидских диалектов, а всех иранских диалектов западной группы и в том числе персидских. По этой схеме, «западно-персидские» включают в себя диалекты, которые по существующему делению относят к «северо-западным». Однако предложенная Ивановым схема не нашла поддержки у востоковедов, которые предпочли более традиционное деление на юго-западные и северо-западные иранские языки и диалекты, а дальнейшие усилия по классификации говоров близкородственных языков персидского, дари (афгано-персидского) и таджикского пошли в направлении, созвучном уже рассмотренной нами выше концепции Катиля.

С выходом в свет указанного выше труда Иванова приблизительно совпало по времени появление очерка Л. Богданова «Stray notes on Kabuli Persian» [Bogdanov, 1930]. Он посвящен фонетике, грамматике и лексике дари в сравнении с персидским языком Ирана. Автору удалось четко определить линии, по которым проходят наиболее существенные различия между афгано-персидским и персидским языком Ирана, в чем и состоит ценность его труда и вклад в будущую классификацию говоров языков персидского, дари и таджикского. Отмеченные различительные линии охватывают фонетику, морфологию и лексику. Трудно согласиться с Р. Фархади, охарактеризовавшим в предисловии к своей монографии очерк Богданова как «список лексических и грамматических ошибок, которые он (Богданов. — Ю. И.), к несчастью, считал "особенностью"» [Фархади, 1974. С. 11]. При такой характеристике неизбежно возникает вопрос, что такое «ошибка» в речи носителей языка или диалекта и не отражает ли она специфики местного диалекта?

Здесь целесообразно отойти от жесткой хронологической последовательности при указании на диалектологические изыскания и отметить работы В. А. Ефимова — монографию «Язык афганских хазара» [Ефимов, 1965] и статью «О месте хазара в таджикском языковом массиве (на материале якаулангского диалекта) [Ефимов, 1971]. Первая содержит фонетико-грамматический очерк якаулангского диалекта хазарейцев Афганистана, который, насколько позволяют судить материалы, занимает промежуточное положение между диалектами дари центрального Афганистана и западного. Значение второй работы выходит за рамки собственно диалектов хазара и даже дари в целом. В ней выделяются изоглоссы, по которым диалектно-говорные единицы дари-таджикского ареала противостоят персидским в Иране, что в сочетании с работой, проделанной Богдановым, полностью охватывает фонетико-морфологические и другие характеристики, необходимые для сравнительного анализа.

22

Первая целостная классификация диалектного ареала языков персидского, дари и таджикского, представляющего собой континуум, связана с именем Р. Фархади. Ученый предложил ее в своем труде: «Le Persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kâboli. Accompagné d'un recueil de quatrains populaires de la Région de Kâbol» [Farhâdi, 1955]. B 1974 r. книга была переведена на русский язык под названием «Разговорный фарси в Афганистане» блестящим знатоком и исследователем дари Б. Я. Островским [Фархади, 1974]. По этой классификации весь дари-персидско-таджикский диалектный массив разделен на две группы — западную (персидские говоры западного Ирана) и восточную, состоящую из хорасанской подгруппы (с включением иранского Хорасана, афганского Хорасана, также Систана) и афгано-таджикской (имеет распространение в Таджикской ССР, других районах Средней Азии, в пределах Афганистана — от Бадахшана до Кабула, также к востоку от него). Эта классификация, безусловно, явилась важной вехой в развитии диалектологии указанного языкового ареала. Ее главным достоинством служил охват не отдельного языка, а всего персидско-дари-таджикского языкового континуума, а также выделение в нем отдельных ареалов, групп и подгрупп. Но, тем не менее, это была лишь первая попытка построения такой классификация, которая могла рассматриваться как предварительная.

Даже беглого взгляда на представленную выше классификацию достаточно, чтобы выявить неравное распределение диалектов между двумя группами, так как восточная группа охватывает географически гораздо более обширную территорию, чем западная. Однако и эта классификация не представляет восточные диалекты как однородные, поскольку восточная группа включает в себя две подгруппы: 1) хорасанскую, охватывающую восточный Иран и западный Афганистан; и 2) афгано-таджикскую, которая включает центральный и северный Афганистан и бывшую советскую Среднюю Азию. Но хорасанский ареал, даже в Иране, хоть и опосредованно, объединялся по этой классификации с восточной группой, в терминах Катиля — «туранской», что представляло собой «откат назад» от рассмотренной выше концепции Катиля. Опять создавалась ситуация, при которой исторические стереотипы — единство в глубокой древности этих территорий (Хорасана и Средней Азии), конкретно в эпоху Саманидов и Газневидов, превалировали над лингвистическими реалиями сегодняшнего дня. В этом, по нашему убеждению, и состоял главный недостаток классификации Фархади.

В 1979-1981 гг. автором настоящей статьи был собран в Афганистане материал по гератскому диалекту: тексты бытового содержания, сказки, диалоги, четверостишия и др. Последние записывались на магнитофонную ленту в основном от неграмотных и малограмотных коренных жителей (мужчин от 18-30 лет) г. Герата и близлежащих населенных пунктов: Инджиль (4 км к югу от г. Герата), Гозара (10 км к югу от г. Герата), Гуриан (64 км к западу от г. Герата), Паштун-Заргун (40 км к юго-востоку от г. Герата). Позднее в Санкт-Петербурге был также записан разноплановый материал от грамотного носителя диалекта, происходящего из селения Зиаратджай (16 км к юго-западу от г. Герата), в то время студента одного из городских вузов. Для установления характера количественных противопоставлений гласных при содействии кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета был проведен их анализ экспериментально-лабораторным способом. Вышеупомянутые материалы послужили базой комплексного исследования гератского диалекта, предпринятого автором этих строк и легшего в основу монографии «Гератский диалект языка дари современного Афганистана» [Иоаннесян, 1999] и ряда статей (см. ниже). Принадлежность гератского диалекта к хорасанским, на что справедливо указал еще Фархади в своей классификации, не подлежала сомнению. Это становилось очевидным из его сравнения с диалектами из иранской части Хорасана, описанными Ивановым. В дальнейшем вначале на основе гератского, а затем и других диалектов Хорасана (по работам Иванова) автором этих строк были выявлены основные признаки хорасанских диалектов. В процессе этих сравнительных исследований было установлено, что по ряду важных фонетико-морфологических черт указанные диалекты существенно отличаются от кабульского, сближаясь с тегеранским. Как количественный аспект этих характеристик, так и их значимость не дают оснований рассматривать хорасанские диалекты как более близкие к кабульскому, чем к тегеранскому. С другой стороны, широкий круг общих изоглосс кабульского и гератского (как и хорасанских в целом) не позволяет полностью отрывать последние от говоров дари Афганистана. Налицо все признаки «промежуточных» диалектов между западными и восточными, обладающими вместе с тем существенной спецификой по отношению как к первым, так и ко вторым. Данное обстоятельство оправдывает выделение не двух, а трех самостоятельных групп в диалектном дари-персидско-таджикском массиве с равной удаленностью хорасанской группы (а не подгруппы), которую целесообразно было бы считать центральной, как от западной, так и от восточной (афгано-таджикской по терминологии Р. Фархади). Эти исследования и выводы были представлены в наших статьях: «Место гератского среди диалектов дари-персидского языкового массива» [Иоаннесян, 1995. С. 224-242], «Изучение и основные

специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского» [Иоаннесян, 1998. С. 62–82], (персидский и английский варианты этих статей): «Джайгах-е гуйеш-е Харати дар мийан-е гуйешха-йе горух-е забани-йе фарси дари» [Иоаннесйан, 2000. С. 140–159], «Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum» [Ioannesyan, 2007. Р. 259–270], а также «Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы» [Иоаннесян, 2019. С. 50–74].

В заключение отметим, что культурно-образовательный прогресс, происходящий во всем мире, является великим достижением и благом для человечества, но он же оказал и оказывает пагубное влияние на сохранение и функционирование местных диалектов, которые исчезают вместе с повышением уровня грамотности населения и переходом его на стандартный язык, обычно ориентированный на столичный диалект конкретной страны. Процесс этот необратим, и он делает настоятельной необходимостью изучение и фиксацию сохранившихся пока диалектов до того, как и они исчезнут, а вместе с ними — и важный пласт народной культуры.

Использованная литература

Ефимов, 1965: *Ефимов В. А.* Язык афганских хазара. Якаулангский диалект. М.: Наука, 1965.

Efimov V. A. Iazyk afganskikh Hazara. Iakaulangskii dialect [The Language of the Hazara of Afghanistan. The Yakaulang dialect]. Moscow: Nauka, 1965.

Ефимов, 1971: *Ефимов В. А.* О месте хазара в таджикском языковом массиве (на материале якаулангского диалекта) // Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М., 1971. С. 30–47.

Efimov V. A. O meste khazara v tajikskom yazykovom massive (na materiale yakaylangskogo dialekta) [On the Position of Hazara in the Tajiki Linguistic Continuum (based on the Yakaulang dialect)] // Indiyskaya i Iranskaya filologiya. Voprosy dialektologii. Moscow, 1971. S. 30–47.

Иоаннесян, 1999: *Иоаннесян Ю. А.* Гератский диалект языка дари современного Афганистана. Языки Народов Азии и Африки. Сер. Основана проф. Г. П. Сердюченко. Ответственный редактор В. В. Кушев. М., 1999.

Ioannesyan Y. A. Geratskii dialect iazyka dari sovremennogo Afganistana. Iazyki Narodov Azii i Afriki. Otvetstvennii redactor V. V. Kushev [The Herati Dialect of the Persian-Afghan (Dari) Language of Modern Afghanistan. Languages of the Peoples of Asia and Africa. Chief editor V. V. Kushev]. Moscow, 1999.

Иоаннесян, 1998: Иоаннесян Ю. А. Изучение и основные специфические черты хорасанской группы диалектного массива языков персидского, дари и таджикского // Страны и народы востока. Вып. ХХХ. Памяти А. Л. Грюнберга. Под общей ред. акад. М. Н. Боголюбова. СПб., 1998. С. 62–82.

Ioannesyan Y. A. Izuchenie i osnovnyie spetsificheskie cherty khorasanskoy gruppy dialectnogo massiva iazykov persidskogo, dari i tajikskogo [A Study and Major Specific Features of the Khorasani Group of the Dialect Chain of the Persian-Dari-Tajiki Languages] // Strany i narody vostoka. Vyp. 30. Pamyati A. L. Griunberga. Pod obshei redaktsiei akad. M. N. Bogoliubova. St. Petersburg, 1998. S. 62–82.

24

Иоаннесян, 1995: *Иоаннесян Ю. А.* Место гератского среди диалектов дари-персидского языкового массива // Петербургское Востоковедение, VII. СПб., 1995. С. 224–242.

Ioannesyan Y. A. Mesto garatskogo sredi dialektov dari-persidskogo iazykovogo massiva [The Position of the Herati Dialect within the Dari-Persian Linguistic Continuum] // Peterburgskoie Vostokovedeniie, 7. St. Petersburg, 1995. S. 224–242.

Иоаннесян, 2019: *Иоаннесян Ю. А.* Некоторые важные отличительные черты хорасанской группы персидских диалектов от говоров афгано-таджикской диалектной группы // ППВ 36, 2019. С. 50–74.

Ioannesyan Y. A. Nekotoryie vazhnyie otlichitelnyie cherty khorasanskoy gruppy dialektov ot govorov afgano-tajikskoi dialektnoy gruppy [Some Important Differentiating Features of the Khorasani Group of Persian Dialects from the varieties of the Afghan-Tajiki Dialect Group] // PPV 36, 2019. S. 50–74.

Фархади, 1974: Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане (пер. с франц. Б. Я. Островского). М., 1974. Farhadi R. Razgovornyi farsi v Afganistane (per. s frantsuzskogo B. Y. Ostrovskogo) [Colloquial Farsi in Afghanistan (translated from the French by B. Y. Ostrovskii)]. Moscow, 1974.

Bogdanov, 1930: *Bogdanov L*. Stray notes on Kabuli Persian // JASB. Vol. 26, № 1, Calcutta, 1930. P. 1–123.

Farhadi, 1955: *Farhadi A*. Le Persan parle en Afganistan. Grammaire du Kaboli. Accompagnee d'un recueil de quatrains populaires de la Region de Kabol. Paris, 1955.

Ioannesyan, 2007: *Ioannesyan Y. A.* Situating the Khorasani Dialects within the Persian-Dari-Tajiki Linguistic Continuum//The Necklace of the Pleiades. Studies in Persian Literature. Presented to H. Moayyad on his 80th birthday. F. Lewis & S. Sharma (editors). Amsterdam & West Lafayette (Indiana): Rosenberg Publishers & Purdue University Press. 2007. P. 259–270.

Ivanow, 1931: *Ivanow W*. The Dialect of Gozärkhon in Alamut // *Acta Orientalia* 9, 1931. P. 352–369.

Ivanow, 1935: *Ivanow W*. The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persian. I–II. (Grammar) // Rivista Degli Studi Orientali 16 (1935). P. 31–97.

Ivanow, 1938: The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persian. III. Dpecimens of the Gabri Dialect (Texts) // Rivista Degli Studi Orientali 17 (1938). P. 1–39.

Ivanow, 1939: The Gabri Dialect Spoken by the Zoroastrians of Persian. IV. Gabri Vocabulary // Rivista Degli Studi Orientali 18 (1939). P. 1–59.

Pellò, 2016: *Pellò S.* A Linguistic Conversion: Mīrzā Muḥammad Ḥasan Qatīl and the Varieties of Persian (ca. 1790) // Eurasatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale, 5. Borders Itineraries on the Edges of Iran edited by Stefano Pellò. Venezia, 2016. P. 203–240.

Иоаннесйан, 2000: *Иоаннесйан Й. А.* Тарджоме-йе X. Мостафавигероу // Nāme-ye Farhangestān.The Quarterly Journal of Iranian Academy of Persian Language and Literature. Vol. 4, No. 4 (Ser. No. 16) Winter 1377 A.H.S./1998 C.E. (Published in November, 2000).

FROM THE HISTORY OF THE STUDY AND CLASSIFICATION OF PERSIAN AND OTHER WEST IRANIAN DIALECTS

Youli A. IOANNESYAN Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

The article examines the stages of development of researchers' ideas about Western Iranian dialects with an emphasis on the dialect chain of the closely related languages — the Persian language of Iran, Afghan-Persian (Dari) and Tajik. The latter are variants of the New Persian language, their literary forms go back to the language of the Persian-Tajik (New Persian) classical literature, therefore their dialects, representing a single linguistic continuum (continuous chain), can be correctly considered as a single inextricable whole for constructing a general classification, which does not preclude subdivisions within this larger chain: dialect groups and subgroups. The article traces some stages of the formation of researchers' views on the classification of these dialects, starting from the 19th c.

Key words: Iranian linguistics, Persian dialectology.

About the author: Youli A. IOANNESYAN, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Section of Middle Eastern Studies of the Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (youli19@gmail.com). ORCID 0000-0003-2936-1128

ЭЦЗИНЬЦАЙЖАН (ОГЬЕН ЦЕРИНГ) Санкт-Петербургский государственный университет

ЧЕТЫРЕХЪЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ «СУТРЫ В СОРОКА ДВУХ РАЗДЕЛАХ»

В статье дается общая характеристика ксилографического издания на тибетском, маньчжурском, монгольском и китайском языках одного из самых старых текстов китайского буддизма. Эта сутра не входила в состав тибетского буддийского канона. В XVIII в. с китайского языка было выполнено два перевода: на маньчжурский и на тибетский. С тибетского языка она была переведена на монгольский. Маньчжурский перевод был включен в состав маньчжурского Ганджура, а тибетский — в состав одного из поздних переизданий дэргэского Ганджура. Издание сутры на всех четырех языках было осуществлено в Пекине в 1781 г. по инициативе некого Хэлиня. Именно тибетская часть этого издания, включая колофон, была полностью и без изменений включена в состав дэргэского Ганджура.

Ключевые слова: буддизм, сутра, ксилографическое книгопечатание, тибетский язык, монгольский язык.

Об авторе: Эцзиньцайжан (Огьен Церинг), магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия) (ogyen@vk.com).

© ИВР РАН, 2024

© Эцзиньцайжан (Огьен Церинг), 2024

В XVIII в. в Пекине было напечатано ксилографически огромное количество буддийской литературы на разных языках: санскрите, китайском, тибетском, монгольском, маньчжурском. Активно велась работа по переводу буддийской литературы. Например, император Цяньлун 乾隆 интересовался вопросами буддийской филологии, издавал справочники и хотел улучшить транскрипцию санскритских слов китайскими иероглифами с помощью тибетских транскрипций. Кроме того, императора интересовали такие вопросы: какие сутры, переведенные на китайский язык, отсутствуют в тибетском буддийском каноне?

Советник императора по буддийским и тибетским делам Джанджа-хутухта Ролби-Дорджэ lCang skya Rol pa'i rdo rje сообщил, что «Сутра богатырского марша» (санскр. Śūraṅgama Sūtra; кит. 首楞嚴經 Шоу лэн янь цзин; тиб. dPa' bar 'gro ba mdo) [Demiéville et al., 1978. № 945], сохранилась на тибетском языке лишь в виде небольшого фрагмента. Поэтому в 1752–1763 гг. был выполнен перевод этой сутры с китайского на маньчжурский, с маньчжурского на монгольский и с монгольского на тибетский язык. Эта сутра была напечатана в десяти томах [Silk, 2019. С. 935; Staël-Holstein, 1936].

Позднее в Пекине было осуществлено ксилографическое издание на четырёх языках «Сутры в сорока двух разделах» (кит. 佛說四十 二章經 Фо шо сы ши эр чжан цзин) [Demiéville et al., 1978. № 784], которая до этого существовала только в китайском варианте.

Несмотря на небольшой размер, эта сутра занимает особое место в истории буддизма в Китае, т. к. традиционно считается первым буддийским текстом на китайском языке.

Как говорится в легенде, буддизм пришел в Китай в 67 г. н. э. Императору Минди 明帝 династии Восточная Хань 東漢 приснился вещий сон. Была отправлена миссия в Индию. На обратном пути к этой миссии присоединился индийский проповедник Кашьяпа Матанга. Затем прибыл еще один проповедник Дхармаратна. Они перевели на китайский язык пять сутр, из которых сохранилась только одна — «Сутра в сорока двух разделах» [Shi Huijiao, 2022. С. 1–4]. По мнению исследователей, судя по

26 Филология

употребляемой терминологии и стилю изложения, эта сутра действительно является весьма старой. Однако, скорее всего, она была переведена на китайский язык несколько позже — в период Троецарствия (кит. 三國時代 Сань го ши дай; 220–280) [Mizuno, 1991. C. 44–45].

Нет точной информации о том, когда эта сутра стала известна в Тибете. Можно предположить, что это произошло во времена Тибетской империи (VII-IX вв.), в которую долго входили обширные территории с китайским населением. Первое «тибетское» упоминание о сутре содержатся в каталоге китайского буддийского канона, известного под названием «Полный каталог сокровищ Дхармы, [составленный в годы правления под девизом] Чжиюань»] (кит. 至元 法宝勘同総録 Чжи юань фа бао кань тун цзун лу) [Хуан Минсинь, 2003. С. 181, № 1018]. Это был каталог китайской Трипитаки, напечатанной по повелению Хубилая, был подготовлен многонациональной комиссией в 1285-1287 гг., а напечатан в 1306 г. Монгольская династия Юань 元. весьма покровительствовавшей буддизму, особенно тибетскому. И если буддийский канон на китайском языке к этому времени уже существовал и даже был несколько раз ксилографически напечатан, то тибетский канон еще не был окончательно сформирован. Комиссия провела сверку имевшихся в наличии китайских и тибетских буддийских текстов. Поэтому в каталоге было отмечено, какие сочинения отсутствуют на тибетском языке, а тибетские транскрипции санскритских терминов и названий сочинений были добавлены для уточнения китайских [Mizuno, 1991. С. 175-176]. «Сутра в сорока двух разделах» упоминается в этом каталоге под тибетским названием Rig byed zhe gnyis.

В 1-ой пол. XVIII в. этот каталог был переведен на тибетский язык и проанализирован монгольским ученым гуном Гомбоджабом (mGon po skyabs). Этот перевод является третьей частью его сочинения «История буддизма в Китае» (rGya nag chos 'byung). Гомбоджаб провел собственную работу по выяснению наличия или отсутствия тибетских буддийских текстов, имевшихся на китайском языке. При этом он особо отметил, что перевод «Сутры в

сорока двух разделах» стал началом буддизма в Китае. Тибетское название сутры осталось то же: Rig byed zhe gnyis [Гомбоджаб, 2005. С. 349].

В 1772-1790 гг. по повелению императора Цяньлуна осуществлялся грандиозный проект по переводу и изданию буддийского канона на маньчжурском языке. Перевод осуществлялся с китайского языка, но с привлечением существовавших тибетских и монгольских переводов. Оформление подражало именно тибетскому канону, и даже была названо это книжное собрание было «Великая книга Ганджур» (маньчж. Amba g'anjur nomun). В начале каждого текста все названия канонических сочинения приведены на санскрите, тибетском, маньчжурском и китайском языках. «Сутра в сорока двух разделах» (маньчжурское название Fucihi nomulaha dehi juwe fiyelen nomun) была включена в маньчжурский Ганджур (41-й том, № 025), причем тибетское название было приведено в том же виде, как оно выглядело в тринадцатом веке в каталоге годов Чжиюань: Rig byed zhe gnyis [Каталог маньчжурского Ганджура].

В конце XVIII в. в Пекине было осуществлено издание «Сутры в сорока двух разделах» на тибетском, маньчжурском, монгольском и китайском языках. Ряд авторитетных работ указывают 1781 г. как год этого издания или перевода сутры на маньчжурский язык. Однако среди доступных мне (и писавшему об этом сочинении В. Хайссигу) экземпляров этой даты не содержится [Китайский каталог. С. 83, № 00477; Heissig, 1954. С. 149, № 160; Uspensky, 1999. С. 48, № 099; Walravens, 1981. С. 73, № 66].

Что касается четырехъязычного издания сутры, то по сравнению с каталогом «Чжиюань лу» изменено тибетское название «Сутры»: rab byed «глава книги» заменено на синоним dum bu.

Обширный колофон (лл. 746–82а) содержит легендарную историю появления этой сутры и во многом перекликается с «Историей буддизма в Китае» гуна Гомбоджаба. Сообщается, что в 24-й год правления Чжао-вана 昭王 династии Чжоу 周 (1029 г. до н. э.) на юго-западе появилось сияние. Это явление было объяснено тем, что родился великий человек, учение которого через тысячу лет достигнет Китая. Затем при-

водится дата нирваны Будды: 53-й год правления Му-вана 穆王 той же династии (949 г. до н. э.). Через 1013 лет в 7-й год правления под девизом Юнпин 水平 ханьского императора Минди 明帝 (65 г. н. э.) в Китай прибыли два проповедника, о которых говорилось выше.¹ Затем идет краткий рассказ об их деятельности в Китае, который завершается следующим пассажем, отсутствующим в «Истории буддизма в Китае»:

«Потом, поднявшись в небо, оба пандиты сказали императору следующие стихи:

Лисица не принадлежит к роду льва;

Свеча не светит так, как солнце и луна;

Океан не помещается в пруду;

Холмик не так красив, как гора Сумеру.

Облако Дхармы охватывает все миры;

Дождь Дхармы орошает корни живых существ, как растения,

И, показывая удивительные чудеса,

Оказывает благое воздействие на живые существа всех сторон!

Сказав так, они чудесным образом ушли в Индию» [Л. 79a-80a].

Далее в колофоне сообщается, что эта «подлинная сутра» (тиб. khungs dang ldan de'i mdo) сутра в прошлом не была переведена на тибетский язык. Перевод «Сутры» на маньчжурский язык был выполнен по личному повелению императора Цяньлуна. Очевидно, что имеется в виду перевод, вошедший в маньчжурский Ганджур.

На тибетский язык перевели два ученых ламы (габджу; тиб. dka' bcu): Субхага-шри-я-дхвадза (Su bha ga shri ya dhwa dza) и Дхья-на-ариштам-вьяса (Dhyā nā ri ṣṭam byā sa). На монгольский язык «Сутру» перевел Праджня-удая-вьяса (Pra jñyo da ya byā sa), дав ей следующее название: Qutuγtu döčin qoyar keseg-tü sudur-a.

По-видимому, этими переводчиками были монгольские ламы, которые часто переводили свои тибетские имена на санскрит в меру своих познаний.

Спонсором издания выступил некий Хэнлинь 恒篇, который пожертвовал сто лянов серебра (три килограмма семьсот десять грамм).

Перевод на тибетский язык с китайского не является буквальным: часто встречаются пояснительные слова, вместо однотонно употребляемому в китайском оригинале слова «Будда» 佛 использованы его разные эпитеты.

Перевод на монгольский язык, по-видимому, был явно выполнен не с китайского, а с тибетского языка. Однако этот перевод не является дословным как подавляющее большинство переводов канонических буддийских сочинений. Особенно это касается синтаксиса: длинные тибетские предложения для удобства восприятия расчленяются более короткие монгольские. Хотя, естественно, монгольская буддийская терминология ориентирована на тибетскую.

И все-таки благодаря четырехъязычному изданию «Сутры в сорока двух разделах» этот текст вошел в состав тибетского буддийского канона, причем на правах подлинной проповеди Будды [Silk, 2019. C. 235; Ui et al., 1934. С. 180, № 359А]. Ксилографические доски были вырезаны в княжестве Дэргэ в Восточном Тибете и добавлены к тому 32 раздела «Сутра» (mDo sde). Один из выдающихся тамошних ученых лам Ситу-панчен Чойки-Чжуннэ (Si tu pan chen Chos kyi 'byung gnas; 1700-1774) в 1729-1733 гг. осуществил редактуру и издание тибетского Ганджура. Дэргэское издание Ганджура считается одним из наиболее авторитетных. Ситу-панчен вел переписку с гуном Гомбоджабом, чье сочинение «История буддизма в Китае» было также напечатано в Дэргэ. Более того, для дэргэского Ганджура Гомбождаб перевел с китайского языка на тибетский два отсутствовавших сочинения [de Jong, 1968. С. 181-187]. Таким образом, в Дэргэ имелась достаточно подробная информация о «Сутре в сорока двух разделов». Неизвестно — кто и когда решил включить перевод китайской сутры в состав Ганджура. Как показывает срав-

¹ Оценка историчности данных датировок не входит в задачу настоящей статьи. У Гомбоджаба в «Истории буддизма в Китае» приводятся различные варианты этих и других дат. Более принятой датой прибытия проповедников в Китай считается 10-й год правления по девизом Юнпин (67 г. н. э.) [Таказакі, 1987. С. 279]. Что касается дат жизни Будды Шакьямуни, то этому вопросу посвящено немало работ, см. [Cousins, 1996].

28 Филология

нение тибетского текста пекинского издания с текстом, включенным в Ганджур, они совершенно идентичны. Более того, полностью был включен в Ганджур и колофон, который содержит сведения, явно лишние: о монгольском переводе и о спонсоре пекинского издания Хэн-

лине. Можно сделать вывод, что в прошлом в обширном ареале тибетского буддизма обмен идеями и текстами проходил довольно интенсивно, несмотря на природные препятствия и огромные расстояния.

Использованная литература

Cousins, 1996: *Cosins L. S.* The Dating of the Historical Buddha: A Review Article // Journal of the Royal Asiatic Society Vol. 6. Issue 1. 1996. P. 57–63.

Demiéville et al., 1978: *Demiéville P, Durt H.*, *Seidel A*. Répertoire du canon bouddhique sinojaponais. Édition de Taishō. Paris: Maisonneuve; Tokyo: Maison franco-japonais, 1978.

Heissig, 1954: *Heissig W.* Die pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache: Materialen zur mongolischen Literaturgeschichte. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954.

de Jong, 1968: de Jong J. W. Rec. ad op.: Š.Bira, O "Zolotoj knige" S. Damdina. Studia historica Instituti historiae Academiae scientarum reipublicae populi Mongoli, Tomus VI, Fasc. I. Ulan-Bator, 1964, 156 pp. // Toung Pao. Vol. 54. 1968. P. 173–189.

Mizuno, 1991: *Mizuno, Kōgen.* Buddhist Sutras: Origin, Development, Transmission. Tokyo: Kōsei Publishing Co., 1991.

Shi Huijiao, 2022: *Shi Huijiao* 釋慧皎. The Biographies of Eminent Monks 高僧傳. Hong Kong: University of Hing Kong, 2022.

Silk 2019: *Silk J. A.* Chinese Sūtras in Tibetan Translation: A Preliminary Survey // Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhology at Soka University for the Academic Year, 2018. Vol. 22. 2019. P. 227–246.

Staël-Holstein, 1936: *Staël-Holstein A. W.*, von. The Emperor Ch'ien-Lung and the Larger Śūraṁgamasūtra. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 1. 1936. P. 136–146.

Takasaki, 1987: *Takasaki Jikido*. An Introduction to Buddhism. Tr. by Rolf W. Giebel. Tokyo: The Tōhō Gakkai, 1987.

Ui et al., 1934: *Ui Hakuji* et al. A Complete Catalogue of the Tibetan Buddhist Canons (Bkaḥ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur). Sendai: Tōhoku Imperial University, 1934.

Uspensky, 1999: *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999.

Walravens, 1981: *Walravens H*. Buddhist Literature of the Manchus: A Catalogue of the Manchu Holdings in the Raghu Vira Collection at the International Academy of Indian Culture. New Delhi, 1981.

Хуан Минсинь, 2003: 黄明信. 汉藏大藏经目录异同研究. 北京: 中国藏学出版社, 2003.

Huang Mingxin. Han zang dazang jing mulu yitong yanjiu [A study of similarities and differences in the catalogues of the Chinese and Tibetan Tripitaka]. Beijing: Zhongguo zangxue chubanshe, 2003.

Гомбоджаб, 2005: mGon-po-skyabs. rGya nag chos 'byung [The History of Buddhism in China]. Pecin: Krung-go'i bod-rig-pa dpe-skrun-khang, 2005.

Каталог маньчжурского Ганджура: Интернет-ресурс: http://buddhistinformatics.dila.edu.tw/manchu/catalog.php (дата обращения: 14.01.2024).

Katalog man'chzhurskogo Gandzhura [Catalog of Manchurian Ganjur]. Internet Resurs: http://buddhistinformatics.dila.edu.tw/manchu/catalog.php (Data obraschenia: 14.01.2024).

Китайский каталог: Catalogue of Ancient Mongolian Books and Documents of China. Vol. 1. [Beijing]: Beijing Library Press, 1999.

About the Quadrilingual Edition of the "Sutra in Forty-two sections"

EJINCAIRANG (Ogyen Tsering)
Saint Petersburg State University

The article contains a general survey of the woodblock edition of one of the oldest Chinese Buddhist text in Manchu, Tibetan, Mongolian and Chinese. This sutra was not included into Tibetan Buddhist Canon. In the eighteenth century it was translated from Chinese into Manchu and Tibetan. The Mongolian translation was made from Tibetan. The Manchu translation was included in the Manchu Buddhist Canon while the Tibetan translation was included into a later print of the *sDe-dge bKa-gyur*. The quadrilingual edition of this sutra was performed in Beijing in 1781 at the initiative of a certain Henglin. The Tibetan part of this edition including colophon was incorporated without any changes into the *sDe-dge bKa-gyur*.

Key words: Buddhism, Buddhist Canon, sutra, woodblock printing, Tibetan language, Mongolian language.

About the author: **EJINCAIRANG** (**Ogyen Tsering**), Graduate Student, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation) (ogyen@vk.com).

В. Ю. Климов Институт восточных рукописей РАН

СТИХОТВОРНЫЕ СЛАВОСЛОВИЯ СИНРАНА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДАО-ЧО (562–645)

Дао-чо (яп. До:сяку¹, 562–645) считается одним из основателей школы «Чистой Земли» в Японии. Синран (1173–1263) поместил его четвертым в списке достойных монахов, состоящем из семи иерархов. Благодаря Даосюаню, монаху и историографу, а также монаху Цзя-цаю (годы жизни нам неизвестны), ученику Дао-чо, до нашего времени дошла информация, заслуживающая доверия, о его жизни и деятельности. Четырнадцатилетним отроком он ушел в монастырь. Но вскоре его монашеское служение было прервано, поскольку У-ди, третий по счету император Северного Чжоу У-ди (яп. Хокусю:-но Бутэй, 北周の武帝, 543–578, на троне 560–578) в 574 г. начал гонения на буддизм. Когда после его смерти гонения прекратились, шестнадцатилетний Дао-чо вновь принял постриг и ушел в монастырь. В 609 г., в возрасте 48 лет, Дао-чо, поселяется в монастыре Сюаньчжунсы (яп. Гэнтю:дзи, 玄中寺, «храм Сокровенной середины»), погружается в изучение наследия Тань-луаня, отказывается от дальнейшего изучения сутры Нирваны и обращается к учению «Чистой Земли». Наставнику Дао-чо посвящено всего лишь семь строф из 119 в «Славословиях достойным монахам [школы] Чистой земли» (Ко:со: васан, 高僧和讚). В них Синран славословит Дао-чо, призывающего не полагаться на Собственные силы, а довериться силе Основного обета будды Амида и отказаться совершать многочисленные практики идущих по Пути мудрецов.

Ключевые слова: школа «Истинной Веры Чистой Земли», будда Амида, Синран, «Стихотворные славословия на японском языке», семь достойных монахов, Дао-чо.

Об авторе: Климов Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (klimovvadim26@gmail.com). ORCID 0000-0002-0182-3872.

© ИВР РАН, 2024 © Климов В. Ю., 2024

Об источнике

В 1248 г. Синран 親鸞 1173-1263²) завершил написание стихотворных славословий, посвященных иерархам-основателям школы Чистой Земли (Ко:со: васан, 高僧和讃) (также эти стихи известны под названиями «Славословия достойным монахам [школы] Чистой Земли» — «Дзё:до ко:со: васан» 「浄土高僧和

讃」, а также «Славословия семи достойным монахам» — «Сити ко:со: васан» 「七高僧和 讃」, как зачастую сам Синран называл это сочинение). Они объединены в сборник-тетрадь, в которую вошли 119 стихов. Поэтическое собрание вошло второй тетрадью в «Славословия на японском языке в трех тетрадях» («Сандзё: васан», 「三帖和讃」). В первой тетради восхваляется Чистая Земля («Дзё:до васан», 「浄土和讃」), в третьей собраны «Славословия временам Правильного Закона, Подобия Закона и Конца Закона» («Сё:дзо:мацу васан», 「正像末和讃」). Они являются национальным достоянием Японии, в буквальном переводе «национальным сокровищем» (кокухо:, 国宝), и хранятся в храме Сэнсю:дзи 専修寺 в префектуре Миэ 三重県.

 $^{^{1}}$ Двоеточием обозначаем долготу звука в японских словах.

² Обычно, практически во всех словарях, указываются годы жизни Синрана 1173–1262. Родился он в 1-й день 4-й луны 3-го года эры Дзё:ан/Сё:ан 承安, 14 мая 1173 г. по европейскому календарю, умер в 28-й день 11-й луны 2-го года Ко:тё: 弘長, 9 января 1263 г. Иными словами, была сделана ошибка при переводе дня его смерти на европейский календарь. Умер он 9 января 1263 г., а не 28 ноября 1262 г. 11-ая луна японского календаря того времени — это вовсе не ноябрь (11-й месяц) европейского календаря.

Основатели школы «Истинной Веры Чистой Земли»

Дао-чо 道綽 (яп. До:сяку, 562-645) один из основателей школы «Чистой Земли» (кит. цзинту, яп. дзё:до-сю:, 浄土宗). К слову сказать, в Японии это было время принца-регента Сё:току тайси 聖徳太子 (574-622). Синран поместил Дао-чо в списке достойных монахов, составленном в хронологическом порядке, четвертым после Нагаржуны (яп. Рю:дзю 竜 樹, ориентировочно 150-250 гг. до н. э.), Васубандху (яп. первоначально Тэндзин 天親, позже Сэсин 世親, предположительно 320-400 гг. н. э.), и Тань-луаня (яп. Донран 曇鸞, 476-542). В списке же, составленном иерархом Хо:нэн 法然 (1133-1212), наставником Синрана, в сочинении «Собрание выдержек об избранном Основном обете и памятования о будде» («Сэнтяку хонган нэмбуцу-сю:», 「選択本願念佛 集」) (в сокращенном варианте: «Сэнтякусю:», 「選択集」), он перечисляет пять достойных монахов (дзё:до-госо, 浄土五祖), благодаря которым были заложены основы «школы Чистой Земли» (дзё:досю:, 浄土宗), в следующей последовательности: 1) Тань-луань, 2) Дао-чо, 3) Шань-дао (яп. Дзэндо:, 善導, 613-681), 4) Хуай-гань (яп. Экан, 懷感, VII в.) и 5) Сяо-кан (яп. Сё:ко:) 少康 (?-805). Все китайцы. Синран же, ученик Хо:нэна, основатель школы «Истинной Веры Чистой земли» (дзё:до синсю:, 浄土真宗) в Японии, составил список из семи достойных монахов: ввел двух представителей Индии Нагарджуну и Васабандху, оставил трех иерархов из Китая Тань-луаня, Дао-чо и Шань-дао, удалив двух: 4-го Хуай-ганя и 5-го Сяо-кана, и добавил вместо них двух представителей Японии Гэнсина 源信 (он же Эсин, 恵心, 942-1017) и Хо:нэна 法然 (он же Гэнку: 源空, 1133-1212). И Синран, и его учитель Хо:нэн первым из китайских наставников, проповедовавших амидаистское учение, называют Тань-луаня. Но справедливости ради надо прежде всего назвать достойного монаха Хуэй-юаня 慧遠 (334-416), который первым в горах Лушань создал «общину Белого Лотоса», члены которого созерцали образ Амида, а также «сосредоточенно памятовали о будде» (кит. няньфо саньмэй, яп. нэмбуцу-саммай, 念佛三昧), ища спасение в Чистой земле.

Об авторе славословий

Синран в девять лет ушел в монастырь Энрякудзи, настоятелем которого был в то время Дзиэн 慈円 (1155-1225), пробыл в учениках 12 лет, а затем 8 лет «монахом в молельном зале» (до:со:, 堂僧), иными словами, рядовым монахом школы Тэндай. В ту пору он был известен под именем Ханъэн сё:нагон-но кими 範宴少納言公 [Трубникова, 2022]. Хо:нэн, когда Синран в 1201 г. в возрасте 29 лет покинул монастырь Энрякудзи на горе Хиэй и стал одним из его учеников, дал ему имя Сякку:, состоящее из двух иероглифов: второй иероглиф Сяку 綽 было взято из имени Дао-чо (яп. До:сяку 道綽), и второй иероглиф Ку: 空 из собственного имени Гэнку: 源空, получилось Сякку: 綽空. В 1207 г. он вместе с учителем был подвергнут гонениям и отправлен в ссылку в провинцию Этиго 越後国 (ныне это большая часть префектуры Ниигата 新潟県). В это время он называет себя «Плешивый глупец Синран» («Гутоку Синран», 「愚禿親鸞」) и входит в историю Японии под именем Синран. «Плешивый» — потому, что не брил голову, как принято было у монахов, и не носил мирскую прическу, «не был ни монахом, ни мирянином» («хисо: хидзоку»,「非僧非俗」) [Сё:гакукан, 1998. Синран]. Таким образом, под именем Сякку:, Синран был известен с начала ученичества у Хо:нэна и до ссылки в провинцию Этиго. У основателя школы «Истинной Веры Чистой Земли» (дзё:до синсю:, 浄土真宗) каждый раз, когда в жизни происходили резкие перемены, менялись имена.

Дао-чо и его время

Даосюань (яп. До:сэн 道宣, 596–667), монах, историограф китайского буддизма в эпоху империи династии Тан (618–907), в 20-м свитке (кит. Тан бин Чжоу Сюаньчжунсы ши Дао-чочжуань, яп. То:хэй-сю: Гэнтю:дзи сяку До:сяку-дэн, 唐并州玄中寺釋道綽傳), раздел (яп. Сюдзэнхэн, 習禅篇), ниже будем именовать его как «Жизнеописание Дао-чо» (кит. «Дао-чо

32

чжуань», яп. «До:сёку-дэн, 道綽伝) дает важные сведения о нем. Этот свиток входит в корпус более крупного сочинения, известного под названием «Продолжение жизнеописания достойных монахов» (кит. «Сюй гао сэн чжуань», яп. «Дзоку-ко:со:дэн», 「続高僧傳」)³. Есть и другие письменные источники. Так, монах по имени Цзя-цай (яп. Касай, 迦才, годы жизни неизвестны), которого можно причислить к ученикам Дао-чо, в «Трактате о Чистой земле» (кит., яп. «Дзё:дорон», 「浄土論」) в трех свитках, дает отсылки к Дао-чо. Но в этой статье в основном будем опираться на «Жизнеописание» Даосюаня.

Родился Дао-чо на территории нынешней провинции Шаньси (山西省) через 20 лет после смерти Тань-луаня. Родовое имя Вэй (яп. Эй, 衛). Жил он во время Северных и Южных династий (420-589, при династии Наньбэй 北斉), при династии Суй (яп. Дзуй, 隋, 581-618) и в начале династии Тан (яп. То:, 618-907). Четырнадцатилетним отроком он ушел в монастырь [О:ути, 2016. С. 2]. Но вскоре его монашеское служение было прервано, поскольку У-ди (яп. Хокусю:-но Бутэй, 北周の武帝, 543-578, на троне 560-578), третий по счету император Северного Чжоу, в 574 г. начал гонения на буддизм. По его приказу сжигали скульптурные изображения будд, бодхисаттв, уничтожались сутры и трактаты, насильно возвращали монахов и монахинь в мир, даже убивали их. Дао-чо было 16 лет, когда гонения прекратились после смерти У-ди, который, преследуя буддизм и даосизм, конфисковывал их владения и собственность, стремясь создать «богатое государство и сильную армию» (яп. фукоку кё:хэй, 富国強兵)4, чтобы выстоять и победить в противостоянии с могущественными соседями. Монастыри и храмы стали восстанавливаться с 578 г. Это было для многих буддистов зримым свидетельством наступления эпохи «Конца Закона» («Маппо:», 「末法」). По мнению китайских буддистов того времени, эпоха «правильного Закона» («сё:хо:», 正法) длилась 500 лет, эпоха «подобия Закона» («дзо:хо:», 「像法」) — 1000 лет. Эти представления были заимствованы из «Сутры Великого собрания хранилища луны» (кит. «Да цзи юэ цзан», яп. «Дайдзю: гацудзо:кё:», 『大集月蔵経』, санскр. «Чандрагарбха-сутра»), которую привезли из Индии в Китай. Опираясь на нее, при пересчете выяснилось, что рождение Дао-чо приходится на 11-й год наступившего «Конца Закона».

Гонения на буддизм

В истории Китая, по крайней мере, с V до X вв. известно 4 случая, когда высшие светские власти устраивали гонения против буддийской церкви. Это явление обозначили даже специальным термином «Гонения на Закон [Будды] тремя [императорами] У и одним [императором] Цзун» (яп. самбу иссо:-но хо:нан, 「三武一宗法難」). Первый случай: гонения 446–452 гг. во время правления императора (яп. Тайбутэй, 太武帝, на троне 423–452 гг.) государства Северного Вэй 北魏 (кит. Бэй Вэй, яп. Хокуги, 386–534).

Второй случай произошел в середине IX в. в государстве Северное Чжоу 北周 (кит. Бэй

³ Благодаря сочинению Хуэй-цзяо (497–554) «Жизнеописание достойных монахов» («Гао сэн чжуань») нам многое известно о китайском буддизме с 67 по 518 г. В нем представлены в хронологическом порядке биографии 257 человек в 13 цзюанях, имеющих первоначальный смысл свиток, по сути же, единица, по мнению М. Е. Ермакова, «книжного объема» [Ермаков, 1991. С. 9]. Даосюань по заданному образцу составил «Продолжение жизнеописания достойных монахов».

⁴ Выражение «богатое государство и сильная армия» было заимствовано японцами из китайского трактата "Планы сражающихся царств" 『戦国策』(кит. чжаньго цэ, яп. сэнгоку-саку) в 1873 г. Царством Цинь (яп. Син, 秦, V-III вв. до н. э.) было создано впервые в истории Китая централизованное государство. Этому предшествовала междоусобная борьба семи сильнейших государственных образований. Поэтому данный период получил название «Сражающихся царств» (кит. Чжань го, яп. Сэнгоку, V-III вв. до н. э.) [Васильев, 1968. С. 3]. В японской историографии под тем же названием известен период «Сражающихся княжеств» (Сэнгоку-дзидай, 戦国時代, 1467-1573). К. В. Васильев пишет, что «Планы Сражающихся царств» были составлены Лю Сяном 劉向 (ок. 79-8 гг. до н. э.), крупнейшим ученым периода Ранней Хань, на основе материалов, хранившихся в императорской библиотеке. «Лю Сяна обычно называют первым редактором этого сочинения» [Васильев, 1968. С. 7].

Чжоу, яп. Хокусю:, 557–581) во время правления императора У-ди (яп. Бутэй, 武帝, на троне 560–578 гг.), личное имя Юйвэнь Юн 宇文邕 (яп. Убун Ё:).

Третий случай относится ко времени правления 18-го по счету императора У-цзун (яп. Бусо:, 武宗, на троне 840–846 гг.) династии Тан (яп. То:тё, 唐朝, 618–907).

Четвертый случай приходится на время правления императора Ши-цзун (яп. Сэйсо:, 世宗, на троне 954–959 гг.), личное имя Чай жун 柴榮 (яп. Сайэй, 921–959), династии Позднего Чжоу 後周 (кит. Хоу Чжоу, яп. Ко:сю:, 951–960).

В XX столетии во время «культурной революции», инициированной Мао-цзэдуном (яп. Мо:такуто:, 毛沢東, 1893–1976), буддийская церковь претерпела серьезные гонения. Сам вышеприведенный термин тоже претерпел изменение: «Гонения на Закон [Будды] тремя [императорами] У, одним [императором] Цзун и одним [правителем] Мао» (яп. самбу иссо:-но хо:нан, 「三武一宗一毛法難」).

Возвращение Дао-чо в монастырь

Дао-чо вновь принял постриг и ушел в монастырь. В тридцатилетнем возрасте его наставником стал Хуэй-чан (яп. Эсан, 慧瓚, 536-607), под его руководством в храме Гуанхуа (яп. Кайкэдзи, 開化寺), находившимся в (кит. Шаньсишэн Тайюань, яп. Сансэйсё: Тайгэн, Ц 西省太源), усердно штудировал «Сутру Нирваны» (кит. Непань-цзин, яп. Нэхан-кё:, 涅槃 經). Известно, что первоначально он относился к «школе Нирваны» (кит. Непань-цзун, яп. Нэхан-сю:, 涅槃宗). До 48 лет Дао-чо усердно штудировал «Маха-пари-нирвана-сутру» (大 般涅槃經, Да бо непань цзин, яп. Дайнэханкё: «Сутра о Великой пари-нирване»). Оригинал сутры на санскрите, по-видимому, утрачен. До нас дошли только некоторые ее фрагменты. Первый перевод сутры «Махапаринирванана» в 40 цзюаней на китайский язык осуществил Дхармакшема (кит. Таньучэнь, яп. Доммусэн или же Доммусин, 曇無讖, 385-433) в период между 414-423 гг. Он также известен под названием «северного издания» (бэй бэнь, 北本). Второй вариант сутры, состоящей из 36 цзюаней⁵, известен как «южное издание» (нань бэнь, 南本). Считается оно редакцией перевода Дхармакшемы. В его составлении принимали участие Хуэй-янь (яп. Эгон, 慧嚴, 363-443) и другие лица во время правления династии Лю Сун 劉宋 (420–479) в столице Цзянькан 建 康 [Кий, 2021. С. 139; Рыженков, 2013. С. 305]. Рыженков отмечает, что «южная версия» была составлена в 424-453 гг. на основе «северной версии». «Редакторами «южной версии» были Хуй-янь (363-443), Хуй-гуань [慧觀], литератор Се Лин-юнь 謝靈運 (385-433) и др.» [Рыженков, 2013. С. 308]. На китайский язык переводилась десять раз, «четыре перевода были канонизированы и сохранились до наших дней» [Рыженков, 2013. C. 302].

В 609 г., в возрасте 48 лет, Дао-чо, совершая путешествие, обнаруживает на территории монастыря «Сокровенной середины» (кит. Сюаньчжунсы, яп. Гэнтю:дзи, 玄中寺), где прежде осуществлял миссионерскую деятельность Тань-луань, каменную стелу с выбитыми на ней стихами проповедника. Дао-чо поселяется в этом монастыре, погружается в изучение наследия Тань-луаня, отказывается от дальнейшего изучения сутры Нирваны и обращается к учению «Чистой Земли» [Сё:гакукан, 1998. До:сёку]. Это произошло через 70 лет после кончины в этом монастыре Тань-луаня. До самой кончины, наступившей на 85 году жизни в 645 г., Дао-чо с 609 г. сосредоточился на проповеди исключительной важности возглашения имени будды Амида для верующего, а также он с усердием разъяснял, комментировал своим ученикам «Сутру о видении будды по имени Неизмеримое Долголетие» (кит. «Гуань Улян-

⁵ М. Е. Кравцова отмечает, что сам термин *цзюань* исходно обозначал книжный свиток, однако он прилагался и к структурной единице текста, условно отождествляемой с «главой» [Кравцова, 2020. С. 27]. В данном случае речь идет о структурной единице текста.

⁶ В статьях на русском языке имеется разночтение в имени китайского мыслителя, передаваемого биномом иероглифов 慧嚴. Е. А. Кий прочитывает их как: Хуэй-янь, а С. Ю. Рыженков — Хуй-янь. Первый иероглиф в имени 慧 в первой половине ХХ в. транскрибировался как Хуй, а позже со второй половины ХХ в. тот же иероглиф начали транскрибировать как Хуэй. Автор статьи в этой связи выражает глубокую благодарность Е. А. Кию за консультации.

34

шоу фо цзин», яп. «Кан Мурё:дзю буцу кё:»,「観無量寿佛經」).

До нас дошли письменные свидетельства того, что Дао-чо до 70 000 раз возглашал нэмбуцу в день в сидячей позе, обратившись лицом на запад, где находится Чистая Земля будды Амида, а также до двух тысяч раз читал «Сутру о созерцании». Он всем (и старым и молодым, и мужчинам и женщинам) настоятельно призывал совершать постоянно практику памятования будды Амида. Особенно популярной была практика и для детей, и для взрослых возглашения в живой форме, которая получила название «памятование красной фасолью». Каждый раз, когда последователь произносил вслух возглашение, он откладывал фасолину, получая зримое свидетельство своего усердия в возрастании ее количества. Дао-чо настоятельно советовал последователям изготовить из плодов высокого лиственного мыльного дерева, латинское название Sapindus Mukorossi Gaertn., четки и с их помощью считать количество произнесенных возглашений. По легенде, именно Дао-чо первым в Китае стал использовать таким образом четки из костяшек, нанизанных на нитку, которые использовали для счета памятований [Исикава, 2023. С. 3].

Синран не только в тетради, посвященной семи достойным монахам, но и в «Песне об Истинной Вере» («Сё:сингэ», 正真偈) кратко пишет в стихотворной форме о них. В частности к основным заслугам Дао-чо он относит следующее:

道綽聖道の證難きことを決して

До:сяку сэйдо:-но .сигатаки кото-о кэсситэ

唯浄土の通入すべきことを明かす

Тада дзё:до-но цу:ню:-субэки кото-о акасу

萬善の自力勤修を貶す

Мандзэн-но дзирики, консю-о хэнсу 圓滿の徳号號専稱を進む」

Эмман-но токуго:, сэнсё:-о сусуму [Синран, 1964. С. 38].

«Дао-чо признаёт: трудно достичь свидетельства на пути мудрецов, И объясняет, что нужно только войти в Чистую землю.

Он отвергает усердное подвижничество, те десятки тысяч благих дел, которые мы совершаем собственными силами,

И побуждает призывать одно лишь достойное имя, совершенное и полное»

(перевод Н. Н. Трубниковой) [Трубникова, Бабкова, 2014. С. 480].

А. А. Маслов отмечает, что «Он разработал доктрину «школы пути мудреца» и «школы пути Цзинту («Чистой земли» — В. К.)». Первый путь заключен в учении о достижении освобождения через размышления, мудрствования и реализации укорененного в сознании структурообразующего «принципа» (ли...) мироздания. Второй путь — спасение верой в силу Амитабхи. Даочо полагал, что в текущую эпоху «утраты дхармы» ...лишь Цзинту школа способна нести высший смысл учения Будды» [Китайская, 1994. С. 412].

Синран посвятил Дао-чо всего лишь семь строф из 119 в «Славословиях достойным монахам [школы] Чистой земли» (Ко:со: васан, 高僧和讃), тогда как Тань-луаню уделено 34.

В первой, второй и третьей строфе Дао-чо говорит о «Пути мудрых» (сё:до:, 聖道) и «Вратах Чистой Земли» (дзё:до итимон, 浄土一 門). Эта тема стала одной из востребованной в школе «Истинной Вере Чистой Земли». Юэйнбо (1222–1289), ученик Синрана (1173–1262), в «Избранных записях скорбящего об отступничестве» («Таннисё:»,「歎異抄」, состоящих из одного свитка, незадолго до смерти изложил своими словами проповеди Учителя: «В [своем] сострадании Путь Мудрых и Путь Чистой Земли различны. В Пути Мудрых сострадание есть жалость, сочувствие и забота о живущих. Однако желание избавить других от страданий крайне сложно осуществить. Сострадание в Пути Чистой Земли означает произнесение Имени, скорое слияние с Буддой и свободную, естественную помощь живым существам от сердца, исполненного Великой Любовью и Состраданием. В нынешней жизни трудно осуществить желание помочь другим, какую бы любовь и нежность мы к ним ни испытывали, и, следовательно, такое сострадание всегда будет неосуществимым. Только произнесение Имени свидетельствует о душе, исполненной сострадания полного и безусловного» [Юйэн-бо, 1993. С. 493–494].

Основное сочинение Дао-чо «Собрание [мыслей] о спокойствии и радости» (кит. «аньлочжи» яп. «анракусю», 「安樂集」) состоит из двух свитков. Даочо пишет в «Собрании покоя и радости», что «один день и одна ночь состоят из 84 000 мгновений, и в каждое из них возникает «дурное тело», яп. акусин (思身 — В. К.)» [Трубникова, 2010. С. 372]. В связи с этим магическим числом представляется уместным напомнить, что Рэннё 蓮如 (1415—1499), восьмой иерарх школы «Истинной Веры Чистой Земли» в Японии, проповедовал: «будда Амида... испустит из своего тела 84 000 лучей, охватит человека ими и поможет родиться после смерти» [Климов, 2023. С. 299–300].

Произношение нэмбуцу, или иначе «памятование о будде» имеет огромное значение для верующих. Синран в основном его сочинении «Учение, подвижничество, вера и свидетельство», представляющем собой подборку развернутых цитат из сутр, китайских и японских сочинений, в частности, «приводит сравнение из «Собрания покоя и радости» Дао-чо. Если в лесу ядовитых деревьев с удушливым запахом прорастает всего одно сандаловое деревце, то вскоре от его аромата весь лес становится благовонным и яд других деревьев исчезает. Так же и «памятование о будде» изменяет все деяния человека, очищая их. При нем сознание человека заполняется именем и обликом Амиды, всеми совершенными чертами будды» [Трубникова, Бабкова, 2014. С. 132]. Синран таким образом подчеркивает исключительность памятования, опираясь на сочинения Дао-чо, называет его в стихах «Изначальным Наставником» (Хондзи, 本師), «Преподобным» (Дзэндзи, 禅師; Синран только к Дао-чо так обращался), Великим Учителем (Дайси, 大師).

Перевод славословий сделан со старояпон-

ского языка по изданию «Серия японская классическая литература», т. 62, с учетом перевода на современный японский, сделанный сотрудниками научно-исследовательского института школы «Истинной Веры Чистой Земли» направления храма Хонгандзи в Киото. Имеется также перевод на английский язык коллективом исследователей во главе с господином Хирота. По-видимому, с этого английского перевода в интернете размещен перевод на русский без какого бы то ни было комментария. Представленный вариант автора впервые, насколько ему известно, предлагает построчный перевод стихотворных славословий Синрана, посвященных Дао-чо, со старояпонского с комментариями и небольшим исследованием [Синран, 1964. С. 76-78].

Автор статьи придерживается сквозной стихотворений, предложенной нумерации составителями сочинений Синрана: в числителе номер по порядку с первого славословия первой из трех тетрадей «Дзё:до васан», в знаменателе порядковый номер стиха из второй тетради «Ко:со: васан». В оригинале собрание молитвословий написано слоговой азбукой катаканой и иероглификой. Составители собрания в авторитетной серии «Японская классическая литература» сменили катакану на хирагану. Этому образцу автор статьи и следует: приводит стихотворение на японском языке, затем дает транскрипцию и далее — построчный перевод на русский язык. Встречающиеся китайские имена, топонимы приводятся в японском чтении, чтобы сохранить по возможности ритм стихов. При этом преследуется цель, насколько возможно, точно передать содержание молитвословий. В необходимых случаях приходится давать комментарий.

ПЕРЕВОД

173/1

本師道綽禅師は Хондзи До:сяку Дзэндзи 聖道萬行さしおきて Сё:до: мангё: сасиокитэ 唯有浄土一門を Юй-у дзё:до итимон-во

 $[\]overline{}^7$ Перевод названия сочинения дан А. Н. Игнатовичем [Игнатович, 2002. С. 377].

⁸ Фесюн дает несколько отличающуюся транскрипцию сочинения: «Ань-ло-цзи» [Фиссер, 2016. С. 215].

36

通入すべきみちととく

Цу:ню:-субэки мити-то току

Изначальный наставник, Преподобный⁹ До:сяку,

Отказавшись от многочисленных практик идущих по Пути мудрецов 10 ,

Проповедовал, что только Путь, ведущий к Вратам 11 Чистой земли 12 ,

Позволит [нам] войти в Нее.

⁹ Преподобный (Дзэндзи, 禅師) — так именовали Учителя, пользующегося уважением монахов школы дзэн. Это звание, как правило, давалось императорским двором за высокие знания и добродетель пользующихся авторитетом среди монахов и верующих в дзэн. Однако, впоследствии этим званием стали именовать известных монахов независимо от принадлежности к какой бы то ни было школе. 10 Дао-чо призывает последователей отказаться от совершения многочисленных практик и достижения Чистой Земли, встав на Путь мудрецов/мудрствования, иными словами, он призывает отказаться от совершенствования, полагаясь на Собственные силы (дзирики, 自力). А. Н. Игнатович относит «Врата Святого Пути» к сотериологическим учениям, утверждающим, «что буддой можно стать в человеческом мире. При всем различии сотериологических доктрин [многих] школ, их объединяет именно эта принципиальная установка» [Игнатович, 2002. С. 333].

¹¹ Мы переводим японское слово мон ^р в изначальном его значении. «Позднее это слово стало обозначать также "учение", "отрасль знания" и т. п., что является в конечном счете следствием употребления его в средние века в буддийской литературе в смысле "врата Дхармы"» [Игнатович, 2002. С. 333].

12 Приведем здесь пояснение А. Н. Игнатовича по поводу "[Врат] Чистой Земли. «"Чистая Земля — "мир", "земля", "страна" какого-либо из будд, обитатели которой избавились от мирской "грязи"... и "ложных взглядов". Имеются принципиально различные трактовки этой важной категории догматики буддизма махаяны. Согласно первой, ортодоксально махаянистской, Чистая Земля — не особая территория, "страна", а мир Саха, который становится Чистой Землей для тех, кто идет к просветлению. Согласно второй трактовке, Чистая Земля — это особый мир, противопоставляемый миру Саха, который называется "грязной землей", и обитатели которого при определенных условиях могут возродиться в Чистой Земле. Данное толкование стало краеугольным положением амидаизма, одного из ведущих направлений буддизма на Дальнем Востоке, и само слово "цзигу/дзёдо" (досл. "чистая земля", соответственно по-китайски и по-японски) ассоциируется с Чистой Землей будды Амитабхи (кит. омито или амито, яп. амида), главного будды данного направления. Противопоставление учения о Чистой Земле, как единственно истинного, всем остальным буддийским учениям, как неистинным — характерная особенность амидаистской типологии буддийских доктрин (естественно, что другие буддийские школы во главу угла ставили собственные учения)» [Игнатович, 2002. С. 333].

174/2

本師道綽大師は

Хондзи До:сяку Дайси-ва 涅槃の廣業さしおきて

Нэхан-но ко:го: сасиокитэ 本願他力をたのみつゝ

Хонган тарики-во таномицуцу 五濁の群生すゝしむ

Годзёку-но гунсё: сусумэсиму

Изначальный наставник, Великий Учитель До:сяку,

Отказавшись от проповеди учения «Сутры Нирваны»,

Полагаясь на силу Основного обета 13 будды Амида,

Распространял [ee] среди людей, обремененных пятью омрачениями.

175/3

末法五濁の衆生は

Маппо: годзёку-но сюсё:-ва 聖道の修業せしむとも

Сё:до:-но сюгё:-сэсиму-томо

ひとりも証をえじとこそ

Хитори-мо сё:-о эдзитокосо 教主世尊はときたまへ

Кё:сю сэсон-ва токитамаэ

¹³ Основной обет (кит. бэнь-юань, яп. хонган, 本願) — 18-й Обет будды Амида спасти все живые существа, искренне верящие в Него. Индийский мыслитель Васубандху заложил основы учения об «Основном обете» в «Трактате о Чистой земле».

Живые существа, обремененными пятью омрачениями¹⁴ Конца Закона¹⁵,

Хоть и будут совершать практики [Врат] Пути мудрецов,

Но ни один из них не сможет достичь Озарения,

14 Пять омрачений (годзёку, 五濁) — буддийский термин. Он означает, выражаясь простыми словами, замутнение (нигори, 濁り) или же загрязнение (кэгарэ, 穢れ). Пять омрачений — это 1) омрачение кальпы (кодзёку, 劫濁), или, иными словами, омрачение неизмеримо долгого срока времени, 2) омрачение прозорливости (кэндзёку, 見 濁), 3) омрачение слепыми страстями (бонно:дзёку, 煩悩 濁), 4) омрачение живых существ (сюдзё:дзёку, 衆生濁) и 5) омрачение жизни (мё:дзёку, 命濁). 1) под омрачением кальпы понимаются войны, эпидемии, массовый голод и другие подобного ряда явления. 2) под омрачением прозорливости понимается сметение мысли, получают широкое распространение извращенные мысли. 3) омрачение слепыми страстями — это широкое распространение заблуждений, погружение в плотские страсти, проявление алчности, гнева, заблуждений. Сознание людей приходит в замешательство, безнравственность, недостойное поведение получают широкое распространение. 4) омрачение живых существ проявляется в падении желания совершать добродетельные дела, в инертности сознания, в плохом здоровье, на людей выпадает много трудностей, бедствий, отмечается падение положительных человеческих качеств. 5) омрачение жизни отмечается тем, что резко уменьшается продолжительность жизни людей, в конце концов, она сокращается до 10 лет. В общем, пять омрачений означают пять загрязнений конца Закона: социальных, когда люди стремятся не рожать детей, духовных, физиологических. Их также называют пять осадков (госи, 五滓). В первом пункте речь идет об омрачении кальпы, то есть неизмеримо долгого времени. О неизмеримости этой единицы времени легко представить по двум примерам: «1. пусть из амбара длиной в сто йоджан, до краев наполненного зернышками горчицы (кай/гоми; варианты перевода — "мак" или "сезам"), один раз в сто лет вынимают по одному зернышку; кальпа — этот срок, за который амбар опустеет ("кальпа горчичных зерен"); 2. пусть мимо стены высотой в сто йоджан, сложенной из больших каменных глыб, один раз в сто лет проходит небожитель, задевая ее рукавом своего одеяния: кальпа — тот срок, за который стена будет стерта и сравняется с землей ("кальпа каменных глыб")» [Трубникова, 2000. С. 332]. Единица длины йоджана — это 40 ри « $40 \times 4 = 160$ км, по другому счету — 30 дневных переходов войска» [Трубникова, 2000. С. 332].

15 В буддизме существуют три эпохи: 1) эпоха Правильного Закона/Дхармы (сё:бо:, 正法) длится 500 лет после ухода Будды Шакьямуни 积迦牟尼 в Нирвану; 2) эпоха «Подобия Закона/Дхармы» (дзо:бо:, 像法) длится 1000 лет; 3) эпоха «Конца Закона/Дхармы» (маппо:, 末法) длится 10 000 лет.

Проповедовал Почитаемый в миру Основатель 16 .

176/4

[雲]鸞[大]師17のおしへをうけつたへ

[Дон]ран [Дай]си-но осиэ-о укэцутаэ [道]綽和尚はもろともに

[До:]сяку-касё: моротомо-ни 在此起心立行は

Дзайси кисин рю:гё:-ва 此是自力とさだめたり

Сидзэ дзирики-то садамэтари

Восприняв Учение от [Великого]¹⁸ Учителя [Дон]рана,

Наставник [До:]сяку всем указал: в этом мире

Искать Озарения, совершать [различные] практики

Есть не что иное, как полагаться на Собственные силы.

177/5

濁世の起悪造罪は

Дзёкусэ-но киаку дзо:дзай-ва 暴風駛雨にことならず

泰風教的にことなり y

Бо:фу: сиу-ни кото нарадзу 儲佛これらをあはれみて

Сёбуцу корэра-о аварэмитэ すゝめて浄土に歸せしめり

Сусумэтэ дзё:до-ни кисэсимэри

Совершение грехов и преступлений в загрязненном мире

Подобно буре с проливным дождем.

И все будды печалятся от этого

И призывают нас найти Спасение в Чистой земле.

 $^{^{16}}$ Словосочетание Кё:сю сэсон 教主世尊 состоит из двух иероглифических биномов: Kе:сю — основатель Учения и сэсон — Почитаемый в миру. Обычно, предполагается, что речь идет о Будде. В частности, могут подразумевать Будду Шакьямуни 釈迦牟尼.

¹⁷ В квадратных скобках указаны пропущенные иероглифы [Дон]ран [Дай]си [雲]鶯[大]師. В тексте написано: Ранси 鸞師, Учитель Ран. Читателю же следует понимать после восстановления пропущенных иероглифов: Великий Учитель Донран.

¹⁸ Квадратными скобками указаны пропущенные в тексте иероглифы, а в переводе на русский язык слова.

38

178/6

一形悪をつくれども

Итигё:аку-о цукурэдомо 専精にこゝろをかけしめて

Сэнсё:-ни кокоро-о какэсимэтэ つねに念佛せしむれば

Цунэ-ни нэмбуцу-сэсимурэба 諸障自然にのぞこりぬ

Сёсё: дзинэн-ни нодзокорину

Хотя мы и продолжаем совершать грехи на протяжении всей жизни,

Но если исключительно обратишь сознание свое к тому, чтобы

Постоянно возглашать Имя Будды Амида (нэмбуцу),

То все преграды сами собой падут.

179/7

縦令一生造悪の

Дзюрё: иссё: дзо:аку-но 衆生引接のためにとて

Сюдзё: индзё:-но тамэ-ни тотэ 稱我名字と願じつゝ

Сё:га мё:дзи-то гандзицуцу 若不生者とちかひたり

Няку фусё:дзя-то тикаитари

И пусть творят зло на протяжении всей жизни

Живые существа. Но [Будда Амида] притянет их к себе [и спасет].

Принес Обет [Он]: пока возносят возглашение с Именем Его,

Пока все они не родятся [в Земле Его], не станет Буддой он.

以上、道綽大師 Идзё:, До:сяку-дайси Вышеприведенные [славословия посвящены] Великому Учителю Дао-чо

Опубликованные источники

Синран 1964. Синран 親鸞. До:сяку дзэнси. Ко:со: васан 道綽禅師.高僧和讃 (Преподобный Дао-чо. Стихотворные славословия семи достойным монахам). Под редакцией Табата О:дзюн 田畑應順//Синрансю:. Нитирэнсю: 親鸞集·日蓮宗亨(Собрания сочинений Синрана и Нитирэна). Под редакцией Табата О:дзюн田畑應順, Тая Райсюн 多屋賴俊, Кабутоги Сё:ко: 兜木正, Симма Синъити 新間進一// Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系 (Серия: классическая литература Японии). Т. 82. Токио: Иванами сётэн 岩波書店, 1964. С. 76–78.

Shinran 親鸞. Doshyaku zenshi. Koso wasan (Reverend Dao-cho. Poetic hymns to seven worthy monks). Tabata O:jun 田畑應順 ko:tyu:[Edited by Tabata O:jun]// Shinransyu: Nichirensyu: 親鸞集·日蓮宗亨[Collected Works of Shinran and Nichiren]. Tabata O:jun 田畑應順, Taya Raishun 多屋頼俊, Kabutogi Se:ko: 兜木正亨, Simma Sin'iti 新間進一// Nikhon koten bungaku taikei 日本古典文学大系 [Series: Classic Literature of Japan]. Vol. 82. Tokyo: Ivanami syoten 岩波書店, 1964, pp. 76–78.

Синран, 1964: Синран 親鸞. Сё:син нэмбуцу-гэ 正真念佛掲 (Песни об истинной вере и возглашении нэмбуцу). Под редакцией Табата О:дзюн 田畑 應順 // Синрансю: Нитирэнсю: 親鸞集·日蓮宗亨 (Собрания сочинений Синрана и Нитирэна). Под редакцией Табата О:дзюн 田畑應順, Тая Райсюн 多屋頼俊, Кабутоги Сё:ко: 兜木正, Симма Синъити 新間進一 // Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系 (Серия: классическая литература Японии). Т. 82. Токио: Иванами сётэн 岩波書店, 1964. С. 27-42.

Shinran 親鸞. Sho:shin nembutsu-ge 正真念佛掲 [Songs about true faith and proclamation of the nembutsu]. Tabata O:jun 田畑應順 ko:tyu:[Edited by Tabata O;jun] // Shinransyu: Nichirensyu: 親鸞集·日蓮宗亨 [Collected Works of Shinran and Nichiren]. Tabata O:jun 田畑應順, Taya Raishun 多屋頼俊, Kabutogi Se:ko: 兜木正亨, Simma Sin'iti 新間進一 // Nikhon koten bungaku taikei 日本古典文学大系 [Series: Classic Literature of Japan]. Vol. 82. Токуо: Ivanami syoten 岩波書店, 1964, pp. 27–42 (in Japanese).

Юйэн-бо, 1993: *Юйэн-бо*. Таннисё // Буддизм в Японии / Отв. ред. Т. П. Григорьева. Перевод с японского В. П. Мазурика М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 491–509.

Yuen-bo. Tannise // Buddizm v Yaponii [[]Buddhism in Japan] /Otv. redaktor T. P. Grigoryeva. Perevod s yaponskogo V. P. Mazurika [Executive Editor Grigorieva T. P. Translation from Japanese by V. P. Mazurik]. Moscow: Nauka. Vostochnaya literatura, 1993, pp. 491–509 (in Russian).

Использованная литература

Васильев, 1968: *Васильев К. В.* «Планы сражающихся царств» (исследование и переводы). М.: Издво «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968.

Vasil'ev K. V. Plany srazhaiushchikhsia tsarstv' (issledovanie i perevody') [Strategies of the Warring States (research and translations)]. Moscow: Izd-vo "Nauka". Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1968.

Ермаков, 1991: *Ермаков М. Е.* Жизнеописания достойных монахов (гао сэн чжуань). Пер. с китайского, исслед., коммент. и указатели М. Е. Ермаков. В 3-х т. Т. I (Раздел 1: Переводчики). М.: Наука. Вост. лит., 1991 (Памятники письменности Востока. XCIX, 1. Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).

Ermakov M. E. Zhizneopisaniia dostoinykh monakhov (gao sen chzhuan'). Per. s kitaiskogo, issled., komment. i ukazateli M. E. Ermakov. V 3-kh t. T. I (Razdel 1: Perevodchiki). Moscow: Nauka. Vost. lit., 1991 (Pamiatniki pis'mennosti Vostoka.XCIX, 1. Bibliotheca Buddhica. XXXVIII). [Lives of Worthy Monks (Gao Sen Zhuan). Translation from Chinese, research, commentary. and indexes by M. E. Ermakov]. V 3-kh t. T. I (Razdel 1: Perevodchiki) [In 3 volumes. Vol. I (Section 1: Translators)]. Moscow: Nauka. Vost. lit. 1991. (Pamyatniki pis'mennosti Vostoka.XCIX. 1. Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).

Игнатович, 2002: *Игнатович А. Н.* Школа Нитирэн. М.: Изд-во «СТИЛСЕРВИС», 2002.

Ignatovich A. N. Shkola Nitiren [Nichiren School]. Moscow: Izd-vo «STILSERVIS», 2002.

Исикава, 2015. Исикава Дзиэ 石川慈慧. Сити ко:-со: 4 До:сяку дзэнси-ни цуитэ 七高僧 4 道綽禅師について (О достопочтенном учителе До:сяку, четвертым из семи высокочтимых монахов). URL: https://www.shoshinji.jp/houwa/haruhigan_20150321c.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

Isikawa, Jie 石川慈慧. Sichi ko:so: 4 Do:syaku zensi-ni tsuite 七高僧 4 道綽禅師について [About the Venerable Teacher Doshaku, the Fourth of the Seven Venerable Monks]. URL: https://www.shoshinji.jp/hou-wa/haruhigan_20150321c.pdf (accessed: 02.05.2023).

Кий, 2021: Кий Е. А. Вновь найденные китайские и уйгурские тексты из Восточного Туркестана // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 105: Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932–10.09.1984). 2013–2017 / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. С. 139–143.

Kii, E. A. Vnov' naydennyye kitaiskiye i uigurskie teksty iz Vostochnogo Turkestana [Newly discovered Chinese and Uyghur texts from East Turkestan] // Trudy

Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 105: Ermitazhnye chteniia pamiati V. G. Lukonina [Proceedings of the State Hermitage: [Vol.] 105: Hermitage readings in memory of V. G. Lukonina] (21.01.1932–10.09.1984). 2013–2017 / Gosudarstvnnyy Ermitazh [State Hermitage Museum]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2021, pp. 139–143.

Китайская, 1994: *Китайская философия*: Энциклопедический словарь / РАН. Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994.

Kitaiskaia filosofiia: Entsiklopedicheskii slovar [Chinese philosophy: Encyclopedic Dictionary / RAN. In-t Dal'nego Vostoka; gl. red. M. L. Titarenko [RAS. Institute of the Far East; Ch. ed. M. L. Titarenko]. Moscow: Mysl', 1994.

Климов, 2023: *Климов В. Ю.* Пятая тетрадь писем Высокомудрого Рэннё: исследование и перевод // Небо, Земля и Человек. Герменевтика религиозно-философских текстов Восточной Азии: монография / П. Д. Ленков, О. А. Бонч-Осмоловская, А. С. Рысаков, В. Ю. Климов; под нач. ред. П. Д. Ленкова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. С. 264–308.

Klimov V. Yu. Piataia tetrad' pisem Vysokomudrogo Renne: issledovanie i perevod // Nebo, Zemlia i Chelovek. Germenevtika religiozno-filosofskikh tekstov Vostochnoi Azii: monografiia / P. D. Lenkov, O. A. Bonch-Osmolovskaia, A. S. Rysakov, V. Iu. Klimov; pod nauch. red. P. D. Lenkova. SPb.: Izd-vo RGPU imeni A. I. Gertsena, 2023. P. 264–308 [The fifth notebook of letters of the Venerable Rannyo: research and translation // Sky, Earth and Man. Hermeneutics of religious and philosophical texts of East Asia: monograph by P. D. Lenkov, O. A. Bonch-Osmolovskaya, A. S. Rysakov, V. Yu. Klimov; under scientific. ed. of P. D. Lenkov. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2023. P. 264–308.

Кравцова, 2020: *Кравцова М. Е.* О собраниях *чуских строф* III–X вв. // Письменные памятники Востока. 2020. Том 17. № 3 (вып. 42). С. 25–33.

Kravtsova, M. E. O sobraniiakh chuskikh strof III–X vv. [About collections of Chu stanzas of the 3rd–10th centuries] // Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, vol. 17, no. 3 (iss. 42), pp. 25–33.

О:ути, 2016: *О:ути Фуми*о 大内文雄. До:сяку дзэнси-но дзидай-то буккё: 道綽禅師の時代と仏教 (Время Наставника До:сяку и буддизм) // Томосиби ともしび (Свет лампады), № 767, октябрь, 2016. URL: http://echo-lab.ddo.jp/Libraries/%E3%81%A8%E

40 Филология

3%82%82%E3%81%97%E3%81%B3/%E3%81%A8%E 3%82%82%E3%81%97%E3%81%B3%EF%BС%97%EF %BС%90%EF%BС%90%E5%8F%B0/%e3%81%a8%e3 %82%82%e3%81%97%e3%81%b3%e7%ac%ac767%e5 %8f%b7.PDF (дата обращения: 30.04.2023).

O:uchi, Fumio 大内文雄. Do:shyaku zenshi-no jidai-ro bukkyo: 道綽禅師の時代と仏教 [Time of the Master Doshaku and Buddhism] // Tomosibi ともしび [Lamp light], no. 767, October, 2016. URL: http://echo-lab.ddo.jp/Libraries/%E3%81%A8%E3%82%82%E3%81%97%E3%81%B3/%E3%81%A8%E3%82%82%E3%81%97%E3%81%B3%EF%BC%97%EF%B-C%90%EF%BC%90%E5%8F%B0/%e3%81%a8%e3%82%82%e3%81%97%e3%81%b3%e7%ac%ac767%e5%8f%b7.PDF (accessed: 30.04.2023).

Рыженков, 2013: *Рыженков С. Ю.* К истории распространения махаянской «Махапаринирвана-сутры» в Китае // Страны и народы Востока. Вып. 34. Центральная Азия и Дальний Восток / Под ред. И. Ф. Поповой и Т. Д. Скрынниковой / Институт восточных рукописей РАН; Вост. комиссия РГО. М.: Наука, Вост. лит., 2013. С. 300–310.

Ryzhenkov S. Iu. K istorii rasprostraneniia makhaianskoi «Makhaparinirvana-sutry» v Kitaye [On the history of the spread of the Mahayana "Mahaparinirvana Sutra" in China] // Strany i narody Vostoka. Vyp. 34. Tsentral'naya Aziya i Dal'nii Vostok / Pod red I. F. Popovoi i T. D. Skrynnikovoi [Countries and Peoples of the East. Vol. 34. Central Asia and the Far East / Edited by I. F. Popova and T. D. Skrynnikova] / Institut vostochnykh rukopisei RAN; Vost. komissiia RGO [Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; East commission of the Russian Geographical Society]. Moscow: Nauka. Vostochnaia literatura, 2013, pp. 300–310.

Рыженков, 2014: *Рыженков С. Ю.* К вопросу о применимости термина «школа» к экзегетической традиции «Нирваны-сутры» в Китае в V–VI вв. // Страны и народы Востока. Вып. ХХХV: коллекции, тексты и их биографии / Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой / Институт восточных рукописей РАН; Вост. комиссия РГО. М.: Наука, Вост. лит., 2014. С. 305–315.

Ryzhenkov, S. Iu. K voprosu o primenimosti termina "shkola" k ekzegeticheskoi traditsii "Nirvany-sutry" v Kitae v V–VI vv. [On the question of the applicability of the term "school" to the exegetical tradition of the "Nirvana Sutra" in China in the V–VI centuries] // Strany i narody Vostoka. Vyp. 34. Tsentral'naia Aziia i Dal'nii Vostok / Pod red I. F. Popovoy i T. D. Skrynnikovoy [Countries and peoples of the East. Vol. XXXV: collections, texts and their biographies] / Institut vostochnykh rukopisey RAN; Vost. komissiya RGO [Ed. I. F. Popova, T. D. Skrynnikova / Institute

of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; East commission of the Russian Geographical Society]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literatura, 2014, pp. 305–315.

Сё:гакукан, 1998: *Сё:гакукан* Су:па: Ниппоника, Нихон дайхякка дзэнсё (Мультимедийная энциклопедия Super Nipponica). CD ROM (4 CD ROM), версия 1.0. Б.м.: Сё:гакукан, 1998.

Sho:gakukan. Sho:gakukan Su:pa: Nipponika. Nikhon daykhyakka zense [Multimedia encyclopedia Super Nipponica] 1998. CD ROM (4 CD ROM), version 1.0. Sho:gakukan, 1998.

Синран, 2018: *Синран*. Песня об Истинной Вере / перевод Н. Н. Трубниковой // Философские науки, № 3, 2018. URL: https://elibrary.ru/item. asp?id=17789974 (дата обращения: 24.04.2023).

Shinran. Pesnya ob Istinnoy Vere [Song about True Faith] / perevod [translation] N. N. Trubnikova // Filosofskie nauki [Philosophical sciences], № 3, 2018. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17789974 (accessed: 24.04.2023).

Синсан дзё:досю: дайдзитэн 新纂浄土宗大辞典 (Новый энциклопедический словарь по буддийской школе Чистой земли). URL: http://jodoshuzensho.jp/daijiten/index.php/%E9%81%93%E7%B6% (дата обращения: 19.04.2023).

Sinsan. Sinsan jo:doshu: daijiten新纂浄土宗大辞典 (A New Encyclopedic Dictionary of the Pure Land School of Buddhism. URL: http://jodoshuzensho.jp/daijiten/index.php/%E9%81%93%E7%B6% (accessed: 19.04.2023).

Синсю хондана 真宗本棚 (Книжная полка школы Истинной Веры [Чистой земли]). URL: http://shinshu-hondana.net/knowledge/show.php?file_name=dousyaku (дата обращения: 19.04.2023).

Shinsyu. Shinsyu khondana 真宗本棚 [Bookshelf of True Faith School (Pure Land)] URL: http://shinshu-hondana.net/knowledge/show.php?file_name=dousyaku (accessed: 19.04.2023).

Трубникова, 2010: *Трубникова Н. Н.* Традиции "исконной просветленности" в японской философской мысли. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Trubnikova N. N. Traditsii "iskonnoi prosvetlennosti" v iaponskoi filosofskoi mysli [Traditions of "primordial enlightenment" in Japanese philosophical thought]. Moscow: Rossiyskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2010.

Трубникова, 2022: *Трубникова Н. Н.* Школа Чистой земли // Большая российская энциклопедия.

URL: https://bigenc.ru/c/shkola-chistoi-zemli-8b72a4 (дата обращения: 30.04.2023).

Trubnikova N. N. Shkola Chistoi zemli [Pure Land School] // Bolshaia rossiyskaia entsiklopediia [Grand Russian Encyclopedia]. URL: https://bigenc.ru/c/shkola-chistoi-zemli-8b72a4 (accessed: 30.04.2023).

Трубникова — без даты. *Трубникова Н. Н.* Жизнь и сочинения Синран. URL: http://trubnikovann.narod.ru/Shinran0.htm (дата обращения: 10.05.2023).

Trubnikova N. N. Zhizn' i sochineniia Sinran [Life and writings of Shinran]. URL: http://trubnikovann.narod.ru/Shinran0.htm (accessed: 10.05.2023).

Трубникова, Бабкова, 2014: *Трубникова Н. Н.*, *Бабкова М. В.* Обновление традиций в японской

религиозно-философской мысли XIII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Trubnikova N. N., Babkova M. V. Obnovlenie traditsii v iaponskoi religiozno-filosofskoi mysli XIII–XIV vv. [Renewal of traditions in Japanese religious and philosophical thought of the 13th–14th centuries]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014.

Фиссер, 2016: Фиссер, Маринус Виллем, де. Древний буддизм в Японии [Текст]: перевод: А. Г. Фесюн. М.: Изд. дом «Серебряные нити». 2016.

Visser, Marinus Willem de. Drevniy buddizm v Yaponii [Ancient Buddhism in Japan [Text]: translation: A. G. Fesyun. Moscow: Publishing house "Silver Threads", 2016.

POETIC PRAISES OF SHINRAN DEDICATED TO DAO-CHO (562–645)

Vadim Yu. KLIMOV Institute of Oriental Manuscripts RAS

Dao-cho (Japanese: Doshaku, 562–645) is one of the founders of the Pure Land school. Shinran (1173–1263) placed him fourth on a list of worthy monks consisting of seven hierarchs. Thanks to Daoxuan, a monk and historiographer, as well as the monk Chia-tsai (the years of his life are unknown to us), a novice of Dao-cho, trustworthy information about his life and activities has reached our time. At the age of fourteen he entered a monastery. But soon his monastic service was interrupted, since the third emperor of Northern Zhou Wu-di (Japanese: Hokushu: no Butei, 北周の武帝, 543–578, on the throne 560–578) began persecution of Buddhism in 574. When the persecution ceased after the death of Wu-di, Dao-cho, at the age of 16, again took monastic vows and entered a monastery. In 609, at the age of 48, Dao-cho settled in the monastery of Xuanzhongsi (in Japanese Genchuji) 玄中寺 ("The Hidden Middle"), immersed in the study of the heritage of Tan-luan, and refused further study of the sutra Nirvana and turns to the teachings of the Pure Land. Only seven verses out of 119 are dedicated to Dao-cho in the "Doxologies to the Worthy Monks [of the School of] the Pure Land" (Koso wasan, 高僧和讃). In them, Shinran praises Dao-cho, who calls not to rely on one's own strength, but to trust in the power of the Basic Vow of Buddha Amida and refuse to perform the numerous practices of way of the sages.

Key words: school of the "True Faith of the Pure Land", Amida, Shinran, "Poetic hymns in Japanese", seven worthy monks, Dao-cho.

About the author: **Vadim Yu. Klimov**, Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the Department of Far East Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (klimovvadim26@gmail.com). ORCID 0000-0002-0182-3872.

Р. П. Сумба

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва

РУКОПИСИ И КСИЛОГРАФЫ НА ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

Статья рассматривает историю формирования библиотечного фонда на тибетском языке, а также на монгольском языках в Национальном музее Республики Тыва. В коллекции представлены канонические тексты буддизма, популярная литература дидактического содержания, литературные сборники, а также тексты необходимые для религиозно-обрядовой практики. Большая часть литературы закупались в тибетских, монгольских и бурятских монастырях и типографиях, что свидетельствует об экономической и культурно-исторической связи с этими регионами. В статье были использованы собранная документация из фондов Национального музея Тувы, информация бывших лам, которые учились в буддийских монастырях Тувы и научная публикация ученых.

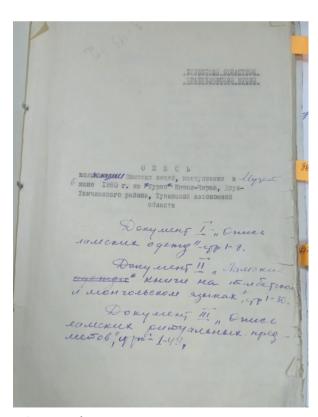
Ключевые слова: Национальный музей; Тува; фонды; рукописи; ксилографы.

Об авторе: Сумба Рита Петровна, научный сотрудник, отдел культуры, науки и религии. Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (Кызыл, Россия) (risu1232001@yahoo.de). ORCID 0000-0002-6296-2809.

© ИВР РАН, 2024 © Сумба Р. П., 2024

Первое поступление буддийских предметов в фонды Национального музея Тувы были зарегистрированы в инвентарной книге основного фонда № 1, начатой в 1954 г., в ней описаны 372 единиц хранения. К сожалению, подробный учет сданных предметов тогда не велся. Кроме списков перечисленных предметов, подробные записи отсутствуют.

Основу буддийского собрания НМРТ составляют предметы, поступивших в музей в 1960 г. в результате конфискации имущества молитвенной юрты (хүрээ-өг) из местечка Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района. В Книге поступлений № 2, с 1954 по 1965 гг., от 21 июня 1960 г. есть записи: «Книги на тибетском и монгольском языках из хурээ Кызыл-Чираа Дзун-Хемчикского р-на Тувинской автономной области (опись книг), в количестве 700, бумага. Сохранность — удовл., дар». «Предметы из хурээ Кызыл-Чираа Дзун-Хемчикского р-на (опись), в количестве 600, х.б., метал, дерево, клеенка». Таким образом, из записей видно, что в 1960 г. в музей поступило 1500 ед. хране-

Опись предметов, поступивших в музей в 1960 г.

Hammingumed 26 80 Economic	Дата	Вромя, истотива в 26 явтя поступления	плименование и кратков описание предмета	Satsylvin	Managana (Passep RNS Sec	Сокранность	Сповырсть	Месть дриевы	1
3675	21/10	on Dayn-	Герединый намоние из жур. Кизии- Гираа Дзун - жили							
	9601.	p-ua.	Kuziu- Tupaa Bzyn- Scurux					0		
			мого р. па мувинской автом					111		I
			пой бласти (ошись прид		x.5.					1
			mob)	108	witeru6					M
					merk ment		y Soliers.	900		1
					A STATE OF		100	0		
3676			Кинги панские на поибыть							
			и понтанном адинах из							İ
			гурь жизи- пирад Взун-							
			xewmenoro p.ua Trybuca		[星動器機能		kozuries-			
			автопочной обласия.		Symma		guesau.	20.0		
			(onuce xuer)	700				22		
					THE REAL PROPERTY.					
0 3677 -		1	Герединый намоние из					THE STATE OF		
			хурээ хызки- чираа		newan,					
			sayu- xeurun cuoro pue		geneso			MI COM		ı
			Туринской автопанной		Execusor.					ı
			observine (ounce)	600			yeos.			ø

Книга поступлений № 2

ния буддийской скульптуры, живописи, предметов культа и книг.

С 1962 г. до сегодняшних дней музейные фонды обновляются буддийскими атрибутами из частных коллекций граждан. Небольшая часть приходится на поступления, которые были собраны сотрудниками музея в разные годы во время командировок или этнографических экспедиций.

Значительную часть библиотечного фонда, сданного в период с 1954 г. по настоящее время из буддийских монастырей, составляют отдельные издания сочинений на тибетском языке, которые входят в буддийский канон: «Алмазная сутра» (тув. Доржу Чотпа, 12 ед. хр.), «Краткая праджняпарамита о совершенстве мудрости» (тув. Чадамба, 11 ед. хр.). По месту происхождения подразделяются на пекинские и бурятские, так, например, все девять экземпляров «Сутры Золотого Блеска» (тув. Алдын-Херел), были изданы в Китае. В фондах Национального музея г. Кызыла хранятся многочисленные рукописные дубликаты вышеперечисленных текстов на тибетском и монгольском языках. [Сумба, 2019]. Из-за дороговизны тувинские семьи не часто могли купить книги, поэтому, подобные тексты воспроизводились путем переписывания ламами в монастырях и распространялись среди тувинского населения.

Почти 80% всей коллекции тибетских рукописей и ксилографов в фондах Национального музея в Туве, составляют тексты культового и религиозно-обрядового содержания, тематические подборки по буддийской ритуалистике, обиходная литература частного пользования: молитвы, дхарани, мантры, подношения. А также, тексты почитаемых божеств: Белой и Зеленой Тары, Махакалы, Вайшраваны, Балдан Лхамо.

Собрание сочинений авторов (сумбумы), в сданных библиотечных коллекциях в фондах музея отсутствуют. Объясняется это тем, что многие книги были переданы из расформированных буддийских монастырей Тувы, и не являлись результатом коллекционирования ценных и редких в научном отношении [Сазыкин, 1992. С. 49].

Из канонических трудов в Национальном музее хранится Ганджур (94 ед. хр.), буддийский канон, был издан в Урге (Монголия) в 1908 по 1910 гг. под патронажем Его Святейшества Богдо-Гегена VIII. Это единственный экземпляр на тибетском языке, который сохранился в Туве под номером № 6939. В книге поступления № 7, есть надпись от 22 дек. 1977 г: «Ганджур на тибетском языке. Был найден в пещере вблизи с. Кунгуртуг в 1971 г., в количестве 94 ед.» [Сумба, 2019].

Монгуш Борахович Кенин-Лопсан вспоминал: «Ганджур был спрятан в окрестностях Кунгуртуга, в одной из пещер. Об этом я уз-

44 Филология

Кенин-Лопсан Монгуш Борахович Ветеран музейного дела, доктор исторических наук, народный писатель Тувы

нал от старика Эртине, отца Григория Санчаа. Скалу, где находилась пещера, он называл то Кок-Хая (синяя скала), то Кадыр-Хая (отвесная скала). Старик Эртине был свидетелем, как прятали священные книги. Через много лет отец композитора Мергена Ховалыга и его мама, которая была моей учительницей, помогли мне достать книги из пещеры и доставить в с. Кунгуртуг. С книгами меня на борт самолета не принимали, потому что их было 18 мешков, но затем отправили первым почтовым рейсом в Кызыл, и я заплатил из собственного кармана за 18 мест» [Ондур, 2009].

Известно, что были предприняты попытки переписывания буддийского канона и отдельных текстов, которые активно использовались для практики. Монгуш М. В. пишет: «В 1906 году Угерда Хайдып (местный удельный князь)

Хемчикского кожууна, поручил ламе Цагланаю переписывания текста, для чего закупил специальную бумагу у русского купца на сумму 3 тыс. рублей» [Монгуш, 2001. С. 48]. Однако, объемную каноническую литературу и труды буддийских авторов закупались в тибетских и монгольских монастырях и типографиях [Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006. С. 37]. Российский полковник В. Попов отмечал, что в течение одного года тувинский монастырь приобретал из Тибета до тысячи книг. В конце 20-х гг. XX в. в библиотеках особо крупных монастырей, по нашим подсчетам, насчитывалось более 100 тыс. рукописных книг и ксилографов на восточных языках [Маадыр, 2023. С. 157]. При строительстве Сукпак хурэ Бай-Тайгинского кожууна, местный правитель Хертек Ананда закупил для монастыря буддийские трактаты и различные культовые принадлежности в Монголии [Монгуш, 2001. С. 67].

Коллекция монгольских рукописей и ксилографов, которые хранятся в фондах Национального музея Тувы составляют 938 ед. хр., и относится к XVII–XIX вв., по месту издания подразделяются на пекинские (23 экз.), бурятские (50 экз.).

Литература по философии, логике, медицине была привезена в Туву из Монголии и Бурятии, где послушники Тувы получали образование в буддийских университетах. В Бурятии из существовавших в 1911 г. 42-х монастырей, в 31-м в той или иной мере издавалась буддийская литература. Наиболее известны типографии Цугольского, Агинского и Гусиноозерского монастырей. Крупными центрами буддийского книгопечатания монголов были книгопечатни Пекина, Долонора, Их-Хурэ (совр. Улан-Батор), Мэргэн-сумэ в Ордосе, монастыре Цагаан-уул в Чахарской долине [Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006. С. 8–10].

Медицинские трактаты, справочники и рецептурники для лекарей закупались в Агинском дацане, так как здесь находился медицинский факультет. Именно здесь был издан медицинский трактат «Джуч-Ши». В этом дацане был сильный философский факультет.

В буддийских монастырях Тувы логика также стала важной частью образования. В

Книги на тибетском языке в экспозиции монастыря Тубтен Шедруб Линг

фондах Национального музея Тувы хранятся книги (сутры или трактаты), по которым преподавали логику в монастыре Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района Республики Тыва. Возможно, большая часть книг по буддийской философии и логике, а также медицинские трактаты были привезены в Туву с Агинского дацана.

В составе коллекции Национального музея Тувы есть широко распространенные книги, как на монгольском, так и на тибетском языках: «Панчаракша», «Тарпа Ченпо», «Итэгэл». Из неканонической буддийской литературы можно отметить «Лам-рим чен-мо» Цзонховы и большое количество комментарий к этому сочинению; «Биография 84 индийских сиддх»; «Гимны Белой и Зеленой Таре»; «Восхваления Двадцати одной Тары».

К числу памятников тибето-монгольской литературы принадлежит «Повесть о царевиче Синегорлая Лунная кукушка». Это произведение являет собой один из ярких примеров сочинений тибетских и монгольских авторов, включенных в состав канонического сводов [Музраева, 2004].

Большую популярность получила афористическое сочинение дидактического характера «Субхашита», написанный Сакья-Пандитой и сборник заклинаний «Сундуй». Эти произведения хранятся в фондах Национального музея на тибетском и монгольском языках. Архив располагает памятником тибетской литературой: «Мани-кабум». Это сборник текстов, относящихся к разным жанрам, авторство приписывается тибетскому царю Сронгцэн-Гампо (VII в.).

Среди особенностей этой коллекции следует отметить большое число рукописей и ксилографов, так называемой «шаманской» обрядовой литературы. На монгольском языке наиболее распространены обрядовые тексты, относящиеся к культу земель и гор Танну-оола и Алтая, а также рукописи, описывающие охотничьи обряды, воскурения ружью, просьба к хозяину диких зверей Манахан-тэнгрию об удачной охоте. На тибетском языке обрядники: «Танну сан», где описываются обряд воскурения (тув. сан салыр) хозяевам местности Тувы. «Танну-Сержем», в этом тексте описывается обряд окропления горам Тувы. Интерес-

46 Филология

ная сутра, которая называется «Подношение воскурения большим горам Танну» — «Рибо ченпо Танну Сан». В этой сутре совершается жертвоприношение местным божествам: «найдаку», «шибдакам», «юлха», горе Танну-оола, р. Хемчик, священным местностям: Чаа-Холь, Чааты, Торгалыг, Шивилиг, Арыг-Узуу.

В столице Республики Тыва Кызыле открылся крупнейший в России буддийский монастырь «Тубтен Шедруб Линг» (Обитель объяснения и практики учения Будды Шакьямуни). На первом этаже монастыря находится библиотека, конференц-зал, Музей буддизма. Из Национального музея сюда переместилась буддийская коллекция, рассказывающая об истории буддизма в Туве. В фондах монастыря хранится коллекция рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках. В настоящее время идет работа по каталогизации тибетских рукописей, чтобы она стала доступной для исследователей, ученых, востоковедов и в будущем, для послушников, которые будут постигать азы буддийской философии, логики, индо-тибетской медицины, тибетского и монгольского языков.

Новая обитель станет одним из главных буддийских религиозных, культурных и образовательных центров страны, послужит приобщению верующих, прежде всего молодёжи, к завещанному предками бесценному духовному и нравственному наследию.

Использованная литература

Маадыр, 2023: *Маадыр М. С.* История становления библиотечной системы Танну — Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) // Вестник СПбГИК. № 2 (55). URL: https://vestnik.spbgik.ru/vestnic_jurnal/2023-2/M.%20С.%20Маадыр.pdf (дата обращения: 20.11.2023). С. 156–160.

Maja S. Maadyr. Istoriia stanovleniia bibliotecnoi systemi Tannu — Tuvinskoi Narodnoi Respudliki (1921–1944) [The history of the formation of the library system of the Tannu — Tuva People's Republic (1921–1944)] // Vestnik SPBGIK, 2023. № 2 (55). URL: https://vestnik.spbgik.ru/vestnic_jurnal/2023-2/M.%20C.%20 Маадыр.pdf. P. 156–160 (data obrasheniia: 20.11.2023).

Монгуш, 2001: *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука.

Mongush M. V. Istoriia buddizma v Tuve [History of Buddhism in Tuva] Novosibirsk: Nauka, 2001.

Ондур, 2009: *Ондур С.* 18 мешков драгоценных книг привез из Кунгуртуга. Монгуш Кенин-Лопсан // Тувинская правда, 30 окт., № 137.

Ondur C. 18 mechkov dragozennih knig privjos bs Kungurtuga. Mongush Kenin-Lopsan [18 bags of precious books brought from Kungurtug. Mongush Kenin-Lopsan] // Tuvinskaja pravda, 2009. 30 окт., № 137.

Сазыкин, 1992: Сазыкин А. Г. Собрание монгольских рукописей и ксилографов из фондов Тувинского республиканского краеведческого музея им. 60 Богатырей // Тюркские и монгольские письменные памятники / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература». С. 45–59.

Sazykin A. G. Sobranie mongol'skikh rukopisei i ksilo-grafov iz fondov Tuvinskogo respublikanskogo kraevedcheskogo muzeia im. 60 bogatyrei (Kyzyl) [The Collection of Mongolian manuscripts and Xylographs from the funds of the Tuva Republican Museum (Kyzyl)] // Tiurkskie i mongol'skie pis'mennye pamiatniki. Tekstologicheskie i kul'turovedcheskie aspekty issledovaniia: sbornik statei / otv. red. S. G. Kliashtornyi i Iu. A. Petrosian. Moscow: Nauka, Vostochnaia literature, 1992. S. 45–59.

Сумба, 2019: *Сумба Р. П.* Письменные источники на тибетском языке из фондов Национального музея Тувы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/850 (дата обращения: 23.11.2023).

Sumba, R. P. Pis'mennye istochniki na tibetskom yazyke iz fondov Natsionalnogo muzeia Tuvy [Written sources in Tibetan language in the collections of the National Museum of the Republic of Tuva] // Novye issledovania Tuvy, 2019. No. 2. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/850 (data obrasheniia: 23.11.2023).

Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006: *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Д. Б., Базаров А. А.* Буддийское книгопечатание Бурятии XIX — нач. XX в. Улан-Батор, 2006.

Syrtypova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Bazarov A. A. Buddiiskoe knigopechatanie Buriatii XIX — nachala XX v. [Buddhist book printing in Buryatia of the XIX — early XX century]. Ulaanbaatar, 2006.

Музраева, (2004): *Музраева Д. Н.* Повесть о Лунной кукушке. Монгольская версия. Факсимиле кси-

лографа / Предисловие, транслитерация, перевод, комментарии, глоссарий и приложения Д. Н. Музраевой / отв. ред. И. В. Кульганек. Элиста: АПП «Джангар» (Письменное наследие народов Центральной Азии).

Muzraeva D. N. Povest' o Lunnoi kukushke Mongol'skaya versiya [The Tale of the Moon Cuckoo.

Mongolian version. Faksimile] / Predislovie, transliteratsia, perevod, kommentarii, glossariy i prilozhenia D. N. Musraevoi. Ed. by I. V. Kulganek (Pismennoe nasledie narodov Zentralnoi Asii). Elista: APP "Dzhangar", 2004.

TIBETAN MANUSCRIPTS AND BLOCK PRINTS FROM THE COLLECTIONS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF TUVA

Rita P. Sumba

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva

The article considers the history of the formation of the library fund in Tibetan, as well as in Mongolian in the National Museum of the Republic of Tuva. The collection contains canonical texts of Buddhism, popular literature of didactic content, literary collections, as well as texts necessary for religious and ritual practice. Most of the literature was purchased from Tibetan, Mongolian and Buryat monasteries and printing houses, which indicates an economic and cultural-historical connection with these regions. The article used collected documentation from the funds of the National Museum of Tuva, information from former lamas who studied at the Buddhist monasteries of Tuva and the scientific publication of scholars.

Key words: National Museum; Tuva; funds; manuscripts; xylograph.

About the author: **Rita P. Sumba**, Research Fellow, Department of Culture, Science and Religion, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation) (risu1232001@yahoo.de). ORCID 0000-0002-6296-2809.

ИСТОРИЯ

УДК 929 DOI 10.48612/IVRRAN/d7m2-v59g-hat8

Агваанцэрэн Мандирмаа Дальневосточный федеральный университет

ГОДЫ ЖИЗНИ А. М. ПОЗДНЕЕВА ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (1899–1903)

Алексей Матвеевич Позднеев был выдающимся русским востоковедом, ярким представителем петербургской школы по монголоведению, первым директором Восточного института (1899–1903) во Владивостоке, политическим деятелем и Тайным советником (1905). А. М. Позднеев внес огромный вклад в становлении Восточного института, где проходила подготовка будущих дипломатов, военных, финансистов и религиозных деятелей, владеющих восточными языками. Однако до сих пор не столь известна широкому кругу исследователей причина и цель поездки блестящего ученого, профессора Санкт-Петербургского университета А. М. Позднеева на Дальний Восток. В статье раскрывается его цель и результат поездки в 1899–1903 гг. во Владивосток и изучен ряд материалов на эту тему.

Ключевые слова: Восточный институт, первый директор, Позднеев, Владивосток, практическое востоковедение, монголоведение, китаистика, маньчжуроведение, Дальний Восток.

Об авторе: Агваанцэрэн Мандирмаа, магистрант. Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия) (agvaantceren.ma@dvfu.ru).

Благодарность: Автор выражает благодарность своему научному руководителю Кузьменко Наталье Николаевне (kuzmenko.nn@dvfu.ru), кандидату исторических наук, профессору кафедры японоведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (BU-IIIPMU $\mathcal{A}B\Phi \mathcal{Y}$) за ценные советы и значимые замечания при планировании исследования и рекомендации по оформлению данной статьи.

© ИВР РАН, 2024

© Мандирмаа А., 2024

Выдающийся российский монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник, первый директор Восточного института Алексей Матвеевич Позднеев провел во Владивостоке четыре года. Это было связано с основанием во Владивостоке нового высшего учебного заведения — Восточного института. Вопросы становления данного вуза изучены рядом российских ученых и по данной теме опубликовано немало работ. На наш взгляд их можно разделять на четыре основные группы: 1) материалы, посвященные круглым датам, юбилеям Восточного института; 2) научные материалы, диссертации, раскрывающие вопросы становления Восточного института (кандидатские диссертации О. А. Трубич и Е. А. Геогриевской; 3) статьи, книги о директорах и профессорах Восточного института; 4) отдельные материалы, посвящен-

ные первому директору Восточного института A. M. Позднееву.

Материалы первой группы хорошо освещают вопросы создания Восточного института. В них упоминаются о политических переменах, происходивших в конце XIX в. на Дальнем Востоке, в том числе Японо-китайской войне 1894–95 гг. Все это толкнуло Россию глубже изучать своих восточных соседей. Кроме этого, строительство Транссибирской железнодорожной магистрали подошло к концу и требовалось много специалистов со знанием восточных языков. В некоторых источниках пишут, что к тому времени Владивосток стал узлом международной торговли и транспорта и в городе проживало много иностранцев.

В ходе исследовательской работы нам удалось выяснить, что А. М. Позднеев немного раньше начал принимать участие в проекте по созданию нового вуза. «В 1894 году его пригласили читать курс лекций по коммерческой

географии Дальнего Востока в Высших специальных классах Министерства торговли и промышленности, а вскоре привлекли к разработке проекта Восточного института» [Войтов, 2001. С. 8.]. С 1896 г. в Министерстве народного просвещения начали активно обсуждать вопрос о создании высшего учебного заведении в целях подготовки специалистов для службы в административных и торгово-промышленных учреждениях в восточно-азиатской части России.

В 1898 г. образована специальная комиссия по созданию будущего вуза. "В ней было около 10 человек, и 4 из них были ориенталистами. Все были профессора Санкт-Петербургского университета: по кафедре монгольской словесности А. М. Позднеев, по кафедре китайской словесности Д. А. Пещуров, по кафедре арабской словесности барон В. Р. Розен и молодой начинающий приват-доцент по кафедре истории Дальнего Востока Д. М. Позднеев" [Трубич, 2017. С. 57]. Иными словами, профессор А. М. Позднеев начинал работать в этом проекте с самого начала. Он поддерживал идею создать вуз именно во Владивостоке.

Рассматривались всего три варианта: на территории Китая — Да-лянь-вань, на территории России — Владивосток и Иркутск. Однако Да-лянь-вань, как город, ещё не существовал. Его строительство планировалось начать, как минимум, через два-три года после открытия института. Иркутск к концу XIX в. утратил позиции центра связи России со странами Азиатско-тихоокеанского региона. В силу значительного расстояния не только от Дальневосточного региона, но и от Японии, Кореи, Китая Иркутск не мог быстро и эффективно реагировать на требования внешнеполитической ситуации и нужды государственных интересов России, особенно в пограничных районах. Помимо этого, по поводу «практичности открытия Восточного института в городе Владивостоке» высказывались серьезные сомнения, вызванные малочисленностью образовательных заведений и низким культурным уровнем населения. Но совершенно иных позиций придерживались руководители Министерства народного просвещения и профессор Санкт-Петербургского университета

А. М. Позднеев. Они были убеждены: «...для такого учреждения, как Восточный институт, невозможно подыскать другого, более подходящего пункта, как Владивосток», и приводили красноречивый аргумент: «...Владивосток в некоторых своих кварталах имел вид совершенно азиатского города, где среди массы корейцев, японцев, китайцев совершенно не было видно русского человека» [Трубич, 2017. С. 59–61].

Комиссия приняла решение открыть вуз во Владивостоке и также пришла к определенному выводу, что "директор должен иметь ученую степень и желательно, чтобы он читал лекции по одному из предметов курса, так как «этой мерой ...усиливается нравственное влияние директора на профессоров через близкое соприкосновение с ним. Преподавая сам один из предметов, директор лучше может судить о результатах, достигнутых другими профессорами" [Трубич, 2017. С. 62]. В итоге директором был назначен Алексей Матвеевич Позднеев.

28 июня 1899 г. А. М. Позднеев получил аудиенцию у императора Николая II, на которой император выразил надежду, что «Восточный институт не замедлит дать России сведущих деятелей, в которых она так нуждается на Востоке» [Еланцева, 2012. С. 133].

Уже на следующий день встречи Позднеев выехал из Санкт-Петербурга на Дальний Восток. 9 сентября он представлялся в Хабаровске своему непосредственному начальнику Приамурскому генерал-лейтенанту Н. И. Гродекову, так как институт относился к руководству генерала-губернатора. Алексей Матвеевич 15 сентября прибыл во Владивосток [Ермакова, 1996. С. 8]. Прибывший директор обнаружил полную неготовность здания института к занятиям. Позже он в своем письме Н. И. Гродекову, написанным 9 октября 1902 г. подробно описывает эту ситуацию. «...что значит обосновать во Владивостоке высшее учебное заведение, когда для этого не дано ровно ничего, помимо четырех покрытых стен здания, представляющего собою сарай без окон, дверей и даже лестниц. Вашему Высокопревосходительству более чем кому-либо известно, и больше, чем всякий другой Вы можете свидетельствовать, что именно в таком виде нашел я Восточный

институт три года тому назад...» [Еланцева, 2019. С. 129].

Несмотря на это, открытие нового вуза не замедлялось. Директор обратился с письмом к А. В. Даттану с просьбой дать согласие на временное размещение Восточного института в стенах интерната и получил согласие. Начались ускоренные работы по отделке здания, чтобы открыть институт, как это хотелось директору, 21 октября, в высокоторжественный для России день восшествия на престол (это было уже пятилетие царствования) Николая II [Ермакова, 1997. С. 9].

21 октября 1899 г. состоялось торжественное открытие Восточного института. По случаю этого праздника отправлено множество поздравительных писем и телеграмм. Николай II направил телеграмму: "Счастлив открытию Восточного института. Желаю ему искреннего успеха и процветания на пользу не только Дальнего Востока, но и всей России" [Мизь, 2022. С. 27].

На плечах директора, в первую очередь, была большая нагрузка неотложных хозяйственных вопросов и бытовых проблем. Второе, на что директор обратил большое внимание — это был набор преподавательского состава вуза. Он пригласил лучших выпускников — востоковедов из Санкт-Петербургского университета, поскольку он имел репутацию и хорошие связи с коллегами Петербурга. В книге, посвященной 100-летию Восточного института, отмечается, что в первом учебном году в Восточном институте было 8 преподавателей:

- 1. А. М. Позднеев доктор монгольской и калмыцкой словесности;
- 2. А. В. Рудаков китаевед, маньчжурист. Выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, за 3 года практики в Китае овладевший языком и письменностью;
- 3. П. П. Шмидт китаевед, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, за 3 года практики в Китае овладевший языком и письменностью;
- 4. Н. П. Таберио юрист, ранее служивший в Центральном Управлении Министерства народного просвещения, выпускник юридиче-

ского факультета Санкт-Петербургского университета;

- 5. Протоиерей А. И. Муравьев настоятель владивостокского кафедрального собора, единственное лицо среди местного духовенства с академическим образованием, его предназначением здесь было чтений лекций по богословию;
- 6. И. И. Люгебиль лектор местной мужской гимназии, преподаватель английского языка;
- 7. Два китайских ученых лекторов из Пекина [Ермакова, 1997. С. 14].

В следующим году, 1900 г. на кафедры японской и корейской словесности приглашаются первые в России специалисты по данным разделам востоковедения, получившие строго практическую подготовку в странах своего изучения, оба выпускники факультета восточных языков: проживший 2 года в Токио Е. Г. Спальвин и вернувшийся из Кореи магистрант монгольской словесности Г. В. Подставин. Спальвин преподавал японский язык, а Подставин читал лекции по корееведению. В 1902 г. выпускник факультета восточных языков СПГУ Н. В. Кюнер, вернулся с подготовки в Токио. Он по дороге посещал Корею, Внутренний Китай, Монголию и Маньчжурию. Кюнер читал лекции по истории, этнографии, географии и культуре стран Дальнего Востока. В 1902 г. начал преподавать студент — монголовед Г. Ц. Цыбиков, проживший полтора года в Тибете. Он был лектором монгольской словесности, также читал лекции по тибетскому языку. Когда Цыбиков находился в командировках, и за это время лектором монгольского языка был уроженец Забайкальской области Селенгинского округа инородец Подгорного рода Рабдан Намдаков. Он получил ламское образование, после чего окончил высшую школу Цанина и курс тибетской медицины.

«К осени 1900 года число преподавателей института возросло до 17 и приготовляются к занятию профессорских кафедр при институте двое...» [Хохлов. С. 40]. Преподавательский состав был высококвалифицированным, но имел мало опыта работы, поскольку многие направления в Восточном институте были совершенно новыми для России.

Лекции в Восточном институте начались 1 ноября 1899 г. В первый год обучения набраны 26 студентов, в том числе 4 вольнослушателя. Алексей Матвеевич разработал новую методику подготовки специалистов. "По его словам, преподаванию должен был придаваться практический характер, и помимо того, необходимо основательно ознакомить слушателей как с естественным положением и экономическими условиями жизни, так и в правовом отношении различных государств Восточной Азии" [Ермакова, 1997]. Разницу традиционного и практического востоковедения А. М. Позднеев видел в том, что первое направление интересовалось древностью. Основой практического востоковедения выступала современность, которая в совокупности с восточными языками давала новые сведения о реальной жизни восточных народов. С точки зрения профессора Позднеева, востоковед не мог обойтись без навыков чтения, перевода и составления разного рода документов гражданского, уголовного, дипломатического характера. Поэтому подобного рода курсы входили в программу обучения и надеялись, что благодаря им формируется полное представление о странах Азиатско-Тихоокеанского региона и способствует «на благо служения интересам России на Дальнем Востоке». Стоит отметить, что на заседаниях спецкомиссии по созданию Восточного института обсуждалось несколько проектов. В итоге утвержден проект, где курс обучения длился четыре года и делился на два этапа. Первый этап занимал один учебный год и являлся общим для всех студентов. Второй этап — три учебных года со специализацией на китайско-японском, китайско-корейском, китайско-монгольском, китайско-маньчжурском отделениях [Трубич, 2017. С. 59]. Китайский язык был обязателен для всех отделений.

В начале не было учебных пособий, особенно по корейскому и японскому языкам, которые раньше не преподавались в России. Молодой коллектив начал писать учебные пособия, и к 1903 г. в Институте создалось около 60 курсовых текстов и учебников. Учебники А. М. Позднеева, П. П. Шмидта, Е. Г. Спальвина, Г. В. Подставина стали использоваться в

качестве пособий в других вузах, например, на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Нагрузка повседневной работы Алексея Матвеевича была большая, и она отчасти раскрываются в его письмах. Профессор ДВФУ, доктор исторических наук О. П. Еланцева в 2019 г. опубликовала статью, где представлены два письма А. М. Позднеева профессору Санкт-Петербургского университета И. В. Помяловскому и Приамурскому генералу-губернатору Н. И. Гродекову. В этих письмах можно наблюдать процесс его работы во Владивостоке.

В письме от 9 октября 1902 г. Алексей Матвеевич пишет Н. И. Гродекову о Восточном институте: «...быть первым в России учебным заведением, преследующим практические цели в изучении Востока, однако пособий для сего у нас не были совершенно. Не говоря о том, что такие языки, как корейский или японский, никогда не преподавались в России, даже такие предметы, как история и география Дальнего Востока, политическая организация восточных государств, их право, учение об их промышленности и торговле — все это было для нас совершенной новизной. Что же было мне дано в удовлетворение? В первый год два профессора, в виде едва сошедших со студенческой скамьи 24-летних юношей, которых еще самих нужно было учить работать. И всякий знает, что в ту пору, как мне нужно было устраивать и здание Института, и его библиотеку, и все другие учреждения, эти профессора только писали у меня свои лекции, да каждый вечер читали на моей квартире и выслушивали мои замечания на то, что должны они были провозглашать с кафедры в аудиториях. На следующий год новая прибавка таких же юнцов-профессоров с удвоенной работой над ними... Чтобы облегчить дело молодежи, я сам, не будучи обязан, бесплатно читал целые курсы сначала по истории и географии, а за сим по монгольскому и маньчжурскому языкам, в частности же приходилось замещать и китайского преподавателя... Два последние года я читал сам целиком монгольские и маньчжурские лекции; с нынешнего же года я ввожу в чтение маньчжурские лекции Рудакова, а преподавание монгольского языка разделю с Цыбиковым, оставляя себе лишь полагать основу студенческих знаний» [Еланцева, 2019. С. 129].

На вопрос почему А. М. Позднеев поехал во Владивосток его письма дают конкретные ответы. В своем письме 1902 г. он Н. И. Гродекову признавал: «Я не искал этого места и принял его по предложению незабвенного для меня Николая Павловича Боголепова в сознании, что институт нужен России и что его необходимо устроить и сделать этого было некому» [Еланцева, 2019. С. 128]. Также Позднеев пишет 31 октября 1900 г. И. В. Помяловскому, что «я ехал сюда вновь работать и делать дело; в успехе его — все мое удовлетворение, — иначе и страдать незачем» [Еланцева, 2019. С. 125]. В этих двух письмах заявляется его цель поездки во Владивосток. Действительно в то время в России было мало специалистов-востоковедов, который смог бы управлять новым учебным заведением.

Четыре года пребывания А. М. Позднеева в должности директора (с 1 июля 1899 г. по 3 ноября 1903 г.) вместили в себя очень сложный этап становления Восточного института — от набора первых студентов и до их первого выпуска. Ему пришлось создавать учебное заведение, которое не имело ни сформированной материально-технической, ни научной базы. Заслуги директора не остались незамеченными. Так, 12 ноября 1902 г. вышел Указ императора Николая II о назначении директору Восточного института А. М. Позднееву «к получаемому им содержанию прибавки в размере 2000 руб. в год за участие в составлении проекта Восточного института, чтение лекций по двум кафедрам, организацию изданий «Известий Восточного института», увеличение библиотечного фонда вуза до 44 000 томов» [Трубич, 2017. С. 188].

Алексей Матвеевич действительно большое значение уделял созданию вузовской библиотеки. В структуре библиотеки находились русско-иностранный, китайский, маньчжурский, японский, корейский, монгольский, тибетский, картографический, периодических изданий и библиографический отделы. Монгольский и тибетский фонды основал сам директор глав-

ным образом «из религиозного (ламаиского) содержания в дешевых изданиях забайкальских бурят». А. М. Позднеев перед отъездом из Владивостока подарил библиотеке Восточного института личное собрание редких изданий Кореи и Тибета. Библиотеку Восточного института ценили как уникальное востоковедное хранилище высоко ценили за пределами Российской империи и постоянно поступали предложения по книгообмену из зарубежных стран [Шамина, 2021. С. 83].

За время своей работы в Восточном институте А. М. Позднеев еще создал Этнографический музей и в 1902 г. общее количество различных экспонатов музея достигало 3329 названий, 11 065 отдельных предметов коллекции [Трубич, 2017. С. 187].

Также много усилий директор потратил на создание типографии, где издавали журнал «Известия Восточного Института». «Редактором журнала с шестого тома до десятый включительно был Позднеев» [Шастина, 2003. С. 7]. Для институтских изданий заведены восточные шрифты, то есть в вузовской типографии печатались труды на китайском, монгольском, маньчжурском, японском, корейском, тибетском и калмыцком языках.

Профессорско-преподавательским составом были разработаны новые программы по всем дисциплинам, составлены и изданы десятки учебных пособий и хрестоматий.

Стоит отметить, что в целях экономии государственных средств и из-за сравнительно небольшого контингента учащихся в Восточном институте директор высшего учебного заведения одновременно управлял двумя учебными заведениями разного уровня: непосредственно вузом и Владивостокской мужской гимназией. На этом настоял министр финансов С. Ю. Витте. В составе Восточного института, кроме студентов, до 1913 г. проходили обучение офицеры-слушатели. Поскольку цели, задачи, содержание, формы и методы преподавания для разных категорий учащихся отличались, то учебный процесс выстраивался с учетом требований, особенностей контингента, придавая особую специфику управлению новым востоковедческим вузом. Таким образом, первому директору Восточного института А. М. Позднееву пришлось управлять сразу двумя учебными заведениями с разным уровнем подготовки. На эту тему имеется статья О. А. Трубич «А. М. Позднеев — директор восточного института и владивостокской мужской гимназии», где подробно описывается как его рациональные, обоснованные, эффективные решения помогли достичь поставленных целей.

За истекшие четыре года администрация Восточного института проделала огромную работу по созданию нормальных условий для учебного процесса. В письме от 9 октября 1902 г. А. М. Позднеев писал Н. И. Гродекову: «Теперь у меня четыре курса с 13-ю отделениями, аудитории снабжены всем необходимым, равно размещены по возможности и институтские учреждения, но смею сказать, что не только внешняя, а даже и внутренняя жизнь Института созданы мною...» [Еланцева, 2019. С. 129].

По его мнению, «студенты неукоснительно посещали занятия, исполняли письменные работы и представляли отчеты, не смели пропустить вечерних занятий, не смели пойти без формы или в полуформе; ...профессоры никогда не шли на занятия без подготовки». Далее А. М. Позднеев замечал: «Мы не знаем карточной игры и сходимся лишь для разговора за общим обеденным столом». Тем не менее, при строгости дисциплины в 1903 г. в институте проявились некоторые элементы студенческих беспорядков из-за того, что в столовой были поданы «неудовлетворительные языки». Поведение студентов очень расстроило и обидело А. М. Позднеева. С болью и отчаянием он сравнивал свою директорскую ношу с работой ректоров и директоров других учебных заведений: они «не имеют даже и понятия о той жизни, которую приходится вести здесь [во Владивостоке] и трудно представить, чего только не случалось мне здесь делать, с какими вопросами ко мне ни обращались. Ведь наши экономы приходят спрашивать, где положить спать прачку, как подыскать телегу для вывоза нечистот и пр. Это покажется смешно, но все это факты, и на все это нужно отвечать, ибо иначе все пойдет вверх дном» [Трубич, 2017. С. 119].

Интересно, что в его письмах прослеживается мысль, что он давно начал готовиться к освобождению от должности директора. В письме Н. И. Гродекову 1902 г. он пишет: «Я положил свои силы для пользы Правительства и родины и теперь прошу об одном: пощадите, не сокращайте мою жизнь! Я прошу освободить меня из любви к самому Институту, ибо здесь, по местным условиям, необходима самая напряженная деятельность бодрых, не знающих усталости, самоотверженных сил» [Еланцева, 2019. С. 128].

других источниках отмечают, А. М. Позднеев 1903 г. обратился в Министерство народного просвещения с просьбой освободить его от должности директора. Причин было несколько: смена Приамурского генерал-губернатора, конфликт со студентами и сотрудниками и семейные обстоятельства. О серьезном намерении Алексея Матвеевича покинуть Владивосток свидетельствует его письмо в Министерство народного просвещения с указанием трех кандидатур (Д. М. Позднеева, А. В. Рудакова, П. С. Попова), которые могли бы возглавить институт. Но уже через два месяца он меняет мнение и рекомендует на эту должность только одного человека — своего брата — Дмитрия Матвеевича Позднеева [Трубич, 2017. С. 119].

В декабре 1903 г. А. М. Позднеев получил новое назначение — стать членом Совета при Министерстве народного просвещения и покинул Восточный институт. Перед отъездом из Владивостока в Восточном институте состоялось торжественное чествование отъезжающего директора-устроителя. И даже на этом заседании, когда, казалось бы, должны были раздаваться только славословия, были сказаны слова, из которых можно понять, что Позднеев человек властный и не всегда терпимый к мнениям других, что он не был любим и уважаем товарищами. Даже в официальных протоколах, опубликованных в «Известиях Восточного института», звучат эти нотки. Так, профессор Спальвин, произносивший прощальную речь от имени Совета, отмечая несомненные заслуги Позднеева в деле организации и управления институтом, сказал так: «О вас говорили, что у 54

вас страшная нравственная сила, но, не вполне понимая ее, прибавляли: но эта нравственная сила отрицательного характера, она убивает личность других». Характерны также ответные слова Позднеева, который в конце своей речи сказал: «В последний раз и от всей души благодарю всех сочувствовавших и помогавших мне и да простит Господь тех, кто не хотел правильно понять меня» [Шастина, 2003. С. 9].

О личной жизни профессора Алексея Матвеевича во Владивостоке малоизвестно. Он жил рядом с институтом по адресу ул. Светланская, д. 73а. Этот двухэтажный дом снаружи напоминает замковую башню. В здании жили преподаватели Восточного института. На втором этаже здания в течение трёх лет жил первый директор Восточного института известный учёный-монголовед Алексей Матвеевич Позднеев.

В ходе написания работы нами обнаружен единственный фрагмент письма, где кратко описывается личная жизнь ученого. «... Что до жизни домашней и материальной, то она идет по-старому хорошо. Знакомые нашлись и здесь и также собираются ко мне раз в неделю, по воскресеньям. Жизнь (за исключением настоящего, военного времени) в общем не особенно

дорога. [Тем] не менее я проживаю решительно все, что получаю и в этом отношении разница от Петербурга только в том, что живешь спокойнее, обеспеченнее и не приходится думать о том, что пожалуй, не хватит до 20-го числа. Большего мне, впрочем, ничего и не нужно: оставлять некому, а в гроб не положишь. Жена? Но много ли ей одной нужно, во-первых, а во-вторых, я начинаю о ней уже заботиться, из чего вытекает моя усердная просьба к Вам...» [Еланцева, 2019. С.].

За его годы работы во Владивостоке (1899—1903) изданы хрестоматии по Монголии (1900) и Маньчжурии (1901) для учебной программы вуза. Также вышла в свет книга «Опыт собрания образцов маньчжурской литературы» (1903). Последующие 10 лет он относительно мало написал научных работ, в основном он был занят административными делами.

Его вклад в создании Восточного института, развитии практического востоковедения в России бесценен. Его годы жизни во Владивостоке были яркими, насыщенными и плодотворными. Изучение его жизни и деятельности во Владивостоке даст возможность объективно увидеть и оценить его заслуги в развитии российского востоковедения.

Использованная литература

Войтов, Тихменева-Позднеева, 2001: *Вой- тов В. Е., Тихменева-Позднеева Н. А.* Алексей Матеевич Позднеев и его восточная коллекция. Государственный музей Востока. Самара: Агни, 2001.

Voitov V. E., Tikhmeneva-Pozdneeva N. A. Aleksei Mateevich Pozdneev i ego vostochnaia kollektsiia. Gosudarstvennyi muzei Vostoka [Pozdneev and his oriental collection. State Museum of Oriental Art]. Samara: Agni, 2001.

Еланцева, 2019: *Еланцева О. П.* «...Я ехал сюда вновь работать и делать дело»: из эпистолярного наследия первого директора Восточного института А. М. Позднеева // Известия Восточного института. 2019. № 3. С. 123–132.

Elantseva O. P. «...Ia ekhal siuda vnov' rabotat' i delat' delo»: iz epistoliarnogo naslediia pervogo direktora Vostochnogo instituta A. M. Pozdneeva ["...I came here again to work and do business": from the epistolary legacy of the first director of the Oriental Institute A. M. Pozdneev] // Izvestiia Vostochnogo instituta. 2019. No. 3. P. 123–132.

Еланцева, 2012: *Еланцева О. П.* Совершенно новое учреждение и неизведанное дело: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2012. № 2(30). С. 132–142.

Elantseva O. P. Sovershenno novoe uchrezhdenie i neizvedannoe delo: k istorii stanovleniia Vostochnogo instituta vo Vladivostoke [A completely new institution and an unknown matter: on the history of the formation of the Institute of Oriental Studies in Vladivostok] // Gumanitarnyi vektor. 2012. No. 2(30). P. 132–142.

Ермакова, Куцый, Георгиевская, 1997: *Ермакова Э. В., Куцый Г. С., Георгиевская Е. А.* Дальневосточный государственный университет: История и современность. Владивосток: ДВГУ, 1997.

Ermakova E. V., Kutsyi G. S., Georgievskaia E. A. Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet: Istoriia i sovremennost' [Far Eastern State University: History and modernity]. Vladivostok: DVGU, 1997.

Известия Восточного института. Т. 1. Вып. 1. Владивосток, 1900.

Izvestiia Vostochnogo instituta [News of the Oriental Institute]. Vol. 1. Vladivostok, 1900.

Мизь, 2022: *Мизь Н. Г.* Становление Восточного института во Владивостоке: краеведческие очерки. Владивосток: ОИАК, 2022.

Miz' N. G. Stanovlenie Vostochnogo instituta vo Vladivostoke: kraevedcheskie ocherki. [The formation of the Oriental Institute in Vladivostok: local history essays]. Vladivostok: OIAK, 2022.

Серов, 1994: *Серов В. М.* Восточный институт: история и современность // Известие восточного института. Владивосток, 1994. С. 14–36.

Serov V. M. Vostochnyi institut: istoriia i sovremennost' // Izvestie vostochnogo instituta. Vladivostok, 1994. P. 14–36.

Трубич, 2017: *Трубич О. А.* Государственная политика в области востоковедческого образования на Дальнем Востоке (конец XIX — начало XX в.): дис. на соиск. учен. степ. к. и. н. / ДВФУ. Владивосток, 2017.

Trubich O. A. Gosudarstvennaia politika v oblasti vostokovedcheskogo obrazovaniia na Dal'nem Vostoke (konets XIX — nachalo XX v.) [State policy in the field of Oriental studies education in the Far East (end 19th — early 20th centuries)]: Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / FEFU. Vladivostok, 2017.

Трубич, 2021: *Трубич О. А.* А. М. Позднеев — Директор Восточного института и Владивостокской мужской гимназии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 2. С. 185–189.

Trubich O. A. A. M. Pozdneev — Direktor Vostochnogo instituta i Vladivostokskoi muzhskoi gimnazii [Director of the Oriental Institute and Vladivostok Men's Gymnasium] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 185–189.

Хохлов, 1994: *Хохлов А. Н.* А. М. Позднеев — Основатель Восточного института во Владивостоке // Известие восточного института. Владивосток, 1994. С. 37–47.

Khokhlov A. N. A. M. Pozdneev — Osnovateľ Vostochnogo instituta vo Vladivostoke [A. M. Pozdneev — Founder of the Oriental Institute in Vladivostok] // Izvestie vostochnogo instituta. Vladivostok, 1994. P. 37–47.

Шамина, Баубекова, Сырцева, 2021: *Шамина Н. В., Баубекова С. А., Сырцева Т. И.* Рождение вселенной знаний (1899–1939 гг.): к 120-летию Научной библиотеки ДВФУ. Владивосток, 2021.

Shamina N. V., Baubekova S. A., Syrtseva T. I. Rozhdenie vselennoi znanii (1899–1939): k 120-letiiu Nauchnoi biblioteki DVFU [The birth of the universe of knowledge (1899–1939): to the 120th anniversary of the FEFU Scientific Library]. Vladivostok, 2021.

Шастина, 2003: *Н. П. Шастина*. А. М. Позднеев (подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина) // Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. С. 8–19.

Shastina, 2003: N. P. Shastina. A. M. Pozdneev (podgotovka k pechati, primechaniia A. G. Sazykina) [A. M. Pozdneev (preparation for publication, notes by A. G. Sazykin)] // Mongolica-VI: Spb. — St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. P. 8–19.

YEARS OF LIFE OF A. M. POZDNEEV IN VLADIVOSTOK (1899–1903)

Agvaantseren Mandirmaa Far Eastern Federal University

Alexey Matveevich Pozdneev is an outstanding Russian orientalist, a prominent representative of the St. Petersburg school of Mongolian studies, the first director of the Oriental Institute (1899–1903) in Vladivostok, politician, Privy Councilor (1905). A. M. Pozdneev made a huge contribution to the formation of the Eastern Institute, where future diplomats, military officers, financiers and religious leaders who spoke Eastern languages were trained. However, the reason and purpose of the trip of the brilliant scientist, professor of St. Petersburg University A. M. Pozdneev to the Far East is still not so well known to a wide range of researchers. The article reveals the purpose and result of his trip in 1899–1903 to Vladivostok and studied a number of materials on this topic.

Key words: Oriental Institute, first director, Pozdneev, Vladivostok, practical Oriental studies, Mongolian studies, Sinology, Manchu studies, Far East.

56

About the author: **Agvaantseren Mandirmaa**, Master's student. The Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation) (agvaantceren.ma@dvfu.ru).

Acknowledgements: The author expresses gratitude to his scientific supervisor Natalia Nikolaevna Kuzmenko (kuzmenko.nn@dvfu.ru), Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Japanese Studies at the Oriental Institute – School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University for valuable advice and significant comments when planning research and recommendations for the design of this article.

Ю. В. Болтач Институт восточных рукописей РАН

УПОМИНАНИЯ ТИБЕТА (ТХОБОН) И ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВЫХ ПРЯМЫХ ТИБЕТСКО-КОРЕЙСКИХ КОНТАКТОВ В РАЗДЕЛЕ «НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ДОМА» «ИСТОРИИ КОРЁ» (КОРЁ СА)

В XIII в. государство Корё (918–1392) стало вассалом монгольской империи Юань, что обусловило возможность прямых контактов между корейцами и представителями других народов, находившихся под властью монголов — в том числе тибетцами. Сведения об этих контактах содержатся, в частности, в фундаментальном источнике по истории Кореи этого периода — официальной хронике «История Корё» (Корё са 高麗史), составленной в XV в. В статье представлены комментированные русские переводы отрывков из раздела «Наследственные дома» «Истории Корё», в которых отражается представление корейцев о тибетцах до первых непосредственных контактов между ними, повествуется о приезде тибетских лам в Корею в 1271 г., а также о ссылке корёского государя Чхунсон-вана (1275–1325) в Тибет.

Ключевые слова: первые корейско-тибетские контакты, Корё, империя Юань, Тибет, «История Корё» (Корё са).

Об авторе: Болтач Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (julia.boltach@gmail.com). ORCID 0000-0001-9325-7101.

© ИВР РАН, 2024 © Болтач Ю. В., 2024

«История Корё» (Корё са 高麗史) является основополагающим источником по истории Кореи X-XIV вв. Этот памятник представляет собой официальную династийную историю (чонса 正史) государства Корё (918-1392), которая, в соответствии с дальневосточной историографической традицией, была составлена учёными пришедшего ему на смену государства Чосон 朝鮮 (1392–1910). В этом произведении излагаются основные исторические события периода Корё, а также приводятся подробные справки по разным аспектам общественного устройства страны в ту эпоху. Этот текст написан на литературном китайском языке (ханмун 漢文), который тогда являлся официальным письменным языком Кореи, и насчитывает 137 $\kappa вонов^1$ и 6 тематических разделов:

- 1. «Введение» (Co 字) ремарки составителей:
- 2. «Наследственные дома» (Сега 世家) изложение основных событий истории Корё в хронологическом порядке (квоны 1–46);
- 3. «Трактаты» (4u 志) всестороннее описание различных аспектов жизни корейского общества в эпоху Корё (κ воны 47–85);
- 4. «Хронологические таблицы» (Ёнпхё 年表) сводные таблицы по истории Китая и Корё (квоны 86–87);
- 5. «Упорядоченные жизнеописания» (Ёльчон 列傳) биографии родственников государей, образцовых чиновников и прочих положительных персонажей, а также фаворитов, мятежников, узурпаторов и прочих отрицательных персонажей (квоны 88–137).

Хотя этот памятник содержит очень большой объём данных по истории Корё, отбор и трактовка материала в нём не всегда объективны. Дело в том, что одной из важнейших задач

 $^{^1}$ *Квон* 卷 (буквально 'свиток') — принятая в дальневосточной традиции условная единица измерения объёма текстов, не имеющая фиксированного значения.

58 История

создателей этого произведения была легитимация государственного переворота 1392 г., результатом которого было уничтожение Корё и создание государства Чосон, сопровождавшееся, в частности, кардинальной сменой идеологической ситуации в стране: если в эпоху Корё государство покровительствовало всем распространённым в ту эпоху в Корее учениям — и буддизму, и конфуцианству, и другим верованиям, то в эпоху Чосон в стране была установлена жёсткая идеологическая монополия неоконфуцианства, ставшего единственной официальной идеологической опорой государства. Кроме того, неоконфуцианские чиновники, составлявшие «Историю Корё», были ограничены требованиями жанра, ибо официальные династийные истории писались в соответствии с совершенно определёнными формальными требованиями, относившимися как к структурированию текста, так и к принципам отбора материала, который должен был служить, прежде всего, наглядной иллюстрацией к конфуцианской философии истории. Неудивительно, что в «Истории Корё», например, практически отсутствуют сведения о деятельности корейской буддийской общины (занимавшей видное место в жизни Кореи этого периода), а некитайцы-иноземцы представлены как «варвары».

Переходя к теме нашего небольшого исследования, отметим, что общее число упоминаний Тибета (Тхобон 吐蕃) в «Истории Корё» сравнительно невелико — сквозная автоматическая проверка электронной версии текста² по этому ключевому слову дала всего 26 совпадений. Более того, определяя источниковую базу нашего исследования, мы сочли за благо ограничиться рассмотрением раздела «Наследственные дома», содержащего сжатое изложение исторических событий по годам царствования государей, где имеется 10 упоминаний Тибета и тибетцев. Три из них мы оставляем за рамками нашего исследования, поскольку они не несут никакой информации, кроме указания на время совершения определённых событий в Корее, не имевших прямого отношения к Тибету³, и, таким образом, для рассмотрения в нашей статье остаются всего семь упоминаний.

Этот раздел был избран нами по той причине, что его стиль изложения предельно лаконичен и поэтому оставляет мало места для идеологически мотивированных смысловых искажений, которые вполне возможны, например, в «Упорядоченных жизнеописаниях»⁴.

Обращаясь к рассмотрению интересующих нас отрывков раздела «Наследственные дома», прежде всего, отметим, что заочное знакомство корейцев с тибетцами состоялось задолго до эпохи Корё, подтверждением чего служит упоминание Тибета в записи под 10 годом правления государя Йечжона 睿宗 (1115):

仍遣進士金端、甄惟底、趙奭、康就正、權適等五人赴大學。表曰。化民成俗。由乎大學之風。用夏變夷。籍彼先王之教。故呼韓遣子於漢室。吐蕃請書於唐家。事雖不同。義則無異

Тогда отправили [в Китай] пять человек, [в] числе [которых были] чинса⁵ Ким Тан, Чин Ючжо, Чо Сок, Кан Чхвичжон [и] Квон Чок, [для] поступления [в] Великое училище⁶.

² Нами был использован текст, размещённый в открытом доступе на сайте Wikisource [Корё са, 2023].

³ Имеются в виду упоминания о ссылке государя Чхунсон-вана 忠宣王 (1275–1325) в Тибет, выступающие в роли хронологических привязок: «История Корё» (Корё са 高麗史), XXXV, 忠肅王二, 十一年, 三月; 十二年, 十月; 十五年, 七月.

⁴ Ср. выполненное в весьма негативных тонах описание визита некоего ламы-тантрика в столицу Корё, помещённое в этом разделе — см. «История Корё» (Корё са 高麗史), LXXXIX, 后妃二, 忠烈王, 齊國大長公主 (английский перевод и анализ этого отрывка см. [Sørensen, 1993. C. 73–75]).

⁵ Чинса 進士 (кит. цзиньши, букв. 'ставший учёным') — общегуманитарная учёная степень в традиционном Китае и Корее, которая присваивалась по итогам государственных экзаменов и давала право на занятие официальной должности [Рыбаков, 2009. С. 115]. В государстве Корё первые экзамены на эту степень были проведены в 958 г., и от кандидатов требовалось продемонстрировать искусство сложения китаеязычных стихов в разных жанрах [Ли Хончжик, 2001. С. 1312].

⁶ «Великое училище» (кит. Дасюэ 大學) — очевидно, Величественное училище (кит. Тайсюэ 太學), которое представляло собой государственный университет, готовивший кадры высшего чиновничества. Образовательная программа этого учебного заведения была построена вокруг углублённого изучения конфуцианской классики. В указанный период число его студентов достигало 3800 человек [Волков, 1999. С. 105–107].

[Представленный по этому случаю китайскому императору] доклад гласил: «Преобразование [нравов] народа [и] совершенствование [его] обычаев проистекает из влияния Великого училища 7 , [а] привлечение [достижений] китайской [культуры для] просвещения восточных варваров- u^8 соответствует [духу] наставлений государей далёкого прошлого. Поэтому Хухань 9 послал сына в державу Хань [206 до н. э. — 220], [а жители] Тибета просили книги в государстве Тан [618–906]. Хотя [эти] события не тождественны, [их] смысл полностью одинаков... 10

Отметим, что тибетцы здесь представлены в сугубо позитивном ключе:

1. Из всех качеств жителей Тибета выделяется их стремление к просвещению, то есть к восприятию китайской культуры (с точки зрения представителей дальневосточной культурной общности — наивысшая похвала, которой могут удостоиться «варвары»). Заметим, что упомянутая просьба о присылке книг¹¹ в действительности отнюдь не была событием, определяющим характер отношений между Тибетом и империей Тан в ту эпоху. Этот период вошёл в историю совсем иначе — как время многочисленных тибетско-китайских войн,

настолько масштабных, что их эхо ощущалось даже в Корее 12 .

2. Поступок тибетцев упоминается в качестве достойного исторического прецедента, обосновывающего направление группы учащихся-корейцев в Китай, то есть между тибетцами и корейцами проводится определённая параллель.

Эта запись, как уже упоминалось, относится к 1115 г., то есть ко времени, когда китайская империя Сун 宋 (960-1279) находилась в зените своего могущества — но именно в этом году произошло событие, предвещавшее ей скорое несчастье. В 1115 г. близ северных границ Китая было основано чжурчжэньское государство Цзинь 🛳 (1115–1234), правители которого спустя всего одиннадцать лет (1126) захватили северную часть Китая, в результате чего сунский двор был вынужден бежать на юг страны. В 1234 г. империя Цзинь была, в свою очередь, уничтожена монголами, которые затем начали военную кампанию против Южной Сун, завершившуюся уничтожением этого государства в 1279 г. Несколько раньше, после двух вторжений 1240 и 1244 г., монголам подчинился и Тибет, который, однако, в значительной степени сохранил внутреннюю автономию, и, более того, уроженцы Тибета приобрели значительное влияние при монгольском дворе — в частности, тибетский иерарх Пагба-лама (1235-1280) обратил в буддизм хана Хубилая (1215–1294), будущего основателя империи Юань — (1264–1367), и в 1258 г. стал его духовным наставником.

Что касается государства Корё, то оно в начале XIII в. также оказалось в сфере монгольских интересов. Внутренняя ситуация в стране

 $^{^{7}}$ См. предыдущее примечание.

 $^{^8}$ H \equiv — китайское название «варварских» народов, обитавших к востоку от Китая (включая корейцев).

⁹ Хухань 呼韓 — Хуханьсе 呼韓邪, предводитель сюнну 匈奴, который отправил своего сына служить при дворе ханьского императора Сюань-ди 宣帝 (91–48 до н. э., правил с 74 г. до н. э.) [Корё са, 1963, т. 2. С. 131]. Упоминание об этом событии имеется в «Истории Хань» (Хань шу 漢書, 宣帝紀, 113).

^{10 «}История Корё» (Корё са 高麗史), XIV, 睿宗三, 十年. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию [Корё са, 1990. С. 27862, стк. 7–279а1, стк. 2]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык [Корё са, 1963, т. 2. С. 131].

¹¹ К сожалению, мы не смогли найти упоминаний об этом эпизоде ни в одной из двух официальных историй империи Тан — ни в «Старой книге Тан» (*Цзю Тан шу* 舊唐書), ни в «Новой книге Тан» (*Синь Тан шу* 新唐書).

 $^{^{12}}$ Благодаря тому, что в 70-х гг. VII в. китайские войска были срочно оттянуты с Корейского полуострова на западную границу Тан для войны с Тибетом, правители корейского государства Силла 新羅 (57 до н. э. – 935) смогли присоединить к своим владениям оккупированные китайцами земли бывших государств Когурё 高句麗 (37 до н. э. – 668) и Пэкче 百濟 (18 до н. э. – 660).

60 История

в это время была напряжённой — в результате смуты 1170 г. реальная власть перешла в руки военных чиновников, лидерство среди которых с 1196 г. захватили представители рода Чхве 崔, фактически правившие страной более полувека при формальном сохранении на престоле царствующей династии (государей из рода Ван 王). Именно на это время пришлись многочисленные вторжения монголов в Корё (1231-1232, 1232, 1235-1239, 1247-1248, 1253-1259 гг.), полностью разорившие страну и в конце концов спровоцировавшие государственный переворот 1258 г., в результате которого диктатура антимонгольски настроенного клана Чхве была свергнута, и Корё начало мирные переговоры с монголами, также заинтересованными в прекращении военных действий.

В 1259 г. был заключён мир, по условиям которого Корё признало себя вассалом Монгольской империи, но на почётных условиях — страна сохранила право на внутреннее самоуправление, её правители, начиная с государя Чхуннёль-вана 忠烈王 (1236–1308) женились на монгольских принцессах (то есть за ними был закреплён статус родственников царствующего дома Юань), а наследники корейского престола направлялись на воспитание к императорскому двору в Пекин.

Именно к этой эпохе и относится первое сообщение «Истории Корё» о посещении тибетцами Кореи, датированное восьмым месяцем 12 года правления государя Вончжона 元宗 (1271 г.):

丁巳。蒙古吐蕃僧四人來。王出迎于宣義門 外

[В день] огня-змеи [1 октября]¹⁴ [присланные] монголами тибетские монахи¹⁵ — четыре человека — прибыли [в столицу], [и] государь вышел встретить [их] за ворота Сони- myh^{16} .

К этому тексту можно сделать несколько комментариев:

- 1. Прибывшие в корёскую столицу иноземные священнослужители, несмотря на их необычный с корейской точки зрения внешний вид¹⁷, были сразу и безоговорочно признаны членами буддийской монашеской сангхи-сын (ш).
- 2. Визит этих монахов, вероятнее всего, носил официальный характер, судя по реакции государя на появление этих людей (выйдя встречать их за ворота, правитель Корё тем самым выразил им глубочайшее уважение).

Если первое зафиксированное в «Истории Кореи» посещение тибетцами Кореи было вполне добровольным, то первое упомянутое в этом памятнике посещение корейцами Тибета было, напротив, сугубо недобровольным — речь идёт о ссылке бывшего правителя Корё государя Чхунсон-вана 忠宣王 (1275–1325) в местность Сакья.

¹³ С экономической точки зрения, однако, условия мира с монголами были невыгодны для Корё: хотя разорительные монгольские вторжения наконец прекратились, на страну была наложена весьма обременительная дань, и, кроме того, власти Корё обязались содействовать монголам в их военных предприятиях, включая два неудачных нападения на Японию 1274 и 1281 г., осуществлявшиеся с территории Кореи.

¹⁴ Здесь и далее перевод корейских дат (месяцев и дней) в европейскую систему выполнен по китайским хронологическим таблицам [Дун Цзобинь, 1960].

¹⁵ В оригинале монго тобон сын 蒙古吐蕃僧, что с грамматической точки зрения можно понять двояко: '[присланные] монголами тибетские монахи' и 'монгольские [и] тибетские монахи'. Второй вариант, однако, менее соответствует историческому контексту — едва ли в эту эпоху (спустя всего 13 лет после обращения в буддизм хана Хубилая) среди монголов уже были высокоучёные буддийские наставники, которых можно было бы отправить с миссией в другое государство.

^{16 «}История Корё» (Корё са 高麗史), XXVII, 元宗三, 十二年. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию: [Корё са, 1990. С. 54862, стк. 5–6]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык: [Корё са, 1963, т. 3. С. 109].

¹⁷ Как известно, тибетские священнослужители носят тёмно-красные одеяния, близкие по покрою к облачениям древнеиндийских монахов, в то время как корейские монахи обычно одеваются в штаны, куртку и халат серого цвета, и только по торжественным случаям дополняют свой костюм набрасываемым на левое плечо красным или жёлтым лоскутным плащом.

Биография этого государя весьма примечательна. Он был старшим сыном государя Чхуннёль-вана и его жены, монгольской принцессы Хутлугкэлмиш 忽都魯揭里迷失 и по запретному¹⁸ корейскому имени звался Ван Вон 王謜, а по монгольскому имени — Иджирбуха 益知禮 普花. В 1277 г. он был официально возведён в ранг наследника престола и на следующий год отправлен к юаньскому двору, где получил образование и в 1296 г. женился на монгольской принцессе Будашир 寶塔實憐. В 1297 г. внезапно умерла жена Чхуннёль-вана, который после этого принял решение отречься от престола в пользу наследника (1298). Взойдя на престол, государь Чхунсон-ван начал политику реформ, но не смог справиться с придворными интригами и через семь месяцев, возвратив власть отцу, отправился обратно в Юань. После смерти Чхуннёль-вана в 1308 г. Чхунсон-ван вновь занял трон, но большую часть своего времени проводил не в Корее, а при юаньском дворе. В 1313 г. он уступил власть своему сыну, государю Чхунсук-вану 忠肅王 (1294-1339), матерью которого была наложница-монголка Есуджин 也速眞. После смерти юаньского императора Жэньцзуна 仁宗 и восшествия на трон императора Инцзуна 英宗 (1320) Чхунсон-ван впал в немилость и был сослан в южный Тибет, но после воцарения императора Тайдин-ди 泰定 帝 (1323) получил помилование и вернулся в Пекин, где и умер через два года [Ли Хончжик, 2001. C. 1383-1384].

Ссылка государя Чхунсон-вана в Тибет неоднократно упоминается в «Истории Корё». Прежде всего, это запись из хроники этого государя, относящаяся ко времени после его повторного отречения от престола и датированная соответственно по годам правления его преемника государя Чхунсук-вана:

七年四月復請於帝。降香江南。盖知時事 將變。冀以避患也。六月王行至金山寺。帝遣 使急召。令騎士擁逼以行。侍從臣僚。皆奔 竄。九月王還至大都。帝命中書省。護送本國 安置。王遲留顧望。不卽發。十月帝下王于刑 部。旣而祝髮。置之石佛寺。十二月戊申。帝 流王于吐蕃撒思吉之地。十年八月泰定皇帝即 位。大赦天下。召還

[В] седьмом году [правления государя Чхунсук-вана], [в] четвёртом месяце [май-июнь 1320], [государь Чхунсон-ван] снова [обратился с] просьбой к императору [Инцзуну]¹⁹ [дозволить ему совершить] моление [о] дожде [в] Цзяннани²⁰. Зная, [что] общее положение дел [в стране] вот-вот переменится, [он] надеялся так избежать беды.

[В] шестом месяце [июль-август] государь [Чхунсон-ван] отправился в монастырь Цзиньшань-сы. Император отправил посланца [со] срочным приказом, повелев конным воинам окружить [и] задержать [государя] в пути. Все состоявшие [в] свите [государя] слуги [и] чиновники разбежались кто куда.

[В] девятом месяце [октябрь-ноябрь] государь вернулся в Даду²¹. Император повелел [служащим] надзора Срединных документов²² препроводить [государя] на жительство [в] родную страну. Государь [же] мешкал [и] медлил, выжидал [и] колебался [и] не спешил [с] отъездом.

[В] десятом месяце [ноябрь-декабрь] император передал государя в Судебный отдел²³, [и государь] тотчас же принял постриг. Его поселили [в] монастыре Шифо-*сы*.

[В] день земли-обезьяны двенадцатого месяца [28 декабря] император сослал государя в Тибет, [в] местность Сакья²⁴.

¹⁸ Согласно дальневосточному обычаю, личные имена правителей табуируются.

¹⁹ Предшественник Инцзуна 英宗 император Жэньцзун 仁宗 скончался незадолго до этого, в день металла-коровы первого месяца (1 марта) этого года — см. «История Юань» (Юань ши 元史), XXVII, 英宗一.

 $^{^{20}}$ Цзяннань 江南 ('[K] югу [от] реки') — историческая область в Китае к югу от реки Янцзы.

 $^{^{21}}$ Даду 大都 ('Великая столица') — название Пекина в эпоху Юань.

²² Надзор Срединных документов (*Чжуншушэн* 中書 省) — центральное правительственное учреждение, отвечавшее за подготовку императорских указов [Рыбаков, 2009. С. 249–257].

²³ Судебный отдел (Синбу 刑部) — правительственное учреждение, ведавшее работой с текстами законов и служебных инструкций, а также проверкой приговоров [Рыбаков, 2009. С. 230].

²⁴ Сакья 撒思吉 (ныне уезд Сакья 薩迦縣 городского округа Шигацзе 日喀則) — исторический центр одноимённой школы тибетского буддизма. Представители этой школы были императорскими наставниками в эпоху Юань.

62 История

[В] десятом году [правления государя Чхунсук-вана], [в] восьмом месяце [сентябрь-октябрь 1323], августейший император Тайдин-хуанди 25 взошёл [на] престол. [Он объявил] великую амнистию [по] всей земле [и] призвал [государя] обратно 26 .

Это повествование предельно лаконично и не содержит ни прямого указания на то, за что бывший государь подвергся опале, ни объяснения, почему он был сослан именно в эту местность, ни данных о его пребывании в Тибете (сразу после записи об его отъезде следует сообщение о его возвращении).

Некоторые подробности интересующих нас событий, а именно — описание обстоятельств вынужденного отъезда Чхунсон-вана в Тибет, можно найти в другой записи «Истории Корё»:

十二月戊申。帝以學佛經爲名。流上王于吐 蕃撒思結之地。去京師萬五千里。隨從宰相崔 誠之等。皆逃匿不見。唯直寶文閣朴仁幹、前 大護軍張元祉等。從至流所

[В] двенадцатом месяце [седьмого года правления государя Чхунсук-вана], [в день] земли-обезьяны [28 декабря 1320], император [Инцзун] под предлогом изучения буддийских сутр сослал бывшего государя [Чхунсон-вана] в Тибет, [в] местность Сакья. [Расстояние до этого места] от столичного города [равнялось] пятнадцати тысячам ли²⁷. Состоявшие [в] свите [государя] чэсан²⁸ Чхве Сончжи [и] другие все разбежались, скрылись [и] не показывались, [и] только служащий [при] павильоне Помун-

гак 29 Пак Инган, отставной $mэхогун^{30}$ Чан Вончжи [и] другие последовали [за ним] в место ссылки 31 .

Причины ссылки Чхунсон-вана в Тибет, однако, не упоминаются и здесь. В рассуждении составителей «Истории Корё» по поводу этой ситуации она комментируется так:

忠宣爲世子。入侍元朝。與姚燧、趙孟頫諸 公遊。閒或與聞朝政。其議論有足觀者。及其 卽位。避上國之制。改易官名。謹侯度也。正 田賦。立塩法。知所本也。第以人君之位。庶 民所仰。萬機所萃。不可一日而曠也。王旣受 命復位。謟事婦寺。淹留燕京。至于五年。國 人困苦供饋。從臣久勞思歸。至謀相陷。元亦 厭之。再詔歸國。無以爲辭。乃遜位于子燾。 又以姪暠爲世子。父子兄弟卒搆猜嫌。其禍至 于數世而未弭。貽謀之不臧如此。吐蕃之竄非 不幸也

[Когда государь] Чхунсон был наследником, [он] прибыл [для] службы [ко] двору Юань. [Он разделял] досуг со многими благородными [людьми], [в числе которых были] Яо Суй³² [и] Чжао Мэнфу³³, [и], [если он] по временам участвовал [в] слушании государственных дел, [среди] его мнений [и] суждений были достойные внимания. Когда [же] он взошёл [на] престол, [то он], избегая [воспроизведения] системы [должностей] Высокого государства³⁴, исправил [и] поменял [в своём владении] названия чинов [на подобающие служащим удельного владения], [то есть] соблюдал пра-

 $^{^{25}}$ Тайдин 泰定 — девиз правления юаньского императора Цзиньцзуна 晉宗 (1293–1328, правил с 1323).

²⁶ «История Корё» (*Корё са* 高麗史), XXXIV, 忠宣王二, 五年. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию [Корё са, 1990. С. 693а2, стк. 4 – 61, стк. 2]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык [Корё са, 1963, т. 3. С. 438].

²⁷ Пятнадцать тысяч ли в эпоху Юань равнялись 8294,4 км (одно ли в указанный период составляло 552,96 м [Акадзука, Абэ, 1980. С. 1248]). Расстояние по прямой от Пекина до Сакья составляет примерно 2860 км.

²⁸ Чэсан 宰相 ('правительствующий сподвижник') — звание, которое носили высшие служащие основных государственных учреждений, выступавшие в роли советников правителя [Рыбаков, 2009. С. 198–202; Ли Хончжик, 2001. С. 1159].

²⁹ Помунгак 實文閣 ('Павильон драгоценной словесности') — название государственной библиотеки в эпоху Корё [Ли Хончжик, 2001. С. 521–522].

³⁰ *Тэхогун* 大護軍 ('великий покровитель армии') — название второй по значимости военной должности в эпоху Корё, соответствующей сопровождающему третьему рангу [Ли Хончжик, 2001. С. 355].

³¹ «История Корё» (*Корё са* 高麗史), XXXV, 忠肅王二, 七年. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию [Корё са, 1990. С. 706а2, стк. 6 –61, стк. 1]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык [Корё са, 1963, т. 3. С. 468].

 $^{^{32}}$ Яо Суй 姚燧 (1239–1314) — китайский литератор эпохи Юань.

³³ Чжао Мэнфу 趙孟頫 (1254–1322) — знаменитый китайский учёный, каллиграф и художник эпохи Юань.

 $^{^{34}}$ Высокое государство 上國 — образное наименование Китая.

вила [поведения] вассала; [он] упорядочил налоги [на] поля [и] установил законы [о добыче] соли³⁵, [то есть проявил] понимание того, что [составляет] основу [благополучия страны]. Но престол властителя людей, [на] который [почтительно] взирает простой народ [и вокруг] которого сосредоточены бесчисленные дела, не должен [оставаться] пустым даже [на] один день, [а] государь, уже приняв повеление вернуться [на] престол, [из-за] любви [к] ухаживанию [за] придворными женщинами надолго задержался [в] Яньцзине³⁶ [и оставался там] в течение пяти лет [1208-1213]. Люди [нашей] страны [с] великими трудностями обеспечивали [его] содержание, [а] члены [его] свиты, долгое [время] страдая [на чужбине], мечтали [о] возвращении [на родину], [и дошло] до [того], [что они стали] строить взаимные козни. [Император] Юань тоже [был] недоволен этим [и] дважды приказывал [государю] вернуться [в родную] страну. [Тому] было нечем отговориться, поэтому [он] передал престол [своему] сыну [по имени] То, а племянника [по имени] Хо сделал наследником. [Между] отцами [и] сыновьями, старшими [и] младшими братьями [в] результате вспыхнула ревность [и] злоба, [и] этот раздор, не утихая, длился в течение нескольких поколений. Недобрые [последствия] установленного [им] порядка были таковы, [что его] высылка [в] Тибет не [кажется незаслуженным] несчастьем³⁷.

Признавая положительные, с точки зрения ортодоксальных неоконфуцианцев-китаецентристов эпохи Чосон, элементы политики этого государя (его почтение к Китаю и заботу о благосостоянии народа), авторы «Истории Корё» вместе с тем подчёркивают, что Чхунсон-ван, унаследовав престол, пренебрегал делами родной страны ради столичных увеселений, а так-

же внёс раздор в отношения между членами правящего дома Корё, и поэтому, с моральной точки зрения, вполне заслужил свою ссылку. Отметим, однако, что это только морализаторское суждение, а не перечисление реальных причин, побудивших юаньского императора отправить Чхунсон-вана в Тибет. Намёки авторов «Истории Корё» на то, что гнев императора против корейского государя был вызван нежеланием последнего возвращаться на родину и принимать бразды правления, едва ли имеют под собой основу, поскольку к тому времени Чхунсон-ван уже семь лет как не был действующим правителем Корё, не говоря уже о том, что, если император хотел, чтобы Чхунсон-ван наконец занялся корейскими делами, то совершенно непонятно, зачем надо было отправлять его для этого в Тибет. Кроме того, характеристика Чхунсон-вана как нерадивого правителя, безразличного к судьбам родной страны и к отношениям внутри правящего дома, в значительной степени опровергается содержанием его писем из Тибета, где он выражает глубокую озабоченность именно этими вопросами:

秋七月上王至西蕃獨知里。寄書崔有渰、權 溥、許有全、趙簡等云。予以命數之奇。罹兹 憂患。孑爾一身。跋涉萬五千里。向于吐蕃。 辱我杜稷多矣。寢不安枕。食不知味。想諸國 老。亦勞心焦思。穼增惶愧。國王年少無知。 向之憚我群小輩。必幸我如此。肆其奸巧。焉 知不閒我父子乎。幸諸國老同心協力。敷奏于 帝。俾予速還。於是有全與閔漬等如元。請王 還國。爲瀋王之黨所沮。竟不能達而還

Осенью [восьмого года правления государя Чхунсук-вана], [в] седьмом месяце [июль-август 1321], бывший государь [Чхунсон-ван] прибыл [в] западнотибетское селение Токчи³⁸ [и] отправил письмо Чхве Юому, Квон Пу, Хо Ючжону, Чо Кану [и] другим. [В письме] говорилось: «Я, следуя воле судьбы, страдаю

 $^{^{35}}$ Казённая монополия на соль и железо занимала важное место в экономической политике дальневосточных стран. Подробный анализ этого вопроса см. [Хуань Куань, 2001]. 36 Яньцзин 燕京 — название Пекина до эпохи Юань.

³⁷ «История Корё» (*Корё са* 高麗史), XXXIV, 忠宣王二, 史臣評價. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию [Корё са, 1990. С. 69362, стк. 3 –694а1, стк. 4]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык [Корё са, 1963, т. 3. С. 439–440].

³⁸ Топоним «Токчи» 獨知 идентификации не поддаётся. Мы условно транскрибируем его по традиционному кореизированному произношению, потому что оно изза своей архаичности должно звучать ближе к звучанию этого слова в юаньские времена (и, соответственно, к исходному тибетскому варианту), чем современное пекинское произношение (Дучжи).

64 История

[от] подобных тяжких невзгод. Сиротливый [и] бесприютный, совершенно одинокий, [я] пятнадцать тысяч ли шёл [по равнинам и] переправлялся [через реки], направляясь в Тибет. Сколь великий позор [моя ссылка навлекла на] наши алтари земли и злаков³⁹! Лёжа [в постели], [я] не [ведаю] спокойного сна; вкушая [трапезу], [я] не чувствую вкуса [пищи]. Думая, [что вы] все, сановные старцы, тоже скорбите сердцем [и] исполнены тревоги, [я] испытываю [ещё] больший мучительный стыд. Государь [нашей] страны молод годами⁴⁰ [и] не обладает [необходимыми] познаниями. Ранее остерегавшаяся всех нас молодёжь, несомненно, радуется [тому], [что] я [оказался] в таком [положении]. Поэтому их злокозненные хитрости — как знать, не разделят [ли они] нас, отца [и] сына? Счастье, [если вы] все, сановные старцы, объединив стремления [и] соединив силы, представите императору доклад [с просьбой] дозволить мне немедленно вернуться [из ссылки]». Тогда [Хо] Ючжон с Мин Чи [и] другими отправился [в] Юань просить [о] возвращении государя [в родную] страну, [но] из-за разлада [в придворной] партии Шэнь-вана⁴¹ так [и] не смог добиться [успеха] и вернулся [обратно в Kopë]42.

十一月壬午。元以加上尊號。遣使頒詔。上王寄書崔有渰、權溥、裵挺、李瑱、許有全、金腒、趙簡等曰。予以十月六日到吐蕃撒思結。似聞帝許予還國。其言若實。公等無以爲念。不然。與柳淸臣、吳潛議。以高王之於聖武。元王之於世皇。率先歸附。佐運樹功。先考忠烈王得尚公主。予於帝室亦有微勞之意。表請于帝。奏記丞相。俾予無久於此

[В] одиннадцатом месяце [восьмого года правления государя Чхунсук-вана], [в день] воды-коня [2 декабря 1321] [император] Юань, дабы [объявить о] добавочном пожаловании почётных титулов [заслуженным подданным], направил посланцев огласить [соответствующий указ. Бывший государь отправил письмо Чхве Юому, Квон Пу, Пэ Чону, Ли Чину, Хо Ючжону, Ким Ко, Чо Кану [и] другим. [В письме] говорилось: «Я в шестой день десятого месяца [6 ноября] прибыл [в] Тибет, [в местность] Сакья. Возможно, [как я] слышал, император дозволит мне вернуться [в родную] страну. Если это известие верно, [вам], почтенные, не о чем беспокоиться. [Если же это] не так, [то вместе] с Лю Чхонсином [и] О Чамом обсудите [это дело]. Ссылаясь на [то], [что некогда] государь Ко- $ван^{43}$ — [императору] Шэнъу 44 , [а] государь Вон-ван⁴⁵ — [императору] Шихуану⁴⁶ самыми первыми изъявили покорность, споспешествовали [им в] деяниях [и] утверждали заслуги⁴⁷, [а также на то], [что мой] покойный отец государь Чхуннёль-ван взял [в] жёны [юаньскую] принцессу, [и ещё на то], [что] я тоже обладаю некоторыми заслугами перед императорским домом, [все вы] подайте просьбу императору [и] представьте доклад чэнсянам48,

³⁹ «Алтари земли и злаков» (*сачжик* 杜稷) — важнейшие государственные святыни в странах Дальнего Востока. Метонимически это выражение может употребляться просто в значении «государство».

 $^{^{40}}$ В 1321 г. государю Чхунсук-*вану* (1294–1339) было по европейскому счёту 27 лет.

 $^{^{41}}$ Шэнь-*ван* 潛王 — китайский титул государя Чхунсон-

 $^{^{42}}$ «История Корё» (Корё са 高麗史), XXXV, 忠肅王二, 八年. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию [Корё са, 1990. С. 70762, стк. 3 –708а1, стк. 3]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык [Корё са, 1963, т. 3. С. 471].

⁴³ Государь Ко-*ван* 高王 — двадцать третий правитель Корё государь Кочжон 高宗 (1192–1259, правил с 1213), прадед государя Чхунсон-*вана*.

⁴⁴ Шэнъу 聖武 (полностью Фатянь-циюнь-шэнъу 法天啟 運聖武) — посмертное китайское имя Чингис-хана, ретроспективно признанного первым императором Юань.

⁴⁵ Государь Вон-*ван* 元王 — двадцать четвёртый правитель Корё государь Вончжон 元宗 (1219–1274, правил с 1259), дед государя Чхунсон-*вана*.

⁴⁶ Шихуан 世皇 — император Шицзу 世祖, по монгольскому имени Хубилай (1215–1294, правил с 1260), фактический основатель империи Юань.

⁴⁷ Первые контакты корейцев с монголами были вполне мирными; более того, в начале правления государя Кочжона эти два государства даже заключили военный союз против вторгшихся в Корё киданей (1216). Вступление на престол государя Вончжона ознаменовалось установлением мира с монголами и подчинением Корё империи Юань. ⁴⁸ Чэнсян 丞相 ('помогающий сподвижник') — звание двух руководителей Правительствующего надзора (Шаншушэн 尚書省), первого из шести высших правительственных учреждений («надзоров») традиционного Китая [Рыбаков, 2009. С. 210].

[чтобы император] дозволил мне не задерживаться в этом [месте]» 49 .

Оба эти письма не содержат никаких подробностей, относящихся к жизни корейского государя в Тибете (не считая краткого описания трудностей пути к месту ссылки), хотя, учитывая своеобразие природных условий и обычаев местного населения, Чхунсон-ван явно не испытывал в это время недостатка в новых впечатлениях. Он, однако, не чувствовал никакой потребности поделиться ими со своими корреспондентами, поскольку помыслы его занимало совсем другое — дела родной страны и отношения внутри правящего дома Корё.

Все рассмотренные нами выше цитаты, однако, не проливают никакого света на причины, побудившие императора Инцзуна отправить Чхунсон-вана в ссылку, поэтому остаётся лишь предположить, что ситуация возникла из-за личного конфликта между этими двумя родственниками (время пребывания Чхунсон-вана в Тибете точно совпадает с эпохой правления Инцзуна). Также не объясняется, почему в качестве места ссылки для Чхунсон-вана был избран именно Тибет — во всяком случае, он явно не был наилучшим местом, где бы бывший правитель Корё мог бы изучать буддийские сутры, поскольку этот государь (наполовину кореец, наполовину монгол, проведший большую часть своей жизни в Пекине в кругу китайских интеллектуалов) едва ли владел ещё и тибетским языком.

Подводя итоги сказанному, отметим, что рассмотренные отрывки из «Истории Корё», несмотря на свою лаконичность, помогают уяснить некоторые особенности ранних контактов между корейцами и тибетцами и восприятия Тибета в Корё. Из этих цитат следует, что изначально для корейцев Тибет был далёкой «варварской» (находящейся вне сферы китайской культуры) страной, жители которой, однако, были не чужды похвального стремления к просвещению. Первые непосредственные контакты тибетцев и корейцев носили преимущественно религиозный характер (приход тибетских лам в Корё, ссылка постригшегося в монахи государя Чхунсон-вана в Тибет под предлогом изучения буддийских сутр). Это взаимодействие было официальным и обусловленным извне, поскольку оно происходило по воле юаньского двора. Хотя определённые следы тибетско-корейских религиозных связей ощутимы в корейском буддизме и поныне, определяющего воздействия на него они не оказали, поскольку, во-первых, они были очень ограниченными, затрагивая лишь представителей правящей верхушки, и, во-вторых, корейская буддийская традиция, история которой к середине эпохи Корё насчитывала уже около тысячи лет, была к тому времени вполне устоявшейся и, соответственно, мало подверженной внешним влияниям. Спустя всего несколько десятилетий распад империи Юань положил конец прямому общению между тибетцами и корейцами, возможность которого восстановилась в очень ограниченном объёме только после утверждения в Китае маньчжурской династии Цин 清 (1644-1912), правители которой, подобно юаньским императорам, глубоко почитали тибетских лам — но это уже другая эпоха и другая тема.

⁴⁹ «История Корё» (*Корё са* 高麗史), XXXV, 忠肅王二, 八年. Цитата на языке оригинала приводится по факсимильному изданию [Корё са, 1990. С. 708а2, стк. 8 –61, стк. 7]. При работе с текстом учитывался его современный перевод на корейский язык [Корё са, 1963, т. 3. С. 473].

Использованная литература

Волков, 1999: *Волков С. В.* Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

Volkov S. V. Sluzhilye sloi na traditsionnom Dal'nem Vostoke [Bureaucracy in traditional Far East]. Moscow: "Vostochnaia literatura" publishing house, 1999.

Рыбаков, 2009: *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 1: генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

Rybakov V. M. Tanskaia biurokratiia. Chast' 1: genezis i struktura [The T'ang Bureaucracy. Part 1: Genesis and Structure]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009.

Хуань Куань, 2001: *Хуань Куань*. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / пер. с кит., коммент. и прилож. Ю. Л. Кроля. Т. 1–2. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Khuan' Kuan' [Huan Kuan]. Spor o soli i zheleze (Ian' te lun') [Discourses on Salt and Iron (Yan Tie Lun)] / translation from Chinese, commentary and appendices by Iu. L. Krol'. Vol. 1–2. Moscow: "Vostochnaia literatura" publishing house, 2001.

Акадзука, Абэ, 1980: Акадзука Тадаси 赤塚忠, Абэ Ёсио 阿部吉雄. Кан-ва дзитэн 漢和辭典 (Китайско-японский словарь). Токио 東京: Обунся 旺文社, 1980.

Akazuka Tadashi 赤塚忠, Abe Yoshio 阿部吉雄. Kan-wa jiten 漢和辭典 (Chinese-Japanese Dictionary). Tokyo 東京: Obunsha 旺文社, 1980.

Дун Цзобинь, 1960: Дун Цзобинь 董作實. Чжунго няньли цзунпу 中國年曆總譜 (Полный свод календарных таблиц [по истории] Китая) = Chronological Tables of Chinese History. В 2 т. Гонконг 香港: Сянган дасюэ чубаньшэ 香港大學出版社, 1960.

Dong Zuobin 董作賓. Zhongguo nianli zongpu 中國年曆總譜 = Chronological Tables of Chinese History. In 2 vols. Hongkong 香港: Xianggang daxue chubanshe 香港大學出版社, 1960.

Корё са, 1963, т. 2: Корё са 고려사 [История Корё]. В 11 т. Т. 2 / изд. Института классической литературы Академии наук. Пхеньян 평양: Квахагвон чхульпханса 과학원 출판사, 1963.

Goryeo sa 고려사 [History of Goryeo]. In 11 vols. Vol. 2 / ed. by the Institute of Classic Texts of the Academy of Sciences. Pyongyang 평양: Gwahagwon chulpangsa 과학원 출판사, 1963.

Корё са, 1963, т. 3: Корё са 고려사 [История Корё]. В 11 т. Т. 2 / изд. Института классической литературы Академии наук. Пхеньян 평양: Квахагвон чхульпханса 과학원 출판사, 1963.

Goryeo sa 고려사 [History of Goryeo]. In 11 vols. Vol. 3 / ed. by the Institute of Classic Texts of the Academy of Sciences. Pyongyang 평양: Gwahagwon chulpangsa 과학원 출판사, 1963.

Корё са, 1990: Корё са 高麗史 [История Корё]. В 3 т. Т. 1. Сеул 서울: Асеа мунхваса 亞細亞文化社, 1990.

Goryeo sa 高麗史 [History of Goryeo]. In 3 vols. Vol. 1. Seoul 서울: Asea munhwasa 亞細亞文化社, 1990.

Kopë ca, 2023: Kopë ca 高麗史 [История Kopë] // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/高麗史 (дата обращения: 02.11.2023).

Goryeo sa 高麗史 [History of Goryeo] // URL: https://zh.wikisource.org/wiki/高麗史 (retrieved 02.11.2023).

Ли Хончжик, 2001: *Ли Хончжик* 李弘稙. Чынбо сэ кукса сачжон 增補 새 國史事典 (Новый словарь отечественной истории [с] приложениями) = Encyclopedia of Korean History. Сеул 서울: Кёхакса 敎學社, 2001.

Lee Hongjik 李弘稙. Jeungbo sae guksa sajeon 增補 새 國史事典 = Encyclopedia of Korean History. Seoul 서울: Gyohaksa 敎學社, 2001.

Sørensen, 1993: Sørensen, Henrik H. Lamaism in Korea during the Late Koryŏ Dynasty / Korea Journal. Vol. 33, No. 3 (Autumn 1993). P. 67–81.

MENTIONS OF TIBET (TOBEON) AND THE REFLECTION OF THE EARLY CONTACTS BETWEEN TIBETANS AND KOREANS IN THE HEREDITARY HOUSES SECTION OF THE HISTORY OF GORYEO (GORYEO SA)

Julia V. BOLTACH Institute of Oriental Manuscripts RAS

History of Goryeo (Goryeo sa 高麗史), compiled in the 15th c., is a fundamental source on the history of Korea in 10th—14th cc. During the second part of this period, Korea was a vassal state of the Yuan Empire, which made possible direct contacts between the Koreans and other peoples ruled by the Mongols, including the Tibetans. The paper contains annotated Russian translations of excerpts from the section Hereditary Houses of the History of Goryeo. These passages throw light on the Koreans' idea of the Tibetans before the first encounter between them, mention the arrival of Tibetan lamas to Korea in 1271, and describe the exile of the Koryo ex-king Chungseong-wang (1275–1325) to Tibet.

Key words: early contacts between Tibetans and Koreans, Goryeo, Yuan dynasty, Tibet, *The History of Goryeo* (Goryeo sa).

About the author: Julia V. Boltach, Cand. Sci. (History). Senior researcher at the Department of Far Eastern Studies Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (julia.boltach@gmail.com). ORCID 0000-0001-9325-7101.

ДАНДАРЫН ЁНДОН (1944-1996)

Дандарын Ёндон, видный монгольский ученый, доктор филологических наук, профессор, оставил после себя значительное научное наследие в области монгольской классической литературы, тибето-монгольских литературных связей, проблем взаимопроникновения индийской, тибетской, монгольской культур.

В 1986-1988 гг. он являлся ученым секретарем Института языка и литературы Монгольской академии наук, а в 1988-1996 гг. возглавлял Институт. В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Төвөд монгол мөрийн зэргийн тайлбарууд» («Тибето-монгольские комментарии к Ламриму». В 1981 г. он был направлен Монгольской академией наук в Ленинград в отделение Института востоковедения АН СССР (в настоящее время – Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге) на трехлетнюю стажировку с целью подготовки монографии и защиты докторской диссертации. Со всеми поставленными задачами ученый блестяще справился. Время пребывания Д. Ёндона в Ленинграде было чрезвычайно успешным и плодотворным: он активно выступал на заседаниях Сектора тюркологии и монголистики ЛО ИВ, принимал участие в конференциях Института, писал отзывы на научные работы, проводил консультации с молодыми сотрудниками, оказывал помощь при переводе с монгольского языка. Он присутствовал на обсуждении кандидатской диссертации Н. С. Яхонтовой, в то время очной аспирантки Института, а ныне ведущего специалиста в области ойратского языка и литературы. Ценные комментарии к монгольским песенным текстам Д. Ёндон давал И. В. Кульганек, в то время старшему лаборанту Сектора Института, при подготовке ею кандидатской диссертации по поэтике монгольских народных песен. До настоящего времени все сотрудники Сектора, работавшие в восьмидесятые годы прошлого века в Институте, с теплым чувством вспоминают пребывание в стенах Института старшего научного сотрудника Института языка и лите-

ратуры Монгольской академии наук, видного монгольского ученого Дандарын Ёндона.

В 1983 г. в Диссертационном Совете Восточного факультета Ленинградского государственного университета им была защищена докторская диссертация по специальности 10.01.06. (литература народов зарубежных стран Азии и Африки) на тему «Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур (тайлбури «Субхашиты» Сакья-пандиты и «Расийан-у-дусул» Нагаржуны)».

Работа состояла из введения, двух разделов, включающих четыре главы, заключения, примечаний, каталога повествовательных типов, списка сокращений и библиографии. В исследовании в целостном и систематическом виде были представлены все известные на то время мировому научному сообществу комментарии к дидактическим сочинениям "Капля, питающая людей" и "Субхашита", которые до этого

не были предметом специального монографического исследования из-за малодоступности и разрозненности. Многие источники по данной теме были впервые введены Д. Ёндоном в научный оборот. Диссертант решил основные текстологические вопросы, связанные с рукописями и ксилографическими изданиями этих сочинений, провел глубокое сравнительно-типологические и генетическое исследование сказочных сюжетов, составляющих основу рассматриваемых комментариев.

Диссертация послужила основой для монографического исследования «Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур», опубликованного на русском языке в 1989 г. московским издательством «Наука». В том же году ученому было присуждено звание профессора.

В монографии ученый решил целый ряд проблем, связанных с датировкой сборников, их авторством, трансформацией сказочных сюжетов. Монография Д. Ёндона представляет несомненный интерес для всех, кто изучает литературы Монголии и Индии поскольку является чрезвычайно добротной и высококачественной работой, содержащей ценный фактический материал. В 2013 г., к 13-му Международному Семинару Ассоциации тибетологов, в Улан-Баторе вышло второе издание этой книги под редакцией А. Д. Цендиной.

В 1993 году монгольские ученые Д. Цэнд, Л. Хурэлбатор и Ц. Мунх выступили с экспертными заключениями в поддержку выдвижения его кандидатуры в академики Монгольской академии наук.

Д. Ёндон – автор ряда высокопрофессиональных филологических работ, в которых подняты проблемы истоков монгольских сказочных сюжетов, уходящих к индийским сборникам сказок, послужившим прототипами и основой для многочисленных переработок и подражаний, выполненных тибетскими, а позднее монгольскими, авторами, создавшими в рамках тибето-монгольской письменной словесности своеобразный жанр так называе-

мой «комментаторской» литературы. Д. Ёндону удалось выявить в собраниях Улан-Батора и Ленинграда более 40 рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках. Обстоятельное знание тибетской и монгольской литератур позволило автору решить целый ряд проблем, связанных со временем появления сборников сказок, их авторством, трансформацией сказочных сюжетов и состава самих сборников. Обширные знания ученого нашли свое выражение в его работах: «Төвөд монголын уран зохиолын харилцааны асуудал») («К вопросу о тибето-монгольских литературных связях») (1980) и «Орос монгол уран зохиолын нэр томъёны тайлбар толь») («Русско-монгольский толковый словарь литературных терминов») (1995). В 2014 г. в серии «Академическое наследие» Института языка и литературы Монгольской академии наук вышел сборник «Бичгийн ба аман зохиолын харилцааны асуудалд» («К вопросу о связях письменной и устной литературы»), в который вышли статьи ученого, написанные им в разные годы жизни.

Все научное наследие Д. Ёндона отличается глубоким осмыслением материала, четкой систематизацией и точной интерпретацией многочисленных содержательных расхождений, напластовавшихся за столетия бытования сборников у тибетских и монгольских народов. Выводы автора корректны и верны и позволяют достаточно полно и однозначно судить об истинной литературной судьбе жанра, месте и значении комментаторской сказочной литературы во всей совокупности обширнейшей тибето-монгольской письменной словесности.

Работы Д. Ёндона стали новой точкой отсчета в исследовании сочинений столь популярного в монгольской литературе жанра. Научное творчество доктора филологических наук, академика Монгольской академии наук Д. Ёндона представляет собой важную веху в изучении монгольской литературы и представляет интерес для специалистов по литературе Центральной Азии.

От Редколлегии

ОСОРНАМЖИМЫН СУХЭБАТОР (1944-2005)

В 2024 г. отмечается юбилейная дата со дня рождения видного монгольского ученого-филолога Осорнамжимын Сухэбатора (1944—2005). В 2024 г. ему исполнилось бы 80 лет. Безвременно ушедший из жизни ученый успел сделать чрезвычайно много в области изучения и перевода монгольской классической литературы, монгольского языка и индо-тибето-монгольских литературных связей.

О. Сухэбатор родился в Монголии в местечке Хар Ямат Сухэбаторского аймака Эрдхэнэцаган сомона. В 1970 г. закончил отделения языка и литературы Монгольского государственного университета. В 1977-1978 гг. проходил стажировку в индийском университете в Нью-Дели на отделении хинди, затем был зачислен в Институт языка и литературы Монгольской академии наук, где прошел все ступени карьерного роста - от младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующего сектором Языка и литературы, ученого секретаря Института до главного научного сотрудника и руководителя отдела тибетологических исследований. В 1992 г. он защитил кандидатскую диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук по теме «Монгол хэлэн дэх самгарди махбод» («Образ Самгарди в монгольской литературе»).

В 1995 г. получил награду Монгольского союза переводчиков. В 2001 г. был награжден орденом «Полярной звезды» («Алтан гадас»).

Основные научные интересы О. Сухэбатора касались тибето-монгольских литературных связей, текстологических исследований тибетоязычных рукописных памятников монгольской литературы. Он автор многочисленных научных работ по тибето-монгольской филологии, учебных пособий, словарей. Ему принадлежат: «Дандины Зохист аялгууны толь» («Словарь поэтических выражений Дандина») (1982), «Монголжсон санскрит үгс» («Санскритские слова в монгольском языке») (1982).

«Монгол-хинди сургалтын товч толь» («Монгольско-хинди краткий учебный словарь») (1988), «Монгол хэлний харь үгийн толь» («Словарь монгольских иностранных слов» (1997), «Алтан товч» (Летопись «Алтан товч») (1992), «Алтан овооны тахилгын судар» (Сутра о жертвоприношениях на Алтан обоо») (1998), «Монгол газар усны нэрийн домог» («Легенды о происхождении монгольских названий местностей и вод») (2001), «Монголын тахилган уул усны судар» («Сутра о жертвоприношениях монголов горам и водам») (2001), «Ра Лазавагийн намтар» («Биография Ра Лозавы» (2004), «Ловон Бадмажуннайн намтар» («Биография Ловона Бадмажуная») (2005). О. Сухэбатор был составителем 4 тома «Большого академического монгольско-русского словаря», вышедшего в 2001-2002 гг. Заслуги О. Сухэбатора перед монгольской филологический наукой велики.

К. А. Бекетов

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Н. К. Бекетова

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Х. Дамдинсурэн

Администрация Президента Монголии

«ДОРОГАМИ Н. К. РЕРИХА»: ЭКСПЕДИЦИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ИМЕНИ ИЛЬИ РЕПИНА В МОНГОЛИЮ

(начало)

В июле-августе 2018 г. в Монголии состоялся I Международный фестиваль «По дорогам Н. К. Рериха», организованный Арт-галереей Улан-Батора. По приглашению Президента страны и при поддержке Монгольского Союза художников студенты Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, участники масштабного проекта, совершили путешествие в Монголию. Им представилась возможность познакомиться с жителями столицы и сельских поселений, с монгольской культурой, традициями, поработать на пленэре, в студиях и в галереях. Проделав долгий путь от пограничного города Кяхты до Южно-Гобийского аймака, участники экспедиции преодолели более 3000 км, прочувствовав масштабы страны, многообразие её климатических зон. Художники увидели разнообразные ландшафты от бескрайних степей до могучих гор и палящей зноем пустыни Гоби. Посетив в Улан-Баторе музей Н. К. Рериха, молодые люди, хорошо знакомые с творчеством русского живописца, талантливо передавшего в своих произведениях особенности природы Монголии, познакомились с другой стороной личности Николая Константиновича — самобытного мыслителя и подвижника. Серия пленэрных работ, написанных во время путешествия, отражает видение молодых художников монгольской природы. Студентам удалось отобразить на полотнах простор монгольских степей, запечатлеть традиционную и современную архитектуру, написать портреты монголов в национальных одеждах. Колорит страны нашёл отражение в каждой живописной работе студентов Санкт-Петербургской академии из России, Монголии, Китая, Чили и Финляндии. Итогами многодневной, кропотливой работы, стали художественные выставки в Улан-Баторе и Санкт-Петербурге, во время посещения которых зритель получил возможность визуально прикоснуться к необъятному миру Монголии, погрузиться в её атмосферу. Важным результатом экспедиции стало возобновление активного сотрудничества художественно-образовательного сообщества двух стран.

Ключевые слова: Монголия, изобразительное искусство, пленэр, межкультурные коммуникации, художественные выставки, художественное образование, мастер-классы.

Об авторах:

Бекетов Константин Анатольевич, руководитель отдела по работе с иностранными студентами Санкт-Петер-бургской академии художеств им. Ильи Репина, Советник Председателя Санкт-Петербургского Союза художников, проф. Северо-Западного университета национальностей (КНР) (Санкт-Петербург, Россия) (k@bk.ru).

Бекетова Наталья Константиновна, ассистент-стажер монументальной мастерской (руководитель С. Репин), член Санкт-Петербургского Союза художников (Санкт-Петербург, Россия) (artru@bk.ru).

Хурэлбатор Дамдинсурэн, Посланник культуры Монголии в Российской Федерации (Улан-Батор, Монголия).

Благодарность: Авторы статье выражают благодарность Арт-галерее г. Улан-Батора («UB ART gallery») (Монголия), обеспечившей финансово-организационную поддержку творческой экспедиции.

[©] ИВР РАН, 2024

[©] Бекетов К. А., 2024

[©] Бекетова Н. К., 2024

[©] X. Дамдинсурэн, 2024

На протяжении всей истории русское изобразительное искусство тесно связано с мировым развитием классической академической школы. Российская Федерация, в силу собственных исторических, культурных, национальных, конфессиональных особенностей, несмотря на разрушительные тенденции конца XIX в. — начала XX в. в европейском пространстве академической школы, сумела сохранить в своей основе базовые ценности классического образования в области изобразительного искусства. В частности, в сегменте академического фигуративного изобразительного искусства. Именно это позволяет нам, как минимум сохранять, а главным образом восстанавливать утраченные позиции важнейшей ценностной составляющей всемирной культуры не только в нашей стране, но фактически на всех континентах планеты.

Хорошо известно, что первыми учителями русских живописцев были итальянцы, немцы и французы. Но вот, спустя два с лишним века, те же французы, немцы и итальянцы, а также голландцы, испанцы, стоявшие у истоков академизма, устремились в единственное в своём роде учебное заведение в современном мировом художественном пространстве — в Санкт-Петербургскую академию художеств. Но если европейцы, североамериканцы, латиноамериканцы, австралийцы едут к нам восстанавливать утраченные некогда ориентиры в реалистическом, фигуративном изобразительном искусстве, то наши сторонники из Азии, азиатско-тихоокеанского региона и Африки приезжают открывать для себя совершенно новые возможности в освоении навыков мастерства классической русской художественной школы. Особые отношения в художественном образовании сложились с нашими друзьями-соседями монголами. В этой связи представляет интерес генезис монгольского изобразительного искусства и перспективы сотрудничества художественных сообществ двух стран.

Имена авторов большинства произведений искусств не только древних времён, но и позднего времени, в том числе XVIII–XIX вв. нам не известны. Тем не менее мы хорошо знаем и от-

даём должное таким творцам как Лувсандаш, Агваниш, Лув-сандордж, Цултэм, Чойдор, Содном-шарав, Пунцогдордж, Тавхай-бор, Данджин, Цэнд, Джугдэр, Балдангомбо. Именно они были предвестниками нового периода в искусстве Монголии и подготовили основу для тех, кто пришёл за ними уже в новое время. Народный художник МНР, искусствовед Цултэм Ням-Осорын отмечал, что именно на рубеже XIX-XX вв., под влиянием внешних и внутренних общественно-политических факторов произошло фундаментальное изменение в сознании людей, кардинально повлиявших на развитие национального изобразительного искусства. Монгольские художники, искренне сопереживавшие тяготам соотечественников, вызванных крайним обнищанием населения страны, пытались глубоко и правдиво отображать действительность в своём творчестве [Цултэм, 1982].

В 1942 г. в Монголии был образован Союз художников, объединивший всех профессиональных живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства. Значительное влияние на дальнейшее развитие национального искусства Монголии оказало тесное сотрудничество страны с СССР. Под влиянием российского искусства, и, прежде всего, благодаря Российской академии художеств, Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина и Московскому государственному академическому художественному институту им. В. И. Сурикова в стране началось развитие соцреализма [Уранчимэг, Ян Гоу Чин, 2021. С. 170–187].

В 1950 г. Лубсангийн Гава стал первым выпускником Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. С этого времени, вплоть до середины 90х годов, несколько поколений молодых талантливых монголов регулярно пополняли студенческие мастерские Санкт-Петербургской академии художеств. Среди более семидесяти выпускников Академии такие известные в мировом художественном пространстве имена: скульпторы Р. Энхтайван, Л. Ганхуяг, У. Баримал; живописцы Л. Гаваа, Я. Уржинээ, Б. Пурэвсүх, Н. Санчир, Д. Энхтайван, До. Болд, Р. Дуй-

нхаржав, О. Цэнд-Аюуш; графики З. Уянга, Ч. Хурэлбатор; искусствоведы Д. Дашбалдан, Д. Уранчимэг. Выпускники Академии сыграли ведущую роль в развитии реалистического искусства. Лучшие традиции мирового искусства через них внедрялись в художественный мир искусства Монголии. Однако развал социалистического лагеря и переход Российской Федерации и её бывших соседей к псевдо-капиталистическому государственному устройству разрушили политические связи и глубоко интегрированные друг в друга экономические отношения, а также, основательно расстроили гуманитарные коммуникации в области культуры и образования.

В начале 90-х, сохранив бюджетное финансирование основных образовательных программ в России, государственные чиновники не нашли возможным поддержать систему дополнительного профессионального образования. Перевод пост-образовательной подготовки педагогических кадров на коммерческую основу лишил возможности совершенствоваться на курсах повышения квалификации преподавателей художественных школ страны. Одновременно, в силу ничтожного финансирования культуры в целом, значительная часть педагогического состава художественных учебных заведений вынуждена были искать иную работу, с целью содержать себя и свои семьи. В результате число художественных школ существенно сократилось, а в тех, что продолжали работать, значительно понизился уровень подготовки. Такая же ситуация сложилась у наших монгольских друзей. Для молодых талантливых монголов стало непреодолимым фактором получение художественного образования на коммерческой основе в стенах Санкт-Петербургской академии художеств. Преподавателям монгольских вузов бремя финансовых расходов, необходимых для совершенствования навыков современной фигуративной живописи в Российской Федерации, стало финансово чрезвычайно затруднительно. В таких условиях уровень художественного образования существенно снизился.

Однако, в Монголии интерес художников к академической школе не исчез. Наряду с тем,

что взоры молодых людей 90х были обращены на Запад и в значительной мере поглощены современными течениями во всех сферах культуры, в том числе в изобразительном искусстве, вместе с тем, благодаря талантливым монгольским мастерам старшего поколения, прилагавшим большие усилия для сохранения наследия современников и популяризации академического образования в новых политико-экономических условиях, интерес монголов к реалистическому искусству Западу разрушить не удалось.

В 2016 г. в стенах Академии состоялась знакомство авторов статьи, которое выявило взаимопонимание и сходство интересов в возрождении связей между художественными сообществами Монголии и России и восстановлении утраченного тремя предыдущими десятилетиями потенциала монгольских талантов в сфере академического изобразительного искусства. Был разработан долгосрочный план мероприятий, обеспечивающий устойчивый приток монгольской молодёжи в Санкт-Петербургскую академическую школу. В качестве первого этапа программы была намечена международная творческая экспедиция в Монголию.

Ha масштабного стадии подготовки арт-проекта по приглашению вице-премьера Правительства Монголии, должность которого занимал нынешний Президент Монголии, У. Хурэлсух, мы посетили Улан-Батор. В ходе визита прорабатывались детали экспедиции, включающие всё многообразие целей и задач, решаемых творческой группой художников в пленэрных поездках. Отрадно, что первая встреча посланника Академии ознаменовалась долгожданной встречей с ныне здравствующими ее выпускниками (в то время – Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина). Около двадцати живописцев, скульпторов и искусствоведов искренне приветствовали нас, выражая глубокую надежду на возрождение культурных связей с альма-матер и заверяя в полной поддержке наших шагов на этом пути.

В ходе обмена мнениями с У. Хурэлсухом был согласован перспективный план россий-

ско-монгольского сотрудничества, предусматривающий совместные мероприятия в России и в Монголии в сфере образования и культуры. В частности, предусматривалось регулярное направление талантливых молодых людей на обучение в Санкт-Петербургскую академию художеств, проведение выставок изобразительного искусства в России и в Монголии, организацию в Улан-Баторе международного художественного фестиваля «UB-ART» и проведение творческой экспедиции в Монголии, посвящённой памяти выдающегося мыслителя и художника Н. К. Рериха, и приуроченной к 95летию Центрально-Азиатской экспедиции под его руководством.

Достигнув полного взаимопонимания в решении назревших задач по восстановлению отношений в сфере образования и культуры на политическом уровне, нам оставалось проработать детали предстоящих мероприятий с теми, кто предварительно дал согласие на участие и поддержку программы.

Покинув Дворец Правительства, мы отправились сначала в Союз монгольских художников к Председателю Б. Тумэрбатору и его коллегам Н. Санчиру, Д. Хурэлбатору и Д. Энхтайвану, затем к директору Института изобразительного искусства и дизайна при Монгольском государственном университете искусства и культуры Д. Уранчимэг. С большим интересом и знанием предмета коллеги ознакомились с предложенными материалами, высказали свои замечания и дали профессиональные рекомендации в части организации образовательной составляющей проекта и проведения монгольских пленэров в экстремальных условиях гобийского зноя.

Понимая значение буддизма для Монголии, мы не могли не включить в программу творческой экспедиции посещение храмов. В то же время, имея опыт аналогичных экспедиций в КНР, мы понимали сложность установления коммуникаций с обитателями монастырей. Так, в тибетских монастырях Лавран и Ланмусы, в храме Чунцин нам никогда не удавалось договориться о работе масляными красками под сенью пагод и тем более – писать портреты монахов. Поэтому, узнав о возможной встрече

с настоятелями монгольских монастырей, у нас зародилась надежда о возможном достижении договорённости с ламами.

В монастыре Гандан нас принял настоятель. Проявив интерес к планам художников поработать на территории монастыря, лама одобрил намерение организаторов, пообещав оказать должное содействие. В завершении нашей беседы он подарил памятный альбом, посвящённый истории Гандана, и предложил прогуляться по территории монастыря и осмотреть храмовый комплекс.

Войдя в храм, настоятель подозвал к себе присутствующих внутри монахов и распорядился, чтобы те предприняли все необходимые действия для того, чтобы гости запечатлели на фотокамеру все интересующие их сюжеты. Спустя полтора часа, выразив слова благодарности сопровождавшим нас монахам, мы покинули монастырь и направились в студию Национального монгольского телевидения на запись программы, посвящённой возрождению сотрудничества монгольских и российских художников.

Едва закончив съёмку видеосюжета, мы тут же поспешили на встречу с настоятелем монастыря Дэлгэрийн Чойр Зава Дамдин Ринпоче.

Зава Дамдин Ринпоче любезно пригласил нас на обед, в ходе которого мы обсудили предложение настоятеля включить в маршрут творческой экспедиции посещение монастыря Дэлгэрийн Чойр с возможностью проживания и работы художников в храмовом комплексе. Такого подарка трудно было ожидать, и, конечно, мы с благодарностью согласились. В завершение встречи Зава Дамдин Ринпоче преподнёс нам собственноручно написанный старомонгольским письмом поэтический сборник с автографом. С нашей стороны был подарен альбом руководителя мастерской церковно-исторической живописи профессора А. К. Крылова.

В заключительный день пребывания в Улан-Баторе предстояла встреча с министром культуры, на которой в окончательном варианте были согласованы график всех мероприятий на ближайшие два года в рамках дорожной карты по восстановлению культурно-образовательных связей.

Всего через месяц после визита в Монголию в Улан-Баторе состоялось первое масштабное мероприятие в рамках российско-монгольского культурно-образовательного проекта. 19 октября 2017 г. в галерее Союза монгольских художников открылась выставка монгольских выпускников Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, посвящённая 260й годовщине Императорской Академии художеств.

Ещё месяц спустя делегация монгольских деятелей культуры была приглашена в Россию для участия в VI Санкт-Петербургском международном культурном форуме, в рамках которого было подписано Соглашение о сотрудничестве между Монгольским государственным университетом культуры и Санкт-Петербургской академией художеств.

Таким образом, юридически закрепив отношения образовательных институций, авторами было формализовано организационно-финансовое сопровождение всех мероприятий в рамках проекта.

По результатам творческих экзаменов зимней сессии в Академии были отобраны кандидаты, вошедшие в состав монгольской экспедиционной группы. Помимо авторов статьи от Академии в интернациональную группу вошли россияне: Денис Голивец (мастерская Х. В. Савкуева), Иван Журавлев (мастерская С. Н. Репина), Илья Зорькин (мастерская Ю. В. Калюты), Иван Логинов (мастерская В. С. Песикова), Роман Шувалов (мастерская А. К. Крылова), а также член Союза художников Бурятии Аюна Гарматарова и наши иностранные студенты Риетта-София Маунумаа (мастерская Ю. В. Калюты) из Финляндии и чилиец Кристобаль Бастуманте МакРости (мастерская С. Н. Репина). С монгольской стороны в Улан-Баторе к нам присоединились монгольские художники — Б. Мунхбаатар, Отгон-тувдэн, У. Эрдэнэ-Булган, Н. Гунчинсурэн

В соответствии с оптимальной логистической схемой на период июль-август 2018 г. был определён следующий маршрут: Санкт-Петербург-Москва (скоростной поезд — 4 часа); Москва-Улан-Удэ (авиаперелёт — 6 часов); Улан-Удэ-Улан-Батор (автотранспорт, с оста-

новками в пути — 16 часов). Далее все поездки по Монголии и возвращение в столицу Бурятии планировались на автобусе, а затем в обратном порядке самолётом: Улан-Удэ-Москва, и: Москва-Санкт-Петербург — поездом. В целом продолжительность экспедиции предполагалась 18 дней. Благодаря четкой организации и заботливому отношению гостеприимных хозяев, передвижение, питание, проживание, перемещение художественных материалов и большого количества написанных на пленэре картин было организовано на хорошем уровне.

Ранним утром, прибыв в столицу Бурятии, петербуржцы на выходе из аэровокзала сразу попали в крепкие объятия коллег по Союзу художников Бурятской Республики и Представителей Генерального Консульства Монголии в Улан-Удэ, которые на своём транспорте сопроводили группу до пограничного города Кяхты, обеспечив скорый и беспрепятственный переход российско-монгольской границы, за которой совершенно неожиданно нашу группу встретил национальный хор Селенгинского аймака. Необыкновенно мелодичное, красивое пение нарядно одетых в яркие, праздничные одежды исполнителей, сопровождаемое оригинальным звучанием традиционных музыкальных инструментов, произвело неизгладимое впечатление на художников. Гости воочию убедились, насколько их приезд оказался желанным и долгожданным. Стоит отдать должное нашим друзьям-хозяевам: художники, с первой встречи и до последнего рабочего дня, повсеместно ощущали на себе внимание и заботу, что, несомненно, самым благотворным образом отразилось на их творчестве.

Вместе с восторгом от развернувшегося во всю ширь простора, живописцы испытали и некоторое разочарования от того, что здесь не была предусмотрена длительная стоянка, позволившая бы начать работу с кистями и красками. В этот день нам предстояло преодолеть ещё более трёхсот километров до Улан-Батора.

По пути в столицу мы сделали ещё несколько остановок и прибыли к месту назначения поздним вечером. Группу художников встречал в своей мастерской скульптор, лауреат Государственной премии Монголии выпускник

мастерской С. А. Кубасова Л. Ганхуяг. Студия известного мастера представляет собой рабочую зону, где художник создаёт проекты своих творений с последующим воплощением в материале, и великолепное выставочное пространство, где демонстрируются завершённые произведения скульптурного искусства. Следует отметить, что нашему выпускнику принадлежат многие скульптурные комплексы на территории Монголии. Л. Ганхуяг радушно встретил своих молодых коллег по Академии, рассказал о своих учителях, событиях того времени, которое ему посчастливилось провести в стенах легендарного учебного заведения на берегах Невы, и пожелал как можно больше черпать знаний в мастерских альма-матер, так как подобного колоссального объёма и уровня навыков и знаний нигде больше не существует.

Несмотря на позднее расселение в гостинице, к выезду на утреннее мероприятие все участники экспедиции прибыли в назначенный час. Предстояло знакомство с одним из самых фундаментальных символов русско-монгольской дружбы — Мемориалом в память советских воинов на Зайсан-Толгое, который был создан выпускниками Академии, выдающимися монгольскими скульпторами: Ц. Доржсурэном (мастерская М. Аникушина), художниками Я. Уржинээ (мастерская А. Мыльникова), Б. Доржханд (мастерская В. Соколова) и П. Зулзага. Скульптурно-мозаичная композиция мемориального комплекса Зайсан, считающаяся одним из шедевров монументального искусства Монголии, была создана в 1971 г. к 50-й годовщине народной революции Монголии. На нижней части композиции выбиты слова: «Здесь память о Советских воинах вечна, как солнце на небе, священна, как огонь на земле».

Завершив осмотр мемориального комплекса, группа выехала в направлении Музея изобразительного искусства имени Дзанабадзара. Музей, основанный в 1966, занимает двухэтажное каменное здание постройки начала прошлого века, расположенное в центре города. Уникальность экспозиции музея, помимо того, что в нём находятся величайшие произведения мирового изобразительного искусства, состоит в том, что по представленным экспо-

натам можно проследить историю искусства Монголии от каменного века до наших дней. Наскальные изображения, предметы религиозного культа, обширная коллекция живописи и скульптурных работ кочевой цивилизации, наконец современное искусство. Несомненно, жемчужиной коллекции музея являются шедевры великого Дзанабадзара. Своим впечатлением от знакомства с многогранным творчеством Дзанабадзара поделился участник экспедиции, чилиец Кристобаль МакРости. Он сказал: «Для меня стало настоящим открытием творчество живописца Дзанабадзара. Существует устойчивое представление того, что истоки современной фигуративной живописи находятся в западной Европе, вместе с тем, сегодня мы убедились в том, что мир искусства намного шире и он не ограничивается рамками западноевропейской школы».

Еще не остыв от обрушившихся на них впечатлений от увиденного, студенты поехали на встречу с художественной историей, послужившей одним из важнейших элементов установления новой эпохи развития межкультурных коммуникаций между Россией и Монголией. Дом-музей семьи Рерихов в Улан-Баторе расположен в одноэтажном деревянном бревенчатом доме. Здесь во время работы Центрально-Азиатской экспедиции в 1926–1927 гг. Н. К. Рерих проживал со своей семьёй. В доме шесть комнат, в которых размещаются экспозиция из репродукций картин художника, а также его книг и фотографий. Нас приятно удивила не только традиционная музейная атмосфера, но и теплота общения с музейными работниками. Выдающийся монгольский ученый, историк, культуролог, академик Монгольской академии наук, Президент Монгольского рериховского общества и основатель Дома-музея Ш. Бира и его дочь, директор музея Б. Янжмаа, ознакомив посетителей с содержанием экспозиции, пригласили художников на чаепитие, в течение которого в домашней атмосфере гости и хозяева беседовали о Н. К. Рерихе, о не утрачивающей своего значения сегодня и на многие годы вперёд Ценрально-Азиатской экспедиции. Учитывая, что одним из лейтмотивов нашего путешествия по монгольской земле послужило творчество Н. К. Рериха в период его экспедиционной работы, сведения, почерпнутые в музее, оказались чрезвычайно интересными и полезными. Художник Р. Шувалов, также член нашей группы, подводя итог встречи, выразил общее впечатление о посещении музея: «Как художник-живописец, я, конечно же, хорошо знаком с творчеством Н. К. Рериха. Каждому большому художнику свойственно обладать только ему характерной особенностью, узнаваемостью, стилистикой, выбранными темами. Художник должен быть узнаваем, а его творчество не должно оставлять зрителей равнодушными. Талант Николая Константиновича, его видение окружающего мира поражают глубиной философского осмысления, и это несомненно затрагивает чувства. Но в Рерихе, кроме того, вызывает уважение колоссальный кругозор его интересов. Невозможно представить, чтобы один человек за свою жизнь мог успеть сделать так много. Мне кажется, работа директора музея, и особенно соратника Ю. Н. Рериха, уважаемого Шагдарына Бира, имеет чрезвычайно важное значение, позволяющее людям приблизиться к основам учения одного из ярчайших мыслителей прошлого столетия».

После обеда наступило время подготовки к началу непосредственно пленэрной части экспедиции. Директор картинной галереи «Наследие» Ц. Энхтуяа пригласила солистов Национального монгольского театра позировать художникам на мастер-классе для написания женского портрета. Артисты были одеты в национальные костюмы, что придало портретам яркий народный колорит. Модели на протяжении трёх рабочих часов прекрасно пели народные монгольские и русские песни, исполняли классические оперные партии. Проведение мастер-классов является постоянным элементом программы всех творческих экспедиций Академии, они всегда вызывают живой интерес у профессионалов и любителей изобразительного искусства. Они представляют собой созидание красивой, выразительной творческой работы, служат созданию историко-этнографического документа, а сам процесс портретирования является великолепным наглядным уроком для всех участников мероприятия. В

Встреча с выпускниками Академии. Стоят слева направо: Х. Дамдинсурэн, Б. Баярттур, Ц. Эрдэнэцог, Д. Ядамсурэн, Д. Энхтайван, Д. Уранчимэг, Д. Сухээ, Н. Санчир, Ч. Хурэлбатар, Энхбат Хурэлбатар

Участники выставки выпускников Санкт-Петербургской академии художеств. Среди них: Х. Дамдинсурэн, У. Баримал, Н. Санчир, Д. Энхтайван, До.Болд, Ч. Хурэлбатор

российских и монгольских архивах хранится большое количество фотодокументов, которые являются немыми свидетелями событий исторической, политической и культурной жизни страны. Так, в фотоархиве ИВР РАН есть фотоматериалы научных экспедиций в Центральную Азию, в которых зафиксированы жизнь и быт монголов первой трети ХХ в. Коллекция фотографий представляет большую научную ценность для отечественного востоковедения и мировой науки [Кульганек, Захарова, 2023. С. 81–87].

В этот день, как это бывало и прежде, на образовательную встречу с художниками гости Ц. Энхтуяа пришли с этюдниками, холстами и

красками. Написанный финской художницей Р.-С. Маунумаа «Портрет монгольской певицы» представляет нам монгольскую женщину в медно-золотом одеянии на светлом фоне, в национальном головном уборе как яркий пример и образец особенности культуры и достояния Монголии. Портрет написан живо, быстро. Ракурс выбран в три четверти.

Р.-С. Маунумаа «Портрет монгольской певицы»

И. Логинов «Портрет монгола»

Весь холст буквально светится, передавая настроение автора и модели зрителю.

Иное исполнение портрета мы видим у И. Логинова. В отличие от Софии, Иван пишет портрет уверенным мазком, вылепливая форму словно скульптор. За считанные мгновенья автор мастерски точно создаёт изысканный силуэт портретируемой модели. Здесь нет такой мягкости, как в портрете у Софии, но это не разрушает гармонию и утончённость самого исполнения. Мастерство художника позволяет зрителю убедиться в том, что он видит именно тот образ, который создал художник в своём воображении.

Третий день экспедиции ознаменовался колоритным буддийским праздником цам, побывать на котором пригласил нашу делегацию настоятель монастыря Дашчойлин хамбо-лама Дамбаджава.

Монастырь Дашчойлин Хийд, старейший и второй по значимости в Улан-Баторе, расположен в центре столицы. Он является преемником монастыря Зуун хурээ, крупнейшего религиозного центра начала XX в., в котором одновременно до четырёхсот лам изучали астрологию, философию, медицину; художники, скульпторы, архитекторы получали творческие навыки. В монастыре развивалось книгопечатание. В 1939 г. монастырь был закрыт, с 1990 г. начал функционировать вновь, восстанавливая былое величие. Настоятель Дамбаджава рассказал нам о цамах, религиозных театрализованных представлениях с танцами и пантомимой, сопровождаемых традиционной музыкой, смысл которых заключается в усмирении демонов и злых духов. Мистерии проводятся ежегодно в июле, Героями их служат различные буддийские божества. Каждый участник действа выступает в костюме и маске; наряд должен поражать верующих своей красотой и устрашающим видом.

Мистерия цам длилась несколько часов, на протяжение которых попеременно то светило яркое июльское солнце, то свинцовые тучи, подгоняемые воздушными потоками, погружали пространство над монастырём в сумеречное предгрозовое состояние. Наконец, прогремел гром, и на праздничную площадь

монастыря с небес полились потоки «тропического» ливня, но участники представления не прекратили танцы. Под конец театрализованного выступления снова выглянуло солнце, словно символизируя победу добра над злом. Никто из художников ранее не наблюдал ничего подобного. Конечно, костюмы, маски, музыка произвели сильнейшее впечатление. Студенты отметили уникальную режиссуру, мастерство исполнения и физическую форму танцоров, обратив особое внимание, что выступление происходило в столь жёстких погодных условиях в костюмах, вес отдельных из которых достигает 40 кг.

После завершения праздничного мероприятия хамбо-лама Дамбаджава пригласил нас отобедать в монастырской трапезной. В течение обеда зрители эмоционально обменивались впечатлениями с исполнителями, отдавая дань их мастерству и выносливости, подчеркивая эмоциональное воздействие, которое оказывала мистерия на зрителей выразительными масками и яркими, красочными одеяниями участников.

В вечерней части третьего дня организаторы предусмотрели ещё один спектакль. На сей раз в Национальном драматическом театре Улан-Батора. Необходимо отдать должное монгольским друзьям, предложившим гостям не дежурную программу из набора типичных, сложившихся годами мероприятий с посещением культовых памятных мест, но тщательно продуманный выбор культурно-исторических объектов вместе с тонко структурированной последовательностью их посещения. Так, начав утренний просмотр с монастырских скамеек театрализованной постановки цам, к вечеру художников переместили в современный зрительный зал драматического театра с актуальной сценографией, музыкой, пением, костюмами, созданными на основе национальных традиций и искусства. Подобный подход позволяет эмоционально воспринимать, вдумчиво и аналитически осознавать глубину демонстрируемых произведений.

Национальный драматический театр Улан-Батора был основан в 1931 г. Большая роль в его становлении принадлежит советским режиссёрам, композиторам и художникам. Важнейшими элементами театра являются сценическое оформление и декорации. Эти составляющие формируют основу спектакля и не могут рассматриваться иначе, как совместная деятельность драматурга, композитора, режиссера и театрального художника.

Особое место в развитии современной монгольской сценографии занимает русский художник К. И. Померанцев. Константин Иннокентьевич работал в Монголии с 1926 по 1939 г., уделяя большое значение помимо творческой работы в театре педагогической и образовательной деятельности. Выдающиеся монгольские художники Л. Гаваа, Н. Цултэм, Л. Намхайцэрэн осваивали навыки мастерства под его началом. В дальнейшем ведущую роль в развитии актуальной монгольской живописи и сценографии сыграл выдающийся деятель культуры Монголии Лубсангийн Гаваа. Л. Гаваа удавалось удивительно гармонично интегрировать структуру сценического пространства в сюжет театральной постановки, объединив фактуру интерьера с её объёмом и перспективой, что зачастую является непростой задачей постановщика. Кроме того, Л. Гаваа специально для балета создал модель национального костюма, не затрудняющего движений артистов и в то же время не утрачивающего самобытности и особенностей традиционных монгольских нарядов [Ли, 2021. С. 90–103].

Окончание спектакля в театре не означало завершение дневной программы пребывания в Улан-Баторе. Художники были приглашены на открытие мастерской замечательного живописца Д. Энхтайвана, самостоятельно сконструировавшего и построившего её на крыше многоэтажного дома с видом на Дворец Правительства. Всё рабочее пространство двухъярусного помещения спланировано с изящным вкусом, который свойственен большому мастеру. Ещё в начале 80-х, будучи студентом Академии (мастерская Ю. М. Непринцева), Д. Энхтайван выделялся своим талантом живописца. Его дипломную работу «Кино в степи» нередко вспоминают преподаватели вуза, обращая внимание на композиционное решение полотна, с большим пространством пустоты, характер-

ной для степной монгольской местности. Это, казалось бы, «пустое» пространство удивительным образом становится живописным и органично вписывается в задачу картины, начиная активно работать на то, что в картине является главным.

В 90-е годы, в стране изменилась политическая система, в результате чего прекратилась государственная поддержка культуры и искусства. Тогда Д. Энхтайван, будучи в 1996-2000 гг. депутатом парламента Монголии, приложил титанические усилия по поддержке изобразительного искусства. Он закрепил на законодательном уровне существенное увеличение средств государственного фонда для приобретения предметов изобразительного искусства у отечественных художников. Этот фонд по сей день является одним из главных общественных институтов помощи деятелям изобразительного искусства. Несмотря на заманчивую перспективу политической карьеры, Д. Энхтайван остался верным своему призванию и вернулся к творчеству. А. Ю. Шишин, говоря о монгольском живописце, отмечает: «Д. Энхтайван — художник, который смог глубоко проникнуть в сущностные особенности монгольского и российского искусства. Художественная одаренность и творческая воля, внимательное отношение к жизни, активная позиция помогли ему не стать эпигоном других мастеров, а, обогатившись их творческими открытиями, сохраняя связь с традициями, найти свой путь» [Шишин, 2021. C. 138–151].

Во время ужина хозяин застолья много и охотно делился своими воспоминаниями о студенческой поре, с трепетом называл имена именитых педагогов и с иронией делился забавными историями о своих однокашниках, ныне известных личностях в мире искусства. Студены с большим интересом слушали старшего коллегу, понимая, что они общаются с уникальной личностью – хранителем достоверных сведений из истории искусств недавнего прошлого. Излишне говорить о достоинствах подобного общения в качестве образовательного приёма для молодых художников, именно такие встречи могут служить побуждающим началом к обретению необходимых для худож-

ника специальных навыков, знаний и умений.

Поле ужина Д. Энхтайван раздал всем гостям карандаши и бумагу. «Завтра вы поедете на пленэр, — обратился мэтр к студентам, — давайте-ка разомнёмся перед началом настоящей работы: каждый нарисует одного из своих товарищей, а я оценю ваши зарисовки». Спустя 10–15 минут рисунки были готовы.

«Все рисунки я оставляю себе. Они стали свидетелями сегодняшнего дня. Глядя на них через много лет, я буду видеть вас снова здесь в моей мастерской. Хочу пожать вам руку и передать через рукопожатие посыл от моего учителя Юрия Михайловича Непринцева, который учился у Исаака Израилевича Бродского, а тот в свою очередь был учеником самого Ильи Ефимовича Репина».

Четвёртый экспедиционный день ознаменовал начало пленэра. Для любого художника пленэр является важнейшим инструментом для реализации творческих идей. Независимо от места, сезона и времени суток на пленэре можно решать различные задачи, в том числе творческого и образовательного характера. Помимо системной работы на пленэре непосредственно в Санкт-Петербурге и пригородах, мы ставим перед студентами задачу заниматься живописью в новых местах, которые вызывают у молодых людей свежие эмоции от знакомства с новыми людьми, новой для них культурой, традициями, историей, вероисповеданиями. Впечатления художника при встрече с неизведанными местами, расположенными в отличающихся от его постоянного пребывания широтах, с разными природными ландшафтами и необычными климатическими условиями, безусловно, расширяет эстетический потенциал творческого человека, способствует совершенствованию его стиля, навыков, мастерства исполнения.

Пленэр в Стране синего неба как нигде учитывал все перечисленные выше условия, и художники, глядя сквозь автобусное стекло, с нетерпением ожидали момента, когда смогут взять в руки кисти и краски. Непосредственно пленэрная работа предполагалась в следующих локациях: Монастырь Дашчойлин Хийд, Монастырь Дэлгэрийн Чойр, Глинистые обрывы Цагаан Суварга, Ущелье Ёлын-Ам в горах

Гурван-Сайхан-Уул, Гоби. Пески Хангарын Элс, Национальный парк XIII в., Арт-резиденция «UB-ART». Учитывая, что выбранные локации находятся на значительном удалении друг от друга, было предусмотрено перемещение художников на специальном автобусе, находящемся в постоянном распоряжении группы. Маршрут экспедиции пролегал в направлении гор Гурван-Сайхан-Уул с промежуточными стоянками в аймаке Дундговь, в г. Даланзадгад, затем возвращение в столицу и далее – в Цонжин-Болдог, Национальный парк XIII в., и окончательное возвращение в Улан-Батор.

Побывать в монастыре, пожить среди монахов в настоящих монгольских юртах, питаясь традиционной пищей, поработать с художественными материалами в атмосфере духовного мира одной из ведущих мировых религий — редкая удача для живописца. Ещё год назад, услышав предложение от хамбо-ламы Дзавы Дамдина Ринпоче, мы полагали, что приглашение было обычным жестом вежливости, за которым, конечно же, не следует обязательства уважаемого настоятеля, однако, в действительности слово настоятеля оказалось искренним.

Дзава Дамдин Ринпоче — один из почитаемых в стране лам. В общении с паствой он активно использует и современные коммуникативные технологии и личные встречи, участие в которых принимают тысячи верующих. На территории монастыря Дэлгэрийн Чойр в аймаке Дундговь, куда лежал наш путь, Дзава Дамдин с 1990 г. воссоздаёт древний буддийский комплекс, практически разрушенный до основания. Используя вновь возведённые постройки, настоятель организует молодёжные лагеря, в которых осуществляет деятельность по разъяснению основ буддизма и старается прививать воспитанникам чувство патриотизма [Сабиров, 2021. С. 192–219].

Подтверждая свою приверженность национальной идее, настоятель установил у главного храма монастыря памятник борцу за независимость страны Сухэ-Батору работы выдающегося монгольского скульптора С. Чоймбола, созданный в 1946 г.

Дзава Дамдин Ринпоче тепло принял гостей, разместил всех по юртам и пригласил

на обед. После трапезы, собрав художников в храмовой юрте, он долго беседовал с живописцами об истории монастыря и задачах по его возрождению. Расспросил об Академии, о перспективах картин, которые будут написаны во время экспедиции. Вполне демократичная беседа сопровождалась одновременно и решением художественной программы. Вооружившись альбомами и карандашами, художники рисовали портрет настоятеля. В конце встречи И. Зорькин подарил свою работу, а Дзава Дамдин с благодарностью принял портрет, пожелав всем творческих находок на богатой красками монгольской земле.

Завершив встречу, студенты Академии разобрали холсты, материалы и отправились на первый экспедиционный пленэр, к которому присоединились и монгольские художники. Выехав в район причудливых скал с пирамидальными вершинами горной гряды Их-Газарын-Чулу, экспедиция достигла высоты более 1500 метров. Скальные выходы, посреди песчаных грунтов, привлекают внимание своими формами с гладкой, природой отшлифованной поверхностью.

Когда художники приблизились к скалам и рассредоточились по окружающему пространству, солнце скрылось за набухшими влагой грозовыми тучами. Не успели они установить этюдники и приготовить палитры, как набежал мощный порыв ветра, разразилась гроза и хлынул ливень, не утихавший четверти часа. Однако впервые столкнувшись с погодными особенностями Великой степи, промокнув до нитки и дрожа от холода, никто из участников экспедиции не бросил работу; все почти до сумерек продолжали трудиться, перенося краску с палитр на холсты.

Очень вдумчиво исполнен пейзаж Р. Шувалова «Монгольский мотив» с деликатным подходом к цветовому решению, небанальной закладкой пространства холста в один приём, без переписывания, без нагружения толстым слоем краски. В чём-то, возможно, несобранный холст (много прорывов белого холста — грунта, являющегося характерной особенностью для скоротечной пленэрной живописи), не мешает целостному восприятию довольно гармо-

82

Р. Шувалов. «Монгольский мотив»

ничного колористического решения. Возникает ощущение, что этот этюд даже не написан, а сплетён: ткань холста как будто пронизана художественной нитью. Использование разной фактуры, от нетронутого грунта до плоско закрашенных пятен, создаёт ритмичный контраст, заставляющий концентрировать внимание зрителя на тех элементах, которые задумал выделить сам художник.

Довольно ординарный пейзаж Н. Бекетовой «Юрты» решён относительно просто, однако же, за счёт неравномерного деления холста на большую часть – для изображения неба, и меньшую – для земной поверхности, у зрителя создаётся пространственное ощущение широты перспективы. Не случайно выбрано вечернее время суток, когда краски наиболее сглажены, зелёный цвет становится не открыто зелёным, а скорее сложным, с охристыми, сиреневыми, синими, розовыми оттенками, вплетёнными в него, максимально усиливая цветовое многообразие.

Осматривая обширную территорию скального образования, мы набрели на руины одного из шести древних буддийских монастырей, располагавшихся на территории горной системы Их-Газарын-Чулу. Несмотря на основательно разрушенные стены древнего культового сооружения, совершенно очевидно, что здесь находились капитальные строения, сложенного из камня храмового комплекса.

Н. Бекетова «Юрты»

Несмотря на сложное завершение долгого дня и необычные условия ночёвки в юрте, молодые люди сумели вполне нормально отдохнуть и восстановить силы для предстоящей работы. А на рассвете, задолго до завтрака, художники, выбрав необходимый размер холстов и водрузив этюдники на плечи, разбрелись по окрестностям монастыря.

Как правило, все творческие экспедиции сопровождаются встречами с детьми, интересующимися искусством, с учащимися детских художественных школ, училищ, вузов. Эти встречи носят неформальный характер и проходят как дружеские беседы об искусстве, учёбе в стенах Академии, стране, из которой приехал художник. Одновременно студенты показывают, как они работают, и дают рекомендации юным художникам по особенностям академического рисунка, использованию художественных материалов, показывают приёмы владения карандашом и кистью. На этот раз соучастниками академического пленэра стали маленькие ламы, рисовавшие в альбомах прямо на земле.

В противовес этюду «Юрты» следующую картину Н. Бекетова написала, едва художники завершили вечернюю трапезу, под впечатлением безграничного пространства, окунувшегося

Н. Бекетова «Светлая ночь»

в ночь. Автор нагрузила образ монгольской ночи довольно сложным решением. Картины, изображающие ночь, обычно представляют собой довольно замысловатую задачу. Как правило, они показывают, как земная твердь освещена полной луной, а всё пространство проявляется едва заметными очертаниями окружающего ландшафта и вполне узнаваемыми предметами. В работе «Светлая ночь» Н. Бекетовой полная луна ярко освещает пейзаж нагорной степи, подчёркивая уникальность прозрачности воздушного пространства, позволяющего в полночь проявить не только едва заметные силуэты, но и совершенно чёткие структуры скальных образований, и юрту на переднем плане. Несмотря на фактически дневное освещение, покров ночи зримо ощущается на фоне глубокого ночного неба.

«Монастырь Дэлгэрийн Чойр» — один из лучших этюдов И. Зорькина, созданных на монгольском пленэре. Пейзаж, написанный очень быстро, благодаря чему художник успел запечатлеть состояние жаркого солнечного дня, где всё внимание зрителя сосредоточено в центре самого холста на входе в ближнюю юрту. Очень умело слеплены формы юрт и их окружения с помощью крупного мазка, что создало эффект скульптурности и объёмности предметов, изображаемых художником. Знание и умение применять специфические навыки пейзажиста говорят об авторе, как о сложившемся мастере.

В другой своей работе «Монастырь в степи» художник использует довольно эффектный

И. Зорькин «Монастырь Дэлгэрийн Чойр»

И. Зорький «Монастырь в степи»

приём контрастирующих облаков на фоне вечернего золотого закатного неба. Это одно из самых выгодных состояний для этюдной живописи. Именно в данное время суток все цвета гармонизируются, проникая друг в друга, и таким образом создавая живописные связи в художественном произведении.

Интересен пейзаж И. Журавлёва «Холмы в дали», более похожий на придуманный, написанный не столько с натуры, сколько под впе-

И. Журавлев «Холмы и дали»

чатлением. Такой вывод можно сделать, исходя из колорита, контраста, а также в силу того, что автор использовал более декоративные пятна и формы для композиционного и цветового решения. Ещё будучи в монгольской экспедиции, художник задумал цикл работ, посвящённый Стране Синего неба. Осуществив свой замысел тремя годами позже, И. Журавлёв познакомил петербуржцев и гостей города с большой экспозицией из более чем сорока картин в выставочном пространстве Института-музея семьи Рерихов.

Ещё одна картина И. Журавлёва, написанная в монастыре Дэлгэрийн Чойр — «Священное затерянное место». На холсте изображён характерный для монгольских степей пейзаж, наполненный юртами, стоящими рядом друг с другом, где автор использовал стаффажную фигурку на фоне каменной ступы. Образное решение пейзажа целостно отображает состояние, характерное для степи и тонко передаёт впечатление живописца.

Картина Н. Бекетовой «Интерьер юрточного храма», одна из двух, созданных в экспедиции художниками интерьеров монгольской юрты, замечательна не только своей художественной составляющей, но и документальным свидетельством внутреннего содержания действующего юрточного храма монастыря Дэлгэрийн Чойр. В этой работе самый важный элемент звучит благодаря солнечному освещению. Лучи, проникающие сквозь тоно, создали необычный эффект подсветки внутреннего пространства и наполнения юрты. Сама природа словно создала для автора нужное освещение и концентрацию взгляда на основной элемент интерьера — миниатюрную храмовую юрту.

И. Журавлев «Священное затерянное место»

Н. Бекетова «Интерьер юрточного храма»

Внутренний интерьер юрты написан вкрадчиво, отчасти намёком, фрагментарно. При этом содержание читается, и создаётся реалистичное впечатление буддийского юрточного храма.

Проведя два плодотворных дня в монастыре, экспедиция продолжила путь в сторону Гоби. В середине дня, достигнув сомона Мондалговь, группа сделала привал у центрального городского постамента с замечательной скульптурой нашего друга, выпускника Академии Л. Ганхуяга. Несмотря на значительные размеры, пластика бронзового изваяния точно передаёт даже не галоп, а скорее полёт дикого животного, символизирующего основу монгольской государственности.

Воспользовавшись походной кухней, художники подкрепились горячей пищей, сидя на скамеечке у подножия скульптурной композиции, и продолжили движение к очередному месту стоянки у глинистых обрывов Цагаан Суварга, расположенных в Южно-Гобийском аймаке. Несмотря на небольшое расстояние от административного центра аймака – в 35 км, поездка заняла около двух часов, тем самым сократив время непосредственно на пленэр.

Открывшаяся панорама степи с высоты сорокаметрового обрыва поразила художников

Цагаан Суврага. Фото К. А. Бекетова

яркой, насыщенной цветовой гаммой множества примыкающих друг к другу округлых глинистых холмов. Известковая глина и окаменелые морские ракушки свидетельствуют о том, что сверкающая радужными оттенками поверхность в древности была дном океана. Территория Цагаан Суварга довольно внушительная — около полукилометра; и для того, чтобы подробно осмотреть и выбрать подходящее место для работы, времени уже не оставалось. Местность позволяла работать с этюдником, как с верхней точки обрыва, так и с нижнего горизонта непосредственно самих «расписанных» холмов. Вид на крутые склоны тысячелетиями вымываемого дождями и обдуваемого ветрами высокого оврага наводил на размышления о том, что так могли выглядеть руины древнего храма. В тот момент, когда солнце скатилось к горизонту и солнечные лучи легли в параллель с земной поверхностью, «стены руин» осветились сполохами светового «пожара».

Картина Н. Бекетовой «Цагаан Суварга» изображает, пожалуй, одно из самых эффектных видов самобытной природы Среднегобийского

И. Зорькин. «Белое святилище Гоби»

аймака. Отвесный обрыв посреди степной равнины обнажил срез дна древнего моря, заиграв многоцветьем вкраплений искрящихся минералов известковой глины в лучах предвечернего солнечного состояния. Художник активно использует диагонали, сформированные изрезанными тенями «поднутрений», карманов на поверхности отвесных стен в качестве ритмического подхода, для создания динамики и движения внутри самого сюжета. Чёткое деление цветового решения на тёплый свет и холодные тени позволяет максимально приблизиться к реалистическому изображению уникального природного явления.

«Белое святилище Гоби» И. Зорькина — очень красиво исполненный по цвету и точно по рисунку горный пейзаж. Несмотря на тональную смешанность и отсутствие разницы между цветовой тональностью на переднем и заднем планах, взгляд зрителя блуждает будто по лабиринтам залитых солнцем скал.

Живое, красивое исполнение пейзажа «Ущелье Цагаан Суварга». Композиционно Р. С. Маунумаа выбрала вертикальное решение холста, определив таким образом рельефную скалу в качестве доминирующего объекта-пятна, находящегося в контражуре. Тёмное пятно самой скалы написано достаточно живо, без намёка на какую-либо мрачность. Рефлексы и «жидкое» покрытие подмалёвка тёплыми оттенками перекрывается сверху холодно рефлексирующими оттенками, акцентируя внимание на отвесном рельефе пропасти.

Р.-С. Маунумаа «Ущелье Цагаан Суврага»

В отличие от Их-Газарын-Чулу, где коррективы в работу художников вносили ветер и дождь, здесь у Белого святилища всё время нещадно светило яркое солнце. В то же время ветер непрерывно дул с такой силой, что не только поднимал к небу холсты, будто воздушных змеев, а буквально вырывал из рук с трудом удерживаемые на земле этюдники. Это вызывало сильные затруднения, поскольку двумя руками приходилось держать одновременно кисти, палитру, холст и этюдник. С работой справились к вечеру, когда солнце ушло глубоко за горизонт. Учитывая, что на ночёвку необходимо было добраться до туристической базы, живописцы в быстром темпе, уложив в автобус свои инструменты и сырые холсты, спешно выдвинулись в направлении едва заметных глазу юрт, растворившихся в какой-то момент на горизонте в вечерней мгле.

Уже в свете звёзд автобус остановился на площадке перед белеющей в ночи шеренгой юрт. Температура воздуха упала почти до 0°С.

Вероятно, нашу группу в этот день не ждали: ужин готовили долго, разместить гостей организованно не получилось. В итоге некоторым пришлось спать на голых деревянных лежаках без постельных принадлежностей. Но, как это не покажется удивительным, никто из участников особого внимания на неудобства не обратил. На следующее утро во время завтрака все наперебой делились своими впечатлениями о жёстких климатических условиях степной жизни и одновременно о поразительной красоте окружающей природы. Обсуждение технической и творческой составляющих вчерашнего пленэра стихийно сформировало фокус-группу, квинтэссенция мнений которой выразилась в следующем: «У нас в Бурятии есть много общего с природой Монголии, но Цагаан Суварга, которое мы писали вчера, совершенно уникален. Мне ещё не доводилось бывать в местах, где такие большие пространства формируют гигантскую сказочную картину через взаимодействия объёмных природных форм и солнечного света», — поделилась своим впечатлением художник из Бурятии А. Гарматарова.

«Вероятно, это связано с отражающей способностью глинистой почвы, которая при достаточно жёстком дневном освещении несколько гасит яркость и придаёт мягкость в контрасте теней и света», — попытался внести ясность в особенности восприятия светотеневого эффекта Белого святилища И. Зорькин.

«Самый большой плюс от подобного опыта, это то, что художник расширяет горизонты своего восприятия. Используя в дальнейшем этот опыт, а по существу, новые знания о свете и цвете, о зависимости пространственной среды от источника света и отражающих поверхностях, живописец может способствовать формированию своего стиля, к примеру, в пейзажной живописи», — добавил И. Логинов.

Собрав вещи, этюдники, холсты и уложив всё в автобус, экспедиция продолжила путь в сомон Даланзадгад, где предстояла очередная стоянка с радиальными вылазками на два следующих пленэра.

(Продолжение следует)

Использованная литература

Кульганек, Захарова: *Кульганек И. В., Захарова Н. В.* Фотографии о Монголии и монголах в Институте восточных рукописей РАН // Культурное наследие монголов: Рукописные и архивные собрания. Сборник докладов V Международной научной конференции (19–21 апреля 2021 г., Санкт-Петербург, Россия). СПб.; УБ., 2023. С. 81–87.

Kulganek I. V., Zakharova N. V. Photographii o Mongolii i mongolakh v Institute vostochnykh rukopisei RAN [Photos about Mongolia and the Mongols at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences] // Kul'turnoe nasledie mongolov i arkhivnye sobraniia [Cultural Heritage of the Mongols and Archival Collections]. Proceedings of the 5th International Scientific Conference (April 19–21, 2021, St. Petersburg, Russia). St. Petersburg; Ulaanbaatar, 2023. P. 81–87.

Ли Чуньсян, 2021: Πu Чуньсян. Искусство сценической декорации в социалистической Монголии // Искусство Евразии, № 3(22) 2021. С. 90–103.

Li Chuncyan. Iskusstvo stsenicheskoi dekoratsii v sotsialisticheskoi Mongolii [The Art of Stage Decoration in Socialist Mongolia] // Iskusstvo Evrazii. 2021. No. 3(22). P. 90–103.

Сабиров, 2021: *Сабиров Р.* Восстановление института хубилганов в современной Монголии // Религия и общество на Востоке. 2021. № 5. С. 192–219.

Sabirov R. Vosstanovleniye instituta khubilganov v sovremennoi Mongolii [Restoration of the Institute of Khubilgans in Modern Mongolia] // Religiya i obshchestvo na Vostoke. 2021. No. 5. P. 192–219.

Шишин, 2021: *Шишин А. Ю.* Творчество монгольского художника Д. Энхтайвана: этапы становления, ключевые элементы творческого метода // Искусство Евразии. 2021. № 3(22). С. 138–151.

Shishin A. Yu. Tvorchestvo mongolskogo khudozhnika D. Enkhtaivana: etapy stanovleniya. klyuchevyye elementy tvorcheskogo metoda [The Work of the Mongolian Artist D. Enkhtaivan: the Stages of Formation, the Key Elements of the Creative Method] // Iskusstvo Evrazii. 2021. No. 3(22). P. 138–151.

"THE ROADS OF N. K. ROERICH": THE EXPEDITION OF ST. PETERSBURG ILYA REPIN ACADEMY OF ARTS TO MONGOLIA (Beginning)

Konstantin A. Beketov, Natalya K. Beketova St. Petersburg Ilya Repin Academy of Arts

Kh. DAMDINSUREN
Administration of the President of Mongolia

In July-August 2018, students of the St. Petersburg Ilya Repin Academy of Arts traveled to Mongolia at the invitation of the President of the country and with the support of the Mongolian Union. The expedition took place within the framework of the 1st International "UB ART" Festival "On the Roads of N. K. Roerich". The students had the opportunity to get acquainted with the residents of the capital and rural settlements, with Mongolian culture and traditions, to work in the open air, in studios and in galleries. A series of plein-air works painted during the trip reflects the vision of young artists of Mongolian nature. The students managed to depict the expanse of the Mongolian steppes on canvases, capture traditional and modern architecture, and paint portraits of the Mongols in national clothes. Students from Russia, Mongolia, China, Chile and Finland took part in the expedition. The results of the multi-day work were art exhibitions in Ulaanbaatar and St. Petersburg, during which the viewer had the opportunity to visually explore the vast world of Mongolia, immerse themselves in its atmosphere. An important result of the expedition was the resumption of active cooperation between the artistic and educational communities of Mongolia and Russia.

Key words: Mongolia, fine arts, plein air, intercultural communications, art exhibitions, art education, master classes.

Acknowledgements: The authors of the article express their gratitude to the "UB ART" gallery (Ulaanbaatar, Mongolia), which provided financial and organizational support for the expedition.

88

About the authors:

Konstantin A. Beketov, Head of the Department for Work with Foreign Students of the St. Petersburg Academy of Arts, Advisor to the Chairman of the St. Petersburg Union of Artists, Professor Northwestern University of Nationalities (PRC) (St. Petersburg, Russian Federation) (k@bk.ru).

Natalya K. Beketova, Assistant-trainee of the monumental workshop (supervised by S. Repin), member of the Union of Artists (St. Petersburg, Russian Federation) (artru@bk.ru).

Khurelbaatar Damdinsuren, Envoy of Culture of Mongolia to the Russian Federation (Ulaanbaatar, Mongolia).

С. Л. БУРМИСТРОВ Институт восточных рукописей РАН

ПЕРВАЯ ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА СЕМЕНЦОВА «ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ НА САНСКРИТЕ: ПРОБЛЕМЫ ЧТЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

(Джайпур, 22-28 ноября 2022 г.)

Об авторе: Бурмистров Сергей Леонидович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID 0000-0002-5455-9788.

Благодарность: Обзор выполнен в рамках Соглашения между Министерством образования и науки РФ и Российского университета дружбы народов № 075-15-2021-603 по теме: «Разработка методологии и интеллектуальной базы нового поколения по изучению индийской философии в ее соотношении с другими ведущими философскими традициями Евразии» и при финансовой поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

© ИВР РАН, 2024

© Бурмистров С. Л., 2024

22-28 ноября 2022 г. в Джайпуре (Индия, штат Раджастхан) состоялась первая ежегодная международная конференция памяти Всеволода Сергеевича Семенцова (1941–1986) «Философские санскритские тексты: проблемы чтения и интерпретации» (First Annual International Conference in Memory of Vsevolod Sementsov «Philosophical Sanskrit Texts: Problems of Reading and Interpretation»). Организаторами ее выступили научная лаборатория «Центр изучения философии и культуры Индии "Пурушоттама" Российского университета дружбы народов» (Россия) и Anand International College of Engineering (Индия, Джайпур). Конференцию открыл д-р Правин Агарвал (Praveen Agarwal), профессор, вице-президент Anand International College of Engineering и один из крупнейших математиков Индии. В своем приветственном слове он подчеркнул, что религиозный компонент в индийской культуре всегда играл значительную роль, а для индийского религиозного сознания целью было и остается освобождение (mokṣa) из пут сансары. Основа

же пути к освобождению — это различение истины и лжи, и математика — один из инструментов для этого. После него приветственное слово к участникам конференции взяла Рузана Владимировна Псху, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов и глава «Центра изучения философии и культуры Индии "Пурушоттама" РУДН» (далее — Центр «Пурушоттама»). В своем выступлении она отметила значение исследований индийской интеллектуальной культуры для укрепления и развития связей России и Индии и рольтрудов В. С. Семенцова для понимания индийской религиозности.

На конференции было представлено 20 докладов, причем большую их часть докладчики представили лично. Лола Семенцова, дочь В. С. Семенцова, в своем сообщении о жизни выдающегося советского ученого раскрыла, насколько это было возможно, черты его личности, которые и обусловили становление его как одного из крупнейших индологов России в

XX в. Она отметила, в частности, что Всеволод Сергеевич был во многом загадкой даже для нее самой. Он знал множество языков, включая древние (не только санскрит и палийский, но и латинский, древнегреческий, арамейский, сирийский, древнекитайский), так что его эрудиция не ограничивалась лишь Индией. В детстве он посещал музыкальную школу, а затем поступил в Государственное музыкальное училище им. Гнесиных и закончил его в 1963 г. по классу фортепиано. Спустя пять лет он с отличием закончил Институт восточных языков при МГУ, где изучал хинди, санскрит и другие индийские языки. Кроме того, он хорошо играл в шахматы, из чего видно, насколько разносторонне эрудированным человеком был этот советский ученый. В значительной степени, сообщила Лола Семенцова, этим он был обязан своим родителям, привившим ему уважение и интерес к интеллектуальному труду. Жили они в очень сложных условиях. Первые годы жизни В. С. Семенцова его семья жила под немецкой оккупацией и только после окончания Великой Отечественной войны переселилась в Москву.

Доклад Андрея Всеволодовича Парибка, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Центра «Пурушоттама», был посвящен анализу труда В. С. Семенцова «Проблемы интерпретации брахманической прозы» как отправной точки для постижения индийской рациональности. Смысл индийского религиозного текста — надлежащим образом организовать внимание и память молящегося. В ходе ритуала участник его должен быть точным свидетелем (sākṣin) всему, что происходит перед ним, а для этого необходима определенная дисциплина сознания.

Доклад Рузаны Владимировны Псху был посвящен тематизации времени в вишиштадвайта-веданте. В современной науке понятие времени не имеет смысла без какой-то материальной «опоры», изменяющейся материи, скорость изменения которой и определяет движение времени. В индийской же философии время рассматривается в сопоставлении с вневременным. Именно на такую интерпретацию времени опирается, в частности, эпическое мировоззрение «Махабхараты», где время

связано с судьбой, роком — с тем, что человек контролировать не в состоянии и что находится при этом вне времени. Кроме того, для эпического мировоззрения важно еще и понятие «благоприятного времени» — момента, в который надлежит, например, совершать ритуал, закладывать фундамент дома и т. п. Помимо этого, в вишиштадвайта-веданте время противопоставляется освобождению как выходу за пределы временного к вечному Брахману, вечному «сейчас», благодаря которому только и существует временное.

Максим Борисович Демченко, кандидат культурологии, доцент Московского государственного лингвистического университета, рассказал о современных исследованиях комментария Бхагавадачарьи к «Бхагавадгите» (Bhagavadgītā-tattva-vimarśa). Он отметил, в частности, что учение адвайта-веданты далеко не так популярно в Индии, как говорили неоведантисты: реально к религиозным направлениям, опирающимся на адвайту, принадлежат около 15% населения, большинство же индуистов — вишнуиты, идеология которых основана скорее на вишиштадвайта-веданте. Бог в этой системе (в изложении Бхагавадачарьи) не творит Вселенную, а только побуждает материю развиваться, подобно солнцу, пробуждающему природу, существует же материя независимо от божества.

Владимир Кириллович Шохин, доктор философских наук, заведующий сектором философии религии Института философии РАН (Москва), свой доклад посвятил пониманию термина ānvīkṣikī в классических индийских текстах, проанализированного через призму аналитической философии. Доклад был представлен онлайн посредством программы Zoom и тоже вызвал большой интерес слушателей и множество вопросов.

В докладе ведущего научного сотрудника Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), кандидата философских наук Татьяны Викторовны Ермаковой была освещена история изучения «Энциклопедии Абхидхармы» буддийского мыслителя Васубандху (IV в.) в России. Одним из важных моментов доклада было указание на существенные различия между народным и «философским» буддизмом, отмеченное еще акад. Ф. И. Щербатским. Понять философские аспекты буддизма, как подчеркивал Щербатской, можно только в связи с психотехническими и иными религиозными практиками, и эти идеи развили его ученики — Е. Е. Обермиллер и А. И. Востриков.

Большую дискуссию вызвал доклад Павла Анучина, студента РУДН и сотрудника Центра «Пурушоттама», о буддийской сотериологии. Термин bodhi, в частности, он перевел как awakening «просветление», опираясь на словарное значение глагола budh «будить». А. В. Парибок в дискуссии, последовавшей за докладом, отметил, что называть буддизм учением nāstika, строго говоря, не совсем корректно, так как изначально этот термин обозначал только те учения, которые отрицают существование кармы, что буддизму не было свойственно. Лишь значительно позднее, уже в Средние века, словом nāstika стали обозначать тех, кто отрицает сверхъестественную природу Вед.

Исключительно содержательным был доклад д-ра Правина Агарвала о математических понятиях в санскритских текстах древней и средневековой Индии. Понятие числа, как сказал д-р Агарвал, было сформулировано в Индии еще в Ведах, так что корни индийского математического мышления можно искать именно там. Например, уже в ведийских гимнах встречается термин śūnya (букв. санскр. «пустой») именно в значении нуля, хотя в большинстве трудов по истории индийской математики считается, что понятие нуля появилось в Индии только на рубеже нашей эры или еще позднее. Отметил он и неслучайное сходство числительных в санскрите, хинди, современном русском, английском и других языках, указывающее на их глубинное историческое род-

Проблемам изучения неевропейских философских традиций был посвящен доклад Татьяны Корнеевой (Институт философии РАН, Центр «Пурушоттама»). Не зная, что такое философия, не имея ясного определения ее, мы вряд ли сможем осмысленно говорить о неевропейских философских системах, ибо не будем иметь возможности отличить философию

в них от религиозных представлений, мифологем и т. п. Более того, без определения философии как таковой мы при изучении неевропейских интеллектуальных культур невольно начинаем искать в них что-то знакомое, которое выходит для нас на первый план независимо от того, насколько оно значимо в контексте изучаемой религиозной или философской системы. Очевидно, это приводит к искажению реального образа исследуемого предмета, что снижает ценность наших выводов. В дискуссии, последовавшей за докладом, вновь был поднят вопрос о верном переводе буддийского термина bodhi, который переводят то как «просветление», то как «пробуждение». Д-р Агарвал отметил, среди прочего, различие между понятиями Brahman, bhagavan и deva: для современных индусов, например, Рама — это bhagavan (само это слово имеет корень bhaga «доля»), тогда как ведийский Индра — это deva («бог»), но не bhagavan. Еще сложнее отношения между этими терминами и термином Brahman, обозначающим единое мировое начало, безличное в одних религиозно-философских системах и личностное в других.

Тему интеркультурной коммуникации осветили в своем выступлении Ирина Черкасова и Юлия Кирсанова (Центр «Пурушоттама»). Как отражается система базовых понятий индийской культуры — карма, сансара, нирвана, дхарма и т. д. — в современном российском кинематографе? Карма в нем (и вообще в российской массовой культуре) понимается как синоним судьбы и имеет по преимуществу этическое измерение, сансара воспринимается как безначальное и бесконечное колесо перерождений, и особенно ясно различия между собственно русским пониманием смысла слов «судьба» или «рок» и свойственным современной русской культуре истолкованием близких, но не тождественных им индийских понятий хорошо видно, среди прочего, в современном российском кинематографе.

Доклад Сергея Леонидовича Бурмистрова (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) был посвящен анализу религиозных гимнов (санскр. stotra), приписываемых Шанкаре, в рукописных фондах ИВР

РАН. Каждый гимн представляет собой предельно сжатое изображение божества со всеми его атрибутами, мифологическими сюжетами, связанными с ним, а рецитация гимна и слушание его – это «жертва знанием» (санскр. jñāna-yajña): жертвой божеству становится само сознание молящегося, заполняемое без остатка образом этого божества, что и выводит человека хотя бы на время из мира сансары.

Живой интерес вызвало выступление Елены Лотовой (Центр «Пурушоттама») о влиянии индийской культуры на глобальные тренды. Индийские художники применяли и применяют техники, разработанные в западной живописи, но привносят в свое творчество национальный колорит, что и обусловливает влияние индийской художественной культуры на европейскую, дальневосточную и др.

Сотрудник Anand International College of Engineering Рахул Гоял посвятил свой доклад философским проблемам математики и, в частности, анализу онтологии математических объектов. Природа математического знания, отметил он, далеко не так очевидна, как природа знания естественнонаучного, так как требует еще прояснения статус математических объектов. Существуют ли они как некие реалии независимо от познающего сознания, подобно платоновским идеям, или представляют собой конструкты сознания математиков? И если верно последнее, как объяснить столь высокую эффективность применения математики при исследовании физической реальности? Все это требует анализа не только онтологии, но и эпистемологии математических объектов.

Интерес вызвали также доклады Ольги Вечериной (Центр «Пурушоттама») о роли санскрита и санскритской литературы в структуре канона тамильской шайва-сиддханты; Бхаваны Матхур (Anand International College of Engineering) о роли индийской философии в становлении и развитии ремесел в средневековой и современной Индии; Санджаны Чугх (Anand International College of Engineering) о принципах праведной жизни в соответствии с учениями индийской классической философии; Анны Смирнитской (Центр «Пурушоттама») о фонетической адаптации санскритских терминов в тамильском языке. В последний день конференции состоялся круглый стол, на котором индийские и российские ученые обсудили общие принципы исследования индийской философии, перевода санскритских философских терминов и подвели итоги конференции.

FIRST ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE IN MEMORY OF VSEVOLOD SEMENTSOV «PHILOSOPHICAL SANSKRIT TEXTS: PROBLEMS OF READING AND INTERPRETATION» (Jaipur, November 22–28, 2022)

Sergei L. BURMISTROV Institute of Oriental Manuscripts RAS

About the author: **Burmistrov Sergei L.**, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher of the Section of South Asian Studies of the Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (SLBurmistrov@yandex.ru). ORCID 0000-0002-5455-9788.

Acknowledgments: The review is made according the Agreement between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Peoples' Friendship University of Russia No. 075-15-2021-603 on the topic: "Development of a new generation methodology and intellectual base for the study of Indian philosophy in its relationship with other leading philosophical traditions of Eurasia". The publication was made with the support of the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек Институт восточных рукописей РАН

ХІІ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТИБЕТОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Б. БАРАДИЙНА (1878–1937) (14 ноября 2023 г., ИВР РАН)

Об авторах:

Болтач Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (julia.boltach@gmail.com). ORCID 0000-0001-9325-7101.

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия) (kulgan@inbox.ru). ORCID 0000-0003-1417-3167.

© ИВР РАН, 2024

© Болтач Ю. В., Кульганек И. В., 2024

28 ноября 2022 г. в Институте восточных рукописей РАН прошли XII Санкт-Петербургские тибетологические чтения. Организатором этой конференции выступил ИВР РАН.

Тибетологические чтения проводятся в ИВР РАН ежегодно, начиная с 2012 г. Эта конференция служит местом встречи учёных из разных учреждений науки, образования и культуры России и других стран, предоставляя им возможность научной дискуссии по широкому кругу вопросов, связанных с изучением религии, истории, литературы, языка и искусства Тибета.

ХІІ Тибетологические чтения были посвящены 145-летию со дня рождения выдающегося сына бурятского народа — монголоведа, тибетолога, буддолога, общественного деятеля, писателя и переводчика, преподавателя, собирателя рукописей, исследователя Центральной Азии Базара Барадиевича Барадийна (1878–1937). Будучи учеником С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, он оставил след в отечественной науке как талантливый просветитель, литератор, создатель трудов по бурятской грамматике и лексикологии. Он внёс вклад в распространение грамотности среди

населения Бурятии и в создание литературного бурятского языка. Одним из первых иностранцев он совершил беспримерное путешествие в тибетский монастырь Лавран, обогатив мировую науку ценными сведениями о буддийском образовании и культовой деятельности монахов. Многочисленные научные работы Б. Б. Барадийна по литературе, истории, культуре народов Монголии и Тибета сохраняют научную актуальность до настоящего времени.

Участниками XII Тибетологических чтений были специалисты по тибетологии и смежным дисциплинам из Санкт-Петербурга (11 из ИВР РАН, 6 из СПбГУ, 1 из ИЛИ РАН, 1 из МАЭ РАН, 1 из РНБ, 1 из ИИЕТ РАН, 1 независимый исследователь) и Элисты (1 из КалмНЦ РАН). Все доклады прошли в очном формате.

Конференцию открыла директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН, д. и. н. **И. Ф. Попова**.

На утреннем заседании (председатель — д. ф. н. И. В. Кульганек) было представлено четыре доклада.

Первым прозвучало выступление «Средства выражения аспектуальности в современ-

Рабочий момент конференции

ном тибетском художественном тексте» (к. ф. н. М. О. Смирнова, Восточный факультет СПбГУ), в котором на материале текста «Солнечный свет на дороге» (тиб. lam gyi nyi 'od) были рассмотрены конструкции с участием вспомогательного глагола byed 'делать', используемые для выражения различных аспектуальных значений, а также проанализированы случаи омонимии, когда одни и те же лексико-грамматические средства выражают различные значения.

В сообщении «Шастры в составе монгольского рукописного Ганджура» (К. В. Алексеев, Восточный факультет СПбГУ) был приведён обзор шастр (философских трактатов) и стотр (гимнов), включённых в монгольский рукописный Ганджур, и на основе этого высказано предположение, что возможной моделью для составления монгольского рукописного Ганджура стал один из сборников, сохранивший следы начального периода формирования тибетского буддийского канона (в котором не было чёткого разделения текстов на Ганджур и Данджур).

Доклад «Некоторые проблемы текстологии тибетских и ойратских письменных памятников, возникающие при составлении параллельного корпуса текстов» (д. и. н. Д. Н. Музраева

Выступление Д. Н. Музраевой

Выступление Огьен Церинга

(КалмНЦ РАН, Элиста) затрагивал вопросы, возникшие в ходе работы над проектом по созданию параллельного корпуса ойратских переводов буддийских текстов и их тибетских оригиналов с применением методов корпусной лингвистики, в частности — выбору конкретных текстовых версий рукописных памятников на «тодо бичиг».

В выступлении «О переводах "Сутры в сорока двух разделах" на тибетский и монгольский языки» (Эцзиньцайжан [Огьен Церинг], Восточный факультет СПбГУ) была рассмотрена история перевода первого переведённого на китайский язык буддийского текста — «Проповедованной Буддой сутры в сорока двух разделах» (佛說四十二章經 Фо шо сышиэр чжан изин) — с китайского на тибетский и монгольский языки в эпоху императора Цяньлуна.

Программа дневного заседания (председатель — к. филос. н. Т. В. Ермакова) включала пять докладов.

Выступление «Рукописи и ксилографы из села Агинское: к истории формирования коллекции» (к. ф. н. Д. А. Носов, ИВР РАН) было посвящено истории научных экспедиций в

Рабочий момент конференции

Бурят-Монгольскую АССР в 30-х гг. XX в., участники которых ставили себе задачей сбор произведений буддийского содержания на старомонгольском и тибетском языках для рукописной коллекции Института востоковедения АН СССР (ныне ИВР РАН).

В докладе «Базар Барадийн и его собрание тибетских книг (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН)» (к. ф. н. С. С. Сабрукова, ИВР РАН) излагалась история поездки Б. Барадийна в Забайкальскую область, Монголию и Амдо, одним из результатов которой было приобретение более 200 томов книг, в 1907 г. поступивших в коллекцию Азиатского музея.

Выступление «Фотографическое наследие Базара Барадийна в российских архивах и музеях» (к. и. н. **Н. А. Станулевич**, МАЭ РАН) было посвящено сравнительному анализу полевых фотографических материалов Б. Барадийна и архивных материалов по его поездкам, ныне рассеянных по различным архивам и музеям страны (МАЭ РАН, ИВР РАН, СПбФ АРАН).

Сообщение «Международные научные связи Ф. И. Щербатского в тибетологии» (к. филос. н. Т. В. Ермакова, ИВР РАН) содержало изложение истории сотрудничества Ф. И. Щербатского со специалистами-тибетологами М. Валлезером и Р. Санкритьяяной, обусловленного стремлением отечественного учёного отыскать памятники санскритского канона, сохранившиеся в тибетских переводах.

Доклад «По окончании Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг. ... (из архивных материалов Института восточных рукописей РАН)» (д. ф. н. И. В. Кульганек, ИВР РАН) был посвящён обзору пяти документов из Архива востоковедов ИВР РАН, связанных с работой С. А. Кондратьева в Учёном Комитете Монголии, которые были обнаружены докладчиком после написания монографии «Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева» (1896–1970) в Монголии и России (СПб., 2006) и после издания альбома «Монголия и монголы—IX» (Улаанбаатар, 2022).

На вечернем заседании (председатель — к. и. н. Ю. В. Болтач) прозвучало пять докладов. Сообщение «О некоторых монгольских до-

кументах касательно визита Далай-ламы V в Пекин в 1652–1653 годах» (д. и. н. В. Л. Успенский, Восточный факультет СПбГУ) содержало анализ опубликованных в XXI в. монгольских текстов дипломов, полученных Далай-ламой и хошутским Гуши-ханом от императора Шуньчжи, и сравнение этих текстов с единственно доступными ранее для исследователей китайскими вариантами.

В выступлении «Русско-монгольские отношения в конце XIX — начале XX столетия (по архивным материалам)» (к. ф. н. Е. А. Хамаганова, независимый исследователь) были изложены результаты изучения документов возглавлявшегося Я. П. Шишмарёвым (1833–1915) российского консульства в Урге, в которых отображены основные моменты политики России в отношении стран Дальнего Востока, положение Монголии и Тибета в составе Цинской империи, а также настроения монгольских князей и буддийского духовенства в эту эпоху.

В докладе «Буддизм и маньчжурский официальный шаманизм» (к. и. н. Т. А. Пан, ИВР РАН) были представлены сведения из «Утверждённого императором устава маньчжурских жертвоприношений духам и Небу» (1747), где были подробно расписаны правила проведения шаманских жертвоприношений и молений в императорском дворце Кун-нин-гун и шаманском храме предков Тансэ, включая моления, адресованные Фучихи (Будде) и Фуса (бодхисатве), а также обряд омовения золотой статуи Будды в день рождения Будды в 8-й день 4-го лунного месяца.

Доклад «Дао-чо — один из основателей школы "Истинной Веры Чистой земли" в Японии» (к. и. н. В. Ю. Климов, ИВР РАН) был посвящён биографии и взглядам усердного поклонника Будды Амида (Амитабхи / Амитаюса), китайского монаха Дао-чо 道綽 (яп. До:сяку, 562–645), который считается в Японии четвёртым из семи патриархов школы «Истинной Веры Чистой земли» (яп. Дзё:до синсю: 淨土真宗).

Вечернее заседание завершилось сообщением «Отражение первых прямых тибетско-корейских контактов (XIII в.) в разделе "Наследственные дома" "Истории Корё" (Корё са)» (к. и. н. **Ю. В. Болтач**, ИВР РАН), в кото-

Выступление В. Ю. Климова

ром были представлены комментированные русские переводы отрывков из этого произведения, отражающие мнение корейцев о тибетцах до первых непосредственных контактов между ними, а также содержащие сообщения о приезде тибетских лам в Корею в 1271 г. и о ссылке корёского государя Чхунсон-вана 忠宣 並 (1275–1325) в Тибет по приказу юаньского императора Инцзуна 英宗.

Заседания конференции прошли на высоком научном уровне. Представленные доклады вызвали оживлённую дискуссию и значительный интерес слушателей. Участники заседаний получили приглашение опубликовать представленные на конференции материалы в виде статей в специальном выпуске журнала «Монголика».

THE TWELFTH ST. PETERSBURG SEMINAR OF TIBETAN STUDIES DEDICATED TO 145TH ANNIVERSARY OF B. B. BARADIIN (1878-1937)

(St. Petersburg, November 14, 2023)

Julia V. Boltach, Irina V. Kulganek Institute of Oriental Manuscripts RAS

About the authors:

Julia V. Boltach, Cand. Sci. (History), Senior researcher, Department of Far Eastern Studies, (St. Petersburg, Russian Federation) (julia.boltach@gmail.com). ORCID 0000-0001-9325-7101.

Irina V. KULGANEK, Dr. Sci. (Philology), Chief researcher, Head of the Section of Central Asian Studies Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (kulgan@inbox.ru). ORCID 0000-0003-1417-3167.

УДК 80 DOI 10.48612/IVRRAN/fxf1-u8f2-kuug

Т. Д. Скрынникова Институт восточных рукописей РАН

НОВЫЕ КНИГИ ПО МОНГОЛОВЕДЕНИЮ

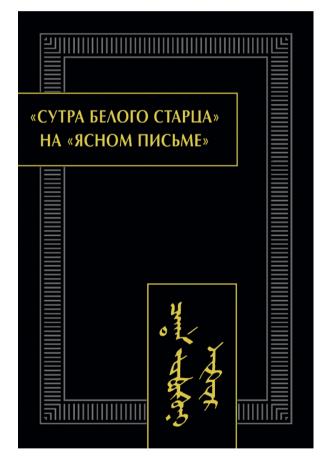
Об авторе: Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Центральной и Южной Азии ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия) (skryta999@mail.ru). ORCID 0000-0002-0674-2764.

© ИВР РАН, 2024

© Скрынникова Т. Д., 2024

Рец. на: «Сутра Белого Старца» на «Ясном письме»: исследование, перевод, транслитерация, комментарий, факсимиле / Под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. М.: Наука — Вост. лит., 2023.— 335 С. — ISBN 978-5-02-040576-9

Монография посвящена исследованию и публикации ритуального текста «Сутра Белого Старца» на ойратском языке. Работа выполнена коллективом из пяти авторов, сотрудников академических учреждений Элисты и Санкт-Петербурга: Е. В. Бембеевым (Калмыцкий научный центр РАН), Б. А. Бичеевым (Калмыцкий государственный университет), С. В. Мирзаевой (Калмыцкий научный центр РАН), Н. В. Ямпольской (Институт восточных рукописей РАН) и Н. С. Яхонтовой (Институт восточных рукописей РАН). Основная задача публикации сформулирована авторами во введении как издание ойратских текстов «Сутры Белого Старца». Исключительной ценностью работы является то, что в книге представлены факсимиле и транслитерации значительного числа оригинальных текстов — 31 рукописи из разных регионов распространения «ясного письма»: России, Монголии и Китая, а также результаты сравнительного исследования публикуемых текстов. Научная новизна обеспечена тем, что комплексное исследование

ойратских текстов «Сутры Белого Старца» выполнено впервые, а объем и разнообразие представленного в работе материала придает изданию дополнительную ценность, поскольку привлекает внимание читателей к тщательно проработанным деталям исследования: к региональным особенностям распространения отдельного ритуального текста, а также к за-

фиксированным в источниках особенностям языка и письма.

Исследовательская часть монографии состоит из трех глав. В первой главе дан обзор истории культа Белого Старца в религиозной системе монгольских народов, кратко освещена история изучения и публикаций «Сутры Белого Старца» на «ясном письме», а также представлены задействованные в работе источники. Эта часть работы имеет вводный характер, а собственно результаты проведенного авторами исследования изложены в последующих главах. Вторая глава посвящена сравнительному текстологическому исследованию 31 текста «Сутры Белого Старца» на ясном письме. Здесь последовательно проанализированы различные элементы структуры и содержания текстов и даны избранные примеры (наглядно представленные в виде таблиц), что стало основой аргументации авторов, впервые определивших характер корпуса исследуемых текстов. На основании проведенного анализа авторы предлагают выделить две версии «Сутры» на «ясном письме» — широко распространенную ойратскую версию и более редкую калмыцкую, — дополняя и уточняя таким образом классификацию ритуальных текстов культа Белого Старца, предложенную прежде другими исследователями (В. Хайссигом и Х. Футаки). В третьей главе подробнейшим образом изложены результаты лингвистического исследования — анализ особенностей орфографии и графики публикуемых источников. Эта часть работы, без сомнения, представляет наибольшую ценность как пример кропотливого сравнительного анализа источников из разных регионов с особым вниманием к диалектным особенностям, географии и хронологии публикуемых рукописей.

Трудно переоценить достоинства представленной к публикации работы. Прежде всего нужно было определить и собрать во всей его полноте корпус текстов, именуемых «Сутра Белого Старца» или имеющих соответствующее содержание. В монографии представлены транслитерации 31 текста. Сравнение этих текстов, в свою очередь, позволило авторам обнаружить, что все они представляют собой две версии. Это, конечно, результат кропотливого профессионального труда всех авторов.

В издание вошли два перевода «Сутры Белого Старца» на русский язык, основанные на двух разных версиях текста, различия между которыми описаны во второй главе. Переводы выполнены с учетом разночтений между текстами и снабжены подробными комментариями в сносках, что также потребовало не только сил и времени на выполнение технических задач, но и глубокого многостороннего знания предмета исследования данной монографии.

Вторая часть монографии посвящена изданию текстов и включает транслитерации и факсимиле 31 рукописи. Транслитерацию каждого текста предваряет комментарий, отмечающий особенности почерка, графики и орфографии источника. Содержание комментариев перекликается с текстом третьей главы и позволяет читателю при желании проверить и подробнее рассмотреть описанные в ней примеры.

Содержание монографии представляет большой интерес: авторы учли все аспекты и проблемы, которые возникают по мере знакомства с текстами, их анализ отличается аналитической глубиной и многоаспектностью и, что, на мой взгляд, наиболее важно, — пробуждает мысль читателя. Коллективная монография представляет собой достойный образец академической работы, посвященной исследованию и изданию рукописных текстов.

100

Рец. на: «Буддийские и добуддийские тексты Монголии (XIII–XIX вв.). Антология монгольской мысли / Пер. с монг. и тиб., примеч., статьи; под ред. А. Д. Цендиной. М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследования, 2023. 479 с. — ISBN 978-5-6050259-0-0

Антология монгольской мысли содержит переводы текстов с монгольского и тибетского языков, текстов, которые были широко известны в Монголии и которые в разное время были написаны монгольскими авторами. Составителями данной антологии являются доктор филологических наук А. Д. Цендина и доктор философских наук В. Г. Буров. А переводы включенных в антологию текстов, примечания к ним и статьи были представлены Ю. И. Елихиной, В. Л. Успенским, А. Д. Цендиной и Н. С. Яхонтовой. В книге содержатся тексты, которые отражают мировоззрение монголов в добуддийскую и буддийскую эпохи. Соответственно тематике они разделены на четыре раздела.

Первый раздел — «Культ Чингис-хана» — с предварительной статьей В. Л. Успенского «Мировоззрение древних монголов», включает тексты, связанные с Чингис-ханом. Составители антологии включили сюда §\$ 202-229 «Сокровенного сказания» («Награды и пожалования сподвижников») в переводе С. А. Козина; отрывок из «Алтан тобчи» Лубсан Данзана в переводе Н. П. Шастиной с примечаниями А. Д. Цендиной; «Повесть о двух скакунах Чингис-хана» в переводе Б. Соднома и Л. С. Пучковского с введением, примечанием и редактированием А. Д. Цендиной; перевод Н. С. Яхонтовой «Наставлений Чингис-хана», опубликованных Ц. Дамдинсурэном в антологии «Сто лучших образцов монгольской литературы». Особый интерес вызывает впервые переведенный на русский язык Н. С. Яхонтовой оригинальный монгольский текст: «Великая молитва Чингис-хану». Она посвящена культу Чингис-ха-

на и является одним из текстов, которые составляют сборник «Золотая книга» («Алтан дэвтэр»), хранящийся в Эджэн-Хоро в Ордосе в мемориальном комплексе, где совершались моления его духу. Перевод выполнен по тексту, также опубликованному Ц. Дамдинсурэном в антологии «Сто лучших образцов монгольской литературы».

Переводы «Шаманских текстов» второго раздела, введение и примечания к ним сделаны Ю. И. Елихиной по монгольским текстам, также опубликованным Ц. Дамдинсурэном в упомянутой антологии. Это «Обряд жертвоприношений Манахану-тэнгри» — хозяину леса с просьбой об удаче на охоте, о том, как нужно следовать определенным правилам, чтобы не прогневить его; «Обряд призывания счастья, когда прилетают птицы», проведение которого обеспечивает здоровье, потомство, увеличение стад, знаний; «Обряд жертвоприношения огню», обозначаемому в текстах как эхэ — матушка, матушка царица огня, огонь-царица, матушка тэнгри огня, а также наименованиями, связанными с мужским образом — хан огня, хан-тэнгри огня, божество огня; «Сутра о кроплении молока кобылиц» связана с одним из наиболее распространенных обрядов в монгольской кочевой среде, поскольку кропление молока проводилось постоянно: каждым членом семьи по утрам, при каждом приеме пищи, кропление очагу, перед охотой, по торжественным случаям, при проведении общественных обрядов.

Третий раздел составляют переводы пятнадцати «Дидактических текстов», что отражено в его названии. Кроме двух текстов (Равджа. Сборище лицемеров и Мэргэн-гэгэн Ишдандзан-Ванджил. Поучения) переводы остальных тринадцати с введением и примечаниями были сделаны А. Д. Цендиной. По ее мнению, назидания религиозно-этического характера получили наибольшее развитие, что образовало мощную мировоззренческую и литературную традицию, оформлявшуюся в разных жанрах (уги, лундэны, повести популярного буддизма и другие). В этом разделе А. Д. Цендина представила тексты весьма разнообразные по жанру как анонимные фольклорные, так и авторские. Авторами опубликованных в антологии текстов являются: Равджа, Тогтохтур, Ишсамбу, Тоба-гэгэн, Мэргэн-гэгэн Ишдандзан-Ванджил.

В последнем, четвертом разделе «Буддийские тексты» В. Л. Успенский написал введение «Буддизм в Монголии», состоящее из следующих параграфов: буддизм у монголов XIII—XIV вв., распространение буддизма в Монголии XVI—XVIII вв., буддизм в Монголии при династии Цин, монастырское образование, монгольские буддийские писатели. Он упомянул имена дзая-пандиты Лубсан Принлэя (1642–1715), Мэргэн-диянчи Лубсан Данби Джалцана (1717–1766), Чахарского тэбши Лубсан Чултэма (1740–1810), гуши Лубсан Цэбэла (1761–1835), алашаньского лхарамбу Агвандандара (1759 — после 1838), халхаского Агванбал-ванхайдуба (1779–1838), халхаского Агванбал-

дана (1797–1864), халхаского Дамциг Дорджэ (1756), Лубсан Даяна (Дамдин; 1867–1937), охарактеризовал их деятельность в разных областях буддийской учености, их вклад в развитие философской мысли в монгольском буддизме. В этом разделе в переводе с монгольского В. Л. Успенским с введением и примечаниями представлен «Эдикт Хубилая о тибетских ламах» и в переводе с тибетского фрагменты «Истории буддизма в Китае» Гомбоджаба и «Драгоценный светильник, проясняющий [смысл] сочиненной Дигнагой шастры "Колесо логических оснований"», также с введением и примечаниями.

В этом разделе опубликованы переводы с примечаниями А. Д. Цендиной: с тибетского «Элементы и производные от элементов» чахар-гэбши Лубсанчултима и «Повесть о сознании, вершащем дела других: Зерцало, являющее безумную пляску — беседу тела, души и существа», с монгольского «Толкование десятой главы "Бодхичарья-аватары"» Чойджи-Одсэра, «Белая история о десяти добродетелях», «о принятии монголами буддизма в XVI в.» из «Драгоценного сказания» Саган-Сэцэна, «Дающие высшее благословение» Дзанабадзара, «Песня о живом и неживом во вселенной».

Опубликованные в антологии тексты позволяют представить эволюцию мировоззрения монгольских кочевников на протяжении семи веков: от картины мира в контексте традиционной монгольской культуры до ее осмысления в системе буддийской философской мысли, что, безусловно, расширяет границы нашего знания. Книга представляет собой высоко профессиональный труд коллектива авторов и будет востребована как специалистами по истории и культуре монгольских народов, так и всеми, кто интересуется духовной культурой народов Центральной Азии. 102

NEW BOOKS ON MONGOLIAN STUDIES

Tatiana D. SKRYNNIKOVA
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS

About the author: **Tatiana D. Skrynnikova**, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (skryta999@mail.ru). ORCID 0000-0002-0674-2764.

Т. Г. Басангова (Борджанова)

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова

ТРУДЫ ПО КАЛМЫЦКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ ЗА 2023 ГОД

В 2023 г. калмыцкие фольклористы продолжали исследовать многожанровый калмыцкий фольклор, начиная от малых жанров до героического эпоса «Джангар». Определенный интерес вызовут у монголоведов монографические исследования, которые написаны по материалам полевых исследований. Библиографический список, состоящий из трех разделов — это монографии, статьи, рецензии, отражает публикационную активность фольклористов указанном году, публикующихся в журналах разного уровня.

Об авторе: Басангова Тамара Горяевна, доктор филологических наук, завсектором фольклора Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» КалмГУ им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия) (basangova49@yandex.ru). ORCID 0000-0002-4415-3530.

© ИВР РАН, 2024

© Басангова Т. Г., 2024

Монографии

Борлыкова Б. Х. Калмыцкие народные песни и мелодии XIX — начала XX вв.: исследование и материалы. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 352 с.

Меняев Б. В. Историко-культурное наследие хошутов Калмыкии: исследование и материалы: монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 544 с.

Калмыцкие песни о ссылке / науч. ред., сост., перев. Э.-Б. Гучинова, Ц. Б. Селеева; вступ. статья Э.-Б. Гучиновой. М.: Бумба, 2023. 216 с.

Сказки народов Евразии. «Змееборство» [Текст] / сост., автор предисл. Е. Э. Хабунова. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2023. 312 с.

Статьи

Басангова (Борджанова) Т. Г. Женское исполнительское искусство в калмыцком фольклоре (сказочницы) // Фольклор и фольклористика XXI в.: актуальные направления и перспективы исследовательских практик: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Уфа, 19 октября 2023 г.) / авт. вст. сл., отв. ред. Р. А. Султангареева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2023. С. 37–42.

Басангова Т. Г. Калмыцкий фольклор в наследии проф. Ц.-Д. Номинханова // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книж. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 196–199.

Басангова Т. Г. Песни о сибирской ссылке в фольклорной традиции калмыков (на материале полевых исследований) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2023. Вып. 1(312). С. 72–80.

Басангова Т. Г. Формирование репертуара М. Парчена / International Symposium on the Exchange and Blending of Silk Road and Multi-ethnic Languages and Literature. (Ланьчжоу, Северо-Западный университет национальностей, 10–14 октября 2023 г.). С. 62–63.

Борлыкова Б. Х. Гневные божества «докшиты» в песнях-шастрах монголоязычных народов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 126-137.

Борлыкова Б. Х. Исторические песни из рукописного сборника XIX века «Калмыцкие песни» // Фольклор и фольклористика XXI в.: актуальные направления и перспективы исследовательских практик: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Уфа, 19 октября 2023 г.) / авт. вст. сл., отв. ред. Р. А. Султангареева. Уфа: Изд-во БГПУ, 2023. С. 42–47.

Борлыкова Б. Х. Калмыцкий героический эпос «Джангар» и его сказители // Первый Всемирный форум сказителей (г. Бишкек, Республика Кыргызстан, Национальная академия «Манас» при Кабинете Министров Кыргызской Республики, 14–18 июня 2023 г.). С. 28–29.

Борлыкова Б. Х. Кластер «атмосферные осадки» в лексике калмыцких народных песен // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2(75). С. 138-143.

Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В., Басанова Т. М. О научной экспедиции к сарт-калмыкам // Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции (2021–2022 гг.). В 2-х томах. Отв. ред. Ю. А. Пронина. М., 2023. С. 86–100.

Борлыкова Б. Х. Ранние записи калмыцких песен (по архивным и опубликованным материалам) // International Symposium on the Exchange and Blending of Silk Road and Multi-ethnic Languages and Literature. (Ланьчжоу, Северо-Западный университет национальностей, 10–14 октября 2023 г.). С. 142–148.

Горяева Б. Б. Мотив верхнего мира в калмыцкой волшебной сказке // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.). Абакан: Хакасское книж. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 157–160.

Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип AT 508 «Благодарный мертвец» // Oriental Studies. 2023. Том 16. № 3. С. 660–672.

Горяева Б. Б. Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип «Волшебник и его ученик» (АТ 325) // Новый филологический вестник. 2023. № 1(64). С. 282–294.

Горяева Б. Б. Мотив превращения в калмыцких сказках на сюжетный тип «Чудесная птица» (АТ 567) // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 298–309.

Манджиева Б. Б. Сюжетосложение «Песни о том, как Славный Джангар, взяв [в руки] печать Свирепого Ширки, собрал своих львов-богатырей» из эпического репертуара известного ойратского джангарчи Джавин Джуна // Новый филологический вестник. 2023. № 1(64). С. 295–310.

Манджиева Б. Б. Сказительская традиция синьцзян-ойратских джангарчи в XX веке // Новый филологический вестник. 2023. № 2(65). С. 215–227.

Манджиева Б. Б. Сюжетосложение песен о героических подвигах богатырей из эпического репертуара ойратского сказителя Джавин Джуны // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 339–349.

Манджиева Б. Б. Сюжетосложение «Песни о женитьбе Узенг Алдар-хана» из эпического репертуара ойратского сказителя Джавин Джуны // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 444–456.

Манджиева Б. Б. Сюжетосложение эпической песни-поэмы «Жаңһр гидг нериг олсн бөлг» («Песнь о том, как было найдено имя Джангар») ойратского джангарчи Нарса // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 3. С. 469–486.

Манджиева Б. Б. Сюжетосложение «Песни о победе Бурхан Боро Мангна, сына Заят Алдар-хана, над Дёш Мангна-ханом» из эпического репертуара ойратского джангарчи Джавин Джуна // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2023. № 1. С. 81–88.

Манджиева Б. Б. Синьцзян-ойратская сказительская традиция эпоса «Джангар» // Zamonaviy baxshichilik san'ati: oltin merosning yangi ohanglari [Matn]: III Xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari toʻplami / Nashrga tayyorlovchilar: О. Axmedova, A. Sunnatillayev. Toshkent: Nodirabegim, 2023. В. 76–80. [Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Роль исскуства бахши в мировой цивилизации» (Национальный институт музыкального искусства, Республика Узбекистан, г. Ташкент, 6–8 мая 2023 г.). Ташкент: Nodirabegim, 2023. С. 76–80].

Манджиева Б. Б. О сюжетах песен синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы IX Международной научной конференции, посвященной Десятилетию науки и технологий и Десятилетию языков коренных народов (Абакан, 21–22 сентября 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книж. изд-во им. В. М. Торосова, 2023. С. 170–173.

Манджиева Б. Б. Ойрадын жангарч Нарсын «Жангар гэдэг нерийг олсон бүлгийн» хуйвалдааны найруулга // International Symposium on the Exchange and Blending of Silk Road and Multi-ethnic Languages and Literature [Тезисы Международной академической конференции по обмену и объединению многонациональных языков и литератур «Шелкового пути» (Китай, г. Ланьчжоу, Северо-Западный университет национальностей, 11–14 октября 2023 г.)]. China Gansu Lanzhou: Northwestern University of Nationalities, 2023. С. 62–63 (на монг. яз.).

Меняев Б. В. Галдама, Цеван-Даши и Давачи в калмыцком песенном фольклоре // Материалы международной научной конференции "Монголын угсаатан судлал—2022". Улаанбаатар: Институт истории и этнографии Монгольской академии наук, 2023. С. 84–91.

Меняев Б. В. «Индивидуальный статус» персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного учения» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4(74). С. 154–162.

Меняев Б. В., Борлыкова Б. Х. К вопросу изучения поэтического фольклора хошутов Калмыкии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 9(182). С. 142–151.

Меняев Б. В., Борлыкова Б. Х. К вопросу изучения сюжетов несказочной прозы хошутов Калмыкии (в соавторстве с Б. В. Меняевым) // Эпосоведение. 2023. № 3(31). С. 27–41.

Меняев Б. В. О притчах из «Сказания нектарного учения» // International Symposium on the Exchange and Blending of Silk Road and Multi-ethnic Languages and Literature. (Ланьчжоу, Северо-Западный университет национальностей 10–14 октября 2023 г.) С. 138–141.

Меняев Б. В. Собрание рукописей на ойратском языке, хранящихся в селе Улан-Хол Калмыкии // Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции (2021—2022 гг.). В 2-х томах. Отв. ред. Ю. А. Пронина. М., 2023. С. 152–168.

Меняев Б. В. Сюжет ATU 160 в ойратском памятнике «Сказание нектарного учения» // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 9. С. 261–279.

Омакаева Э. У. Калмыцкий бестиарий как анималистический кластер фольклорно-языковой картины мира: ключевые образы диких животных в сказочном дискурсе // Эпические традиции народов Евразии: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения известного якутского фольклориста, эпосоведа, доктора филологических наук Николая Васильевича Емельянова. Якутск, 2023. С. 156–162.

Омакаева Э. У. Общее эпическое наследие как фактор сближения ойратоязычных народов России и Китая (на примере Республики Калмыкия и автономных районов КНР) // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Редколлегия: С. С. Зенгин, Н. А. Гангур, П. В. Прохода [и др.]. Краснодар, 2023. С. 52–59.

Селеева Ц. Б. Поэтические особенности калмыцких народных загадок // Mongolica. 2023. Т. 26. № 1. С. 61–72.

Селеева Ц. Б. Типологические схождения в структуре сюжета «О том, как славный Джангар впервые сразился с Саналом» // Эпосоведение. 2023. № 2(30). С. 76–86.

Хабунова Е. Э, Дампилова Л. С, Эльбикова Б. В. Устные нарративы калмыков о чудесном исцелении в полевых записях 2023 г. // Монголоведение (Монгол судлал). 2023. Т. 15. № 3. С. 488–501.

Хабунова Е. Э, *Дампилова Л. С*, Эльбикова Б. В Шаманские лечебные обряды западных бурят // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 673–681.

Репензии

Басангова Т. Г. Рец. на книгу: Дьяконова М. П. Миф в фольклоре эвенов и эвенков: цикл творения мира. Новосибирск: Наука, 164 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; т. 45) // Эпосоведение. 2023. № 1. С. 113–116.

Басангова Т. Г. Топонимический словарь Калмыкии. Рец. на книгу: Словарь топонимов Республики Калмыкия = Хальмг Таңһчин һазр-уснанердин толь-бичг / сост. Д. Б. Гедеева, Б. Э. Убушиева, Л. А. Лиджиева, Б. В. Баринова. — Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 344 с. // Вопросы ономастики. 2023. № 1. С. 223–228.

Хабунова Е. Э. Рец. на книгу: Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с. // Монголоведение. 2023. № 15(4). С. 774–779.

PROCEEDINGS AND PUBLICATIONS ON KALMYK FOLKLORE IN 2023

Tamara G. Basangova

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov

About the author: **Tamara G. Basangova**, Dr. Sci. (Philology), Head of the Section Folklore of the International Research Center "Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space", Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation) (basangova49@yandex.ru). ORCID 0000-0002-4415-3530.